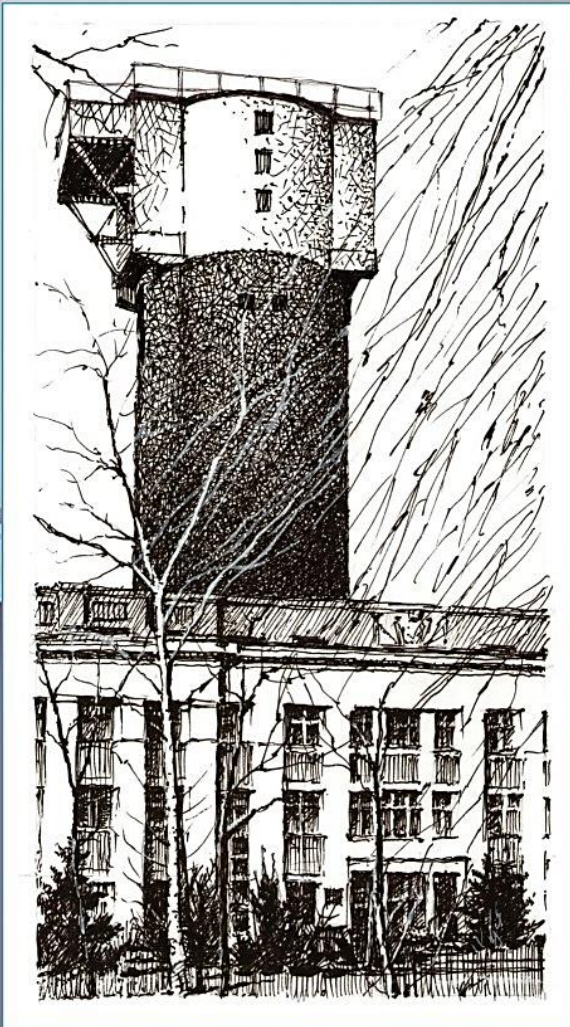

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ СТИХИЙ

№ 3 (61) MMXXVI

Издание выходит при содействии Союза писателей России

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ

СТИХИЙ

Творчество без лишнего пафоса

*Устав от пресной чепухи,
Как в море, ухожу в стихи я –
Ведь эта пятая стихия
Просторней остальных стихий.*

Игорь Царёв

№ 3 [61] – MMXXVI

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Елизавета Хапланова (Москва)** –
И. о. главного редактора
- **Ирина Бауэр (Донецк)**
- **Андрей Икрин (Алупка)**
- **Марк Некрасовский (Луганск)**
- **Александр Товберг (СПб)**
- **Художник: Г. Н. Иванова**
- **Корректурa: <https://geekbot.ru>**

Издаётся с ноября 2010 года.

12+ В соответствии с законом «О
средствах массовой информации»
Донецкой Народной Республики от
29 июня 2015 года.

Работы и отзывы о журнале прини-
маются на п/я: 5stih@bk.ru

Ё – Ёфицированное издание

**Журнал «Пять стихий»
является лауреатом премии
Союза писателей России
«СЛОВО» – 2020**

В НОМЕРЕ

I. Пятая стихия

ВЕРА АГАРКОВА	4
КРИСТИНА ДЕНИСЕНКО.....	6
НАТАЛИЯ ДЁМЧЕВА.....	11
ЕЛЕНА ДИЧЕНКО.....	15
ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ.....	21
КОНСТАНТИН КОВАЛЬ	26
ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА.....	32
АЛЕКСАНДР КУРАПЦЕВ.....	37
ИВАН НЕЧИПОРУК.....	40
ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ.....	45

II. Стихия прозы

ИРИНА БАУЭР.....	52
ЮРИЙ АГАНИН.....	63
МАКСИМ ЕРШОВ.....	69
СЕРГЕЙ КАЛИНИН.....	79
КАТЕРИНА КОРНИЕНКО.....	86
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ.....	89
СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ.....	93
ИЛЬЯ ЧЕСНΟКОВ.....	114

III. Беседка

ИНТЕРВЬЮ С УЧРЕДИТЕЛЕМ, ИЗДАТЕЛЕМ И ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛОВ «МЕТАМОРФОЗЫ», «МИР ЖИВОТНЫХ», «ЭКОЛОГ И Я» НАТАЛЬЕЙ ЕВГЕНЬЕВНОЙ СЛЯДНЕВОЙ – БЕЛАРУСЬ	118
ЦЕНА РУССКОГО СЛОВА	127

IV. Стихия поэтики

НИНА ИЩЕНКО.....	136
------------------	-----

V. Стихия публицистики

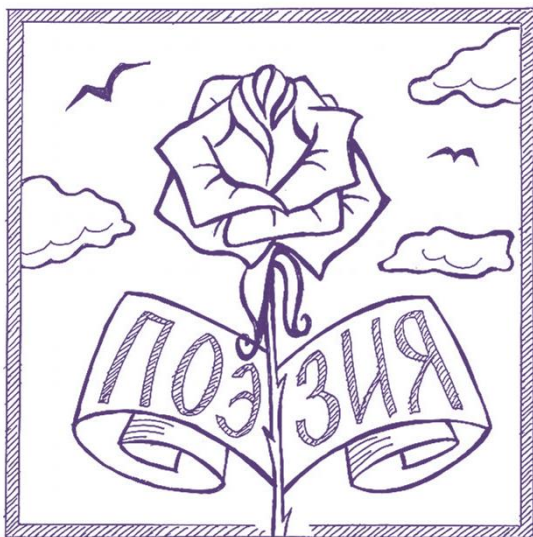
СВЕТЛАНА ШЕМЯКИНА	142
-------------------------	-----

VI. Кипарисовый ларец

ЛЮДМИЛА ДОВГАЛЕНКО	162
--------------------------	-----

Иллюстрации рубрик – Галины Ивановой;

Иллюстрации на обложке и титульной странице, заставки – Станислава Каплуна

ПЯТАЯ СТИХИЯ

ВЕРА АГАРКОВА

Родилась на Чукотке, жила в Ленинградской области и на Донбассе. С 2014 года проживает в Санкт-Петербурге. Обладатель почётного знака «Золотое перо Донбасса», финалист премии «Женщина года. Журналистика». Лауреат и победитель конкурсов журналистского и литературного мастерства в Донецке, участник фестивалей «Каштановый дом» (Киев), «Город дружбы» (Дружковка), «Лав-ин-фест» (Харьков), «Клён-фест» (Днепропетровск), «Камбала» (Донецк) и др. Печаталась в литературных изданиях «Отражение» (Донецк), «Пять стихий» (Горловка), «Северомуйские огни», «Окно» и «Нева» (Санкт-Петербург) и др. Автор сборников стихов «Отшельник» и «Одно кино». По образованию инженер и журналист. Основной род занятий – медицинский маркетинг. Ведущая киноклуба «Внутренняя Киноимперия», пишет кино-рецензии, организатор творческих встреч.

* * *

**живёт неважный человек
чуть тронутый любовью
прибитый светлой стороной
слегка помятый тёмной
его слова берёт вода и складывает в реки
слова уходят за водой вода за человеком
не достигая глубины не поднимаясь в выси
скользят несказанных речей
немыслимые смыслы**

* * *

**бежать туда где травы в полный рост
и мошकारа гирляндой в паутине
и наточить и занести косу
и опустить её как гильотину –
приговорить траву к небытию
бежать туда где дерево стены
умеет петь и говорить стихами
дотрагиваться слушать вспоминать
и быть собой и забывать как звали**

* * *

**туда куда детские сны уводили
по ломкому краю стеклянного лета
по каплям травы по неспешным приметам
пройти по дорожке от школы до дома**

и окна найти и стоять под балконом
бессиливом скован бессловием сломлен
и тенью минувшего не успокоен
без ведома свыше пробраться неслышно
смешной незаметной неузнанной мышью
бездомной бездонной наполненной болью
и вспомнить и вспомнить и вспомнить и вспомнить

* * *

не родит не помнит сыра вода
семя в воду падает и гниёт
я стою под толщей не чуя дна
тяжелее неба длиннее дня
глубина сквозь тело моё растёт
то куда-то вверх то куда-то в век
и приходят с тёплой забудь-волной
нероди-песок с обмани-бедой
нелюблю-слова с упокой-травой

* * *

баиньки баиньки будет детка паинькой
возьми меня маменька возьми меня папенька
спатеньки уложи сказочку расскажи
нет у меня маленькой ни маменьки ни папеньки
некому меня паиньку спатеньки уложить
нету такой сказочки чтобы стало мне веселей
нету такой песенки чтобы светлей
жила я жила маленькая
и стала старенькая-престаренькая
ножки болять ручки болять
головушку думушки до земли клонять
реченька быстрая а мостки тонки
а и путь-то неблизкий а и волки-то притки
кто меня маленькую на ручки возьмёт
кто меня старенькую на ручки возьмёт
кто меня маменьку на ручки возьмёт
на ручки возьмёт да спать унесёт
придёт серенький придёт ласковый
да как лязгнет зубами
открывай скажет
твоя мама пришла рыбушку принесла
я и выгляну с крылец
а там сказочке конец
ну и дура

КРИСТИНА ДЕНИСЕНКО

Родилась 16 октября 1983 года в посёлке Славное Шахтёрского района Донецкой области УССР. Член Межрегионального союза писателей. Победитель 18-го Всероссийского конкурса патриотической поэзии имени А.Т. Твардовского. Победитель Всероссийского творческого конкурса имени Мэри Рид. Победитель XI фестиваля-конкурса поэзии «Муза Новороссии». Лауреат литературной премии имени «Молодой гвардии». Гран-при V ежегодной международной литературной премии «Человек слова». Гран-при литературной премии «Литературный код». Автор десяти книг. Проживает в г. Юнокоммунаровск городского округа Енакиево.

БЫЛ

Златоуст, отщепчи февралём от ненастных дум.
Пусть случится весна там, где гарью пропах туман.
Свет сочится сквозь голые клёны, а я иду,
Как по тонкому льду, ни оттуда и ни туда.

Воробьи окунаются в солнце, как в иордань.
Им неведомо, сколько минуло и лет, и зим.
Я же раненый в душу в последнем бою солдат,
Понимаю, что выстрел, как оттепель, пропустил.

Воробьи не считают потерь. Я устал считать.
Воробьям что окопы, что поле, что в поле дым.
Им бы зёрнышко. Мне бы домой. Лечь в свою кровать.
Отоспаться и страшным бы сном обо всём забыть.

Штурм руин, канонаду, прицел и противный свист...
А на клёне, осколком под кожей, набух росток.
Воробей в камуфляже нескладен и неказист,
Но я чувствую сердцем, как он о весне поёт

Здесь, где вёсны сроднились с войной под густой набат,
Где окурок затупшен о слёзы земли и сырой ковыль.
Златоуст, отщепчи... Я ещё не готов принять,
Что теперь я не есть, что теперь я был.

Я ТЕБЯ ХРАНЮ

... Я неизменна. Хлебом не корми. Я буду просто греть.
Себе верна и в пир, и в мир, и в рёв медведя, и — снаряда.

Я вхожу в каждый дом, в окоп, в силки и в поезда, в соцсеть...
Я девичья весна и красота в пустых глазах солдата.

Я в белом. Для одних мой позывной дрожит на ковылях,
Нечаянной слезой на тонких нитях выжженного края.
А для других я безымянная глава, и пух, и прах.
Я есть надежда, в оспинах, в бинтах, но я всегда живая.

Земле поверх открытых ран ручьями наложу жгуты.
Подснежники взойдут как звёзды на едва остывшем небе.
Я медсестрой их положу рождённому в рубаше жить
В нелёгкий час, на тонкой грани между скепсисом и верой.

Я повела бы в бой, в последний путь, к обрыву над рекой,
Но буду просто греть лучами солнца тишину в ладонях.
И ты запустишь дрон как птицу над окрестностью родной,
И вспомнишь мамины глаза, и сладкий аромат пионов.

Передохни, расслабь блуждающие нервы под бронёй.
Дыши теплом, смотри, как старый ясень тянется к восходу.
Я ненадолго встану белокрылой девой за спиной.
Пусть ни одна душа на оружейный выстрел не подходит.

Я неизменна. Я тебя храню от смерти, от простуд,
От горького порыва сквозняка и жалобной капли.
Смотри же, воду из следов солдатских птицы мира пьют,
И хлеба ждут... А зрелищ не хотят. А зрелищ насмотрелись.

Я И КОМОД

В меня вливается лунный свет,
пробуждает стены,
рисует карты
на холодном полу.

Я куб,
который сдают посуточно.
Я палуба
затонувшего времени.
Пространство.
С комодом и кроватью,
с видом на сосны
и натянутые верёвки с бельём.

Жильцы пахли солнцем и пантенолом,
проливали кофе,
забывали в комодке книги.

Комод грезит набережной.
Давно не лакированный,
без антикварных ручек.
Перекрашен в матово-белый,
но внутри та же тоска.

Вчера в нём оставили «Войну и мир».
Студентка читала на подоконнике,
плакала в углу у батареи.
Я до рассвета удерживала плед
на худеньких плечах.
Её парень исчез.
Он командир взвода БПЛА.

Новый жилец не включает ночник.
Он скачет на одной ноге
от кровати к окну, от окна к комоду.
Говорит по видеосвязи
что-то про сосны, море,
про ранение...
Кладёт в комод военный билет
и мыло с горной лавандой.
Он хотел бы забыть в комодке вчера,
а забудет таблетки от фантомной боли.

Комод помнит все руки,
которые его открывали.
С кольцами и без.
Нежные и с шершавыми заусеницами.

Мы молчим об одном.
Два маяка,
оставшиеся на берегу.
Два конвейера людских судеб.

Я ЗДЕСЬ

День рождения. Торт. Телескоп. Цветы.
И мы смотрим на звёзды сквозь толщи бездонных лет.
Млечный путь так красиво звучит, но по сути — пыль.
Есть такой млечный путь на шкафах с бараклом у всех.

Все земляне под небом, под богом, под сенью звёзд.
Все — родня, даже если не пишут и не звонят.
Мой сосед из однушки — кот с двора принёс.
У кота появилась добрейшей души родня.

Надо мной — не живут квартиранты четвёртый год.
Тех землян напугали ракеты и в окнах дым...
Муравьями за сахар дерётся родня и ждёт,
Чтобы сахар всевышний по-честному поделил.

Звёзды помнят, наверно, как стала земля Землёй,
Ты же помнишь колени в зелёнке — слетала цепь...
Как давно это было. «Маяк» по утрам. Прошло.
Телескоп мои мысли отбросил в СССР.

И мне снова неведом ни миф о луне, ни факт.
Плед со звёздами вяжет на спицах бывшего тень.
Сколько строчек осталось до завтра — не угадать...
Я одна из землян. Я одна из родни. Я здесь.

РАСТАЯЛ СОН В ЛУЧАХ ТОСКУЮЩЕЙ ВЕСНЫ

Растаял сон в лучах тоскующей весны
по яблоням у дома в суковатых ветках,
по лавке из ореха, где по выходным
я наряжала кукол в платья из цветов
и кухонных салфеток.

Сиреневый рассвет в холодных облаках
кладёт в ладони небо тонкими слоями.
Я вижу город, а душа — цветущий сад,
родную улицу и перелётных птиц
над чистыми полями.

На козырьке балконном сеет тишину
кисейный ветер в ореоле свежей мяты.
Мне на работу надо, а душе — нырнуть,
как в море с пирса, в соты солнечных лучей
из не застеленной кровати.

Пока на крышах дозревает тихий свет
и кот о ножку стула трётся рыжей шерстью,
я убеждаюсь в энный раз, что лучше нет
мгновений по утрам, когда моя душа
уходит в память детства.

А МНЕ БЫ ВИШЕН...

В портовых доках постепенно тает лёд.
О трос лебёдки солнце зацепилось нитью.
Закат по бочке из-под скумбрии течёт,
Боясь пустого ненароком не обидеть.

Полярный день в пладкарте кажется длинней.
В ладони охра сопок просится сквозь стёкла.
А мне бы вишен в них, с раскидистых ветвей,
И оказаться у родительского дома,

Где мелом белена кора в густом саду,
Где майская краса доверчивостью слепит,
Но в ореоле ржавой пыли я сойду
В промзоне с кранами до северного неба.

Над цехом выкатится яблоком луна.
И где-то далеко она же упадёт за склоном
В краю родном и тихом, где я родилась,
В краю надёжно в сердце сбережённом.

ЗАМЕТАЕТ СЛЕДЫ ОСЕНЬ ЖЁЛТЫМ ШЁЛКОМ

Замечает следы осень жёлтым шёлком.
От порога до марева только горечь.
То не птица на ветке кленовой смолкла,
то утих зов нездепней тоски по морю.

Чем запомнилось лето пустой скамейке?
Знойным солнцем и небом бездонно-ясным.
И скамейки, и люди всегда стареют
только с виду. В душе медоносит август.

В сентябрых я прощаюсь с луной и солнцем,
словно всё доживает последний фокус.
Говорят, там, где тонко, то там и рвётся,
и ведут все дороги не в Рим, а к Богу.

А была ли я честной сама с собою,
мне расскажет вода с почерневшей лужи,
и посмотрят мне в душу родные окна,
и охватит на миг изнутри удушье.

Проплывёт облаками над крышей детство.
Осень краски сгущает и ранит тленом.
Не могу на ушедшее насмотреться...
Для меня то, что в памяти, драгоценно.

НАТАЛИЯ ДЕМЧЕВА

Родилась 24 февраля 1949 года в г. Джезказгане (Казахская ССР). Детство и юность прошли в Горловке Донецкой обл. В 1971 году окончила фармацевтический факультет Курского государственного медицинского университета. С 1972 года живёт и работает в г. Липецке. Автор 14 поэтических сборников, создатель и руководитель авторской литературной студии «ЗвУкопись» и музыкально-поэтического клуба-салона «КРеДо». Член Горловского литобъединения «Забой», Межрегионального союза писателей (Луганск) и СП России. Действительный член ПАНИ (г. Санкт-Петербург). Лауреат Премии литературного журнала «Петровский мост», Дипломант и Призёр конкурса МВД России «Доброе Слово».

«ПЛОДЫ УТРАЧЕННОГО РАЯ...» (отрывок из поэмы «Степная сага»)

*Родиться русским слишком мало,
Им надо быть, им надо стать.
Игорь Северянин*

Как в умозрительном кино
Бескрылая летает птица,
Пытаясь в душу воплотиться
В изображении ином.
Пернатой выпало страдать
На островах великой скорби,
Храня в сердечной хрупкой колбе
Божественную благодать.
Европу сводит нервный тик:
Проказа и чума с коростой.
Как будто хочет Коза Ностра
Присвоить общий материк.
Жестокий мир предметно груб:
Огнём рубцы горят на коже,
Дурное сердце зависть гложет
Под лязг иерихонских труб.
Библейский миф предельно слаб,
Но Слово совесть будоражит:
Ты с Богом встретишься однажды,
Надменный червь, презренный раб.
Бумажный змей нырнул в овраг,
Проворной сапой в лужу канув.

Зачем же друг (а ныне – враг)
Швырнул в священный угол камень?
Спугнула радугу метель
Февральским бесприютным утром,
Зима холодным перламутром
Укрыла брошенный вертеп.
Прораб, увы, не виноват,
По швам трещат траншеи Трои.
Нас в целом мире только трое:
Поэт, философ и комбат.

Я давно не пишу,
От наивных стихов отрекаясь.
Я устала от гневного гула
Гражданской войны.
Своему малышу,
По утрам каждый день улыбаясь,
Я желаю любви,
А не чувства всеобщей вины.
Погружаясь в прицел,
Расползаются танки по тракту,
Сосны, как арестанты, бредут
Чередой вдоль унылых полей.
Разве в душном кольце
Чья-то дочь или внук виноваты?
Ты, продажная нечисть,
Тревожить святыни не смей!
Но госдепа гарем,
Выдавая подлоги за факты,
Свод лугов и лесов
Присмотрел до весенней поры:
Сатана озверел,
Заклячая подпольно контракты
На запрет голосов
И младенческих игр детворы.
Задыхаясь в бреду,
Пляшут доллар и евро чечётку,
Европейские санкции
Шустро освоили «стэп».
Рубль и гривна в ходу.
Мозг стихи декламирует чётко.
Ждёт цветенья акаций
Заложница истины – Степь.

Дайте мне в руки резиновый ластик,
Чтобы стереть с оперенья страниц
Щупальца мерзких коричневых свастики,
Тенью пугающих утренних птиц.
В дутых обновах бронежилетов,
В скрежете острых железных когтей
Спутница редких дорожных сюжетов,
Мать повзрослевших внезапно детей,
В кадрах войны увидала такое,
Без наваждения и без прикрас,
Что никогда ей не будет покоя
В доме, где бесы устроили лаз.
Знамя победы пропитано ртутью,
Гарью мазутной, вселенской бедой.
Силы небесные, собраны будьте
Над терриконами с мёртвой рудой!
Дышит тоска безраздельная рядом,
Словно отравленный кит на мели.
Степь, опалённая огненным градом,
Злу не уступит ни пяди земли.

Горят леса в разгаре лета,
И пламенеет вдоль дорог
В Геенне огненной планета,
А с ней – Россия, видит Бог.
Земля покрыта коркой хлеба,
В колосьях закипает клей,
И просят милости у лета
Сухие ветви тополей.
Висит обугленное солнце,
Дотла готовое сгореть.
Глоток воды на дне колодца
Не даст славянам умереть.

Возрождаться
Степь имеет свойство
После ратных битв и непогоды.
Это не безумное геройство,
Это – сердца ритм в лихие годы.

Не падая привычку преклоняться
Перед образцом высокой моды,
Мы готовы заново влюбляться
В мирный нрав божественной
Природы.

Отчий дом на краю Земли
Продувает семью ветрами,
Словно нет там святой семьи
За разбитой снарядом рамой.
Держит прочно обитель крест,
И у зыбких границ Голгофы,
Воспаря на Эверест,
Чудотворец слагает строфы.
Восстаёт в полный рост Донбасс,
Пережив огневую зиму,
И невеста танцует вальс
В белом платье – неотразимом.
И врывается детский смех
К горловчанам в сады и школы.
И пророчит весне успех,
Снятый взрывом с икон Никола.
И срывает апрель с крюков
И со стеклопакетов бремя,
И молюсь я за земляков
В промежутках военных прений.

ЕЛЕНА ДИЧЕНКО

Родилась 28 мая 1975 года в городе Горловка. Поэзией увлекается с детства. Стихи печатались в газетах, альманахах, коллективных сборниках и литературных журналах. С 1999 года – в рядах Горловского Литературного объединения «Забой», с 2015 – участник Литобъединения авторов Донбасса «Стражи весны». Дипломант Международного фестиваля «Звезда Рождества – 2017».

На протяжении последних лет была трудницей при Свято-Успенской Святогорской Лавре.

ВЕЧЕРНЯЯ ПОЭЗИЯ

...как я люблю это время, когда огоньки
точками, гроздьями
плавно плывут вдоль дорог.
Я поднимаюсь
пролёт за пролётом
к себе на порог –
и освещаю квартиру
движеньем руки.

Встреченным людям всю душу свою отдала, –
и потому не осталось в душе пустоты...
Чайник кипит на плите. Возвращаешься ты,
и обсуждаются общие наши дела.

Люди приходят домой. Загорается свет
в кубиках-рубиках новых высотных домов.
Сколько поэтов годами
искали смысл жизни умом,
чувствами зная на всё в этой жизни ответ.

Какое непростое слово «снег»!..
А по-английски чуть иначе: snow.
А может быть, и правда мы во сне?
А может, мы пришли из разных снов
туда, где до объятий полчаса,
до счастья – шаг,
и свет, летящий с неба?
Не собирались судьбы изменять,
но мир внезапно завалило снегом,
и оба мы подумали: навечно.

О, жизни бег, остановись на миг!..
Не всё равно – на век или на вечер?! –
под снег шагнём
как в параллельный мир.

МИЛЛЕНИУМ

Мы в самом финале двадцатого века.
До нового года осталась минута.
Вино, циферблат и сосновая ветка. Восторг -
и тревога в душе почему-то.

Потомки подумают: чем они жили?
О чём размышляли? Чему удивлялись?
Мы временем жизни не дорожили.
Считали копейки. По улицам плялись.

На самом краю уходящего века
забыв обо всём, я тебя целовала!..
До нового века
осталось мгновение.
Мы прожили вечность.
А это немало.

в этот снег сверхглубокий упасть с головой,
и зарыться в него, и забыться совсем.
Будет таять он медленно словно -любовь:
понемногу сначала, сильнее к весне.

И не станет его, как не стало любви...
Эти яркие чувства твои и мои – где они?!?

...все проблемы наши от нелюбви.
От неё все беды, обиды, войны.
Всех нас жалко. И все мы любви достойны.
Нас Господь Любовью благословил:

«Возлюбите ближнего как себя!»
Посочувствуйте ближнему и поймите.
Пожалейте. Утешьте. Не осудите.

И Господь откроется вам, любя.

Чтоб огонёк Небесный не погас,
не разъедала ржавчина сомненья,
да явится Бог каждому из нас
в святой особый день
Богоявления.

Чтоб не роптать на избранном пути
и не свернуть с него во тьму однажды,
водой крещенской, Боже, освяти
то лучшее,
на что способен каждый.

НЕБО НАД ХРАМОМ

Небо! Птицы и кресты,
а над ними – самолёттик:
в ослепительном полёте
покоритель высоты.

Небо! Птицы и кресты
в облаках необычайных...
Каждый шаг к Тебе – есть тайна
и стремление расти.

В небо. К птицам и крестам.
Следовать за самолётом
по немыслимым высотам -
чтобы оказаться Там.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ И ПАСХА

В апреле душа ненадолго
касается вечности.
Такой это месяц: цветения
и возрождения.
Апрельские вежи – Начала и
Бесконечности.
Ты можешь не верить в спасенье,
но верь в обновление.

Ты можешь не верить в Мессию,
но верь человечности.
Как шарик воздушный, душа
в синеву порывается!..

Два праздника вечных -
Начала и Бесконечности.
Идя по дороге, увидишь:
она не кончается.

Человек ищет небо всю жизнь,
Где б ни шёл он, и кто бы он ни был.
Человек смотрит вверх, пока жив –
Потому что пришёл сюда с неба.

Даже если от неба далёк,
Поглощён добыванием хлеба.
И молитвы не выучил строк –
Всё равно он пришёл сюда с неба.

Как хочется туда,
За облака...
Где испарятся слёзы и тоска,
Где светлое прощенье торжествует,
И память бесконечно высока.
Где мамочка при встрече
Расцелует.
В том мире мама будет жить века...

Дети тянутся к взрослым,
Тянут нас за рукав.
Ждут готовых ответов,
Как чипсов и шоколада.
Просто дети считают,
Что мы живём, разузнав,
Как нам жить,
Как жить им,
И вообще,
Зачем это надо.
Ну, а мы не пророки.
Просто в глазах налёт
Неких знаний (умений),
Накапливаемых годами.
Мы живём, как над пропастью,
И впереди – полёт.

Свою роль в этом мире
Мы так и не разгадали!

МАЛЕНЬКОЙ КАССИОПЕЕ

С каждым днём здесь всё больше травы,
Больше радости, меньше печали.
Только с теми, кого потеряли,
Никогда не расстанетесь вы.

Будут в Вечность они уходить,
Может быть, ни о чём не жалея...
Только с теми, кто смерти сильнее
Сердце будет всю жизнь говорить.

Стихи – от желания объяснить
Кому-либо что-либо.
Может, не всем.
Нас свяжет с тобою незримая нить
Еле касаясь запретных тем.

Незримая нить, ненадёжная нить
Не сможет судьбы соединить.
И я о привязанности молчу,
Я быть привязанной не хочу...

Зачем же птицей к тебе лечу?

Ты говорил:
– Пойми меня без слов.
Но почему? На свете слов не мало,
Их тысячи... и всё же не хватало?
А может не нашёл красивых слов...

Любовь без слов, как лето без цветов.

Бегу, догоняя сбежавший кофе
К плите – до чего же напиток вредный!
И вредный он сразу во многих смыслах,
Но что тут поделаешь: обожаю!

Вот так отношусь и к тебе, любимый.

Почуяв в настроенье перемену
Ты вновь из дома тёплого уйдёшь
И более прекрасную Елену
Ты, может быть, в окрестностях найдёшь.

С хозяйственной, уверенной, умелой
Построишь дом – и станешь сам иным.
А я останусь дурочкой несмелой,
В пыли блеснувшим стёклышком цветным.
В быту не нужным стёклышком цветным...

Но мир со мной ты мог увидеть ярким!

* * *

Мы как волны,
морские волны –
Но у каждой волны свой норов,
И у каждой – короткий разум
И свои, хоть простые, чувства...

Мы как снег,
миллиард снежинок!
Но у каждой снежинки – имя.
Мы на первый взгляд так похожи!
А на пристальный взгляд – различны.

Что за сон мне приснился странный...
Но, пожалуй, ведь это правда?
Только близкие нас видят ближе.
Только Бог нас один различает.

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ

Поэт, член Союза писателей России, Межрегионального СП (МСПС), Союза писателей ЛНР. Лауреат литературно-исторической премии «Моя Россия» в номинации «Современная поэзия» (2024), финалист Национальной литературной премии «Слово» в номинации «Мастер. Поэзия» (2024). Автор двенадцати поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз». На её стихи написаны песни московской рок-группы «Зверобой». Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки. Является членом Общественной палаты ЛНР и членом Совета Философского монтеневского общества Луганска. Живёт в Луганске. Работает в Академии Матусовского.

НЕЖНЫЕ БУЛЬДОНЕЖИ

Нежные бульденежи цветут,
И сирень,
И ландыши тоже!
Если смерть неизбежна,
И все умрут –
И я... и я тоже.
Зачем это всё?
Это майское пьяное утро?..
И сердце здесь посерёдке
Сейчас разорвётся, как будто
Не может вместить
Столько боли, любви и весны вперемешку!
Невозможно забыть
Эти нежные бульденежи...
Погляди, как невеста-весна
Разыгралась в снежки
Со смертью...
И летят лепестки,
И плачет
Беззащитное
Глупое
Сердце.

ВЕЧЕР

Гранат созревает,
Цикады поют,
Но сердцу не в радость
Блаженный уют!

Мятежному сердцу
Видать до могилы
Покой и блаженство
Принять не по силам.
Чего же ты ищешь,
Волнуясь и маясь,
К родным пепелищам
Всегда возвращаясь?
Чего же ты хочешь?
Знать тайны пророчеств
И птичьих следов
Неразборчивый почерк?
Бредёшь, выбирая
Планиду скитальца,
Ухабами ямба,
Страницами странствий,
По краю, по краю
Проклятий, молитвы,
По звёздам сверяя
Маршруты и рифмы
В стремление узнать,
Что сокрыто за гранью,
Как Слово смыкается
С певчей гортанью,
И светится нимбом
Закатное солнце...
И всё, что любимо,
С тобой остаётся!

СОВЕТСКАЯ АТЛАНТИДА

Советская Атлантида...
Дворец культуры и Ленин
На площади неизменен,
И время застыло глыбой,
Но крошится постепенно.
Как будто пришли из детства
Сны мои в Зимогорье.
Толпятся у изголовья...
Чудное моё наследство,
Лучшее любовью.
Но скоро они разлетятся,
Разбуженные сиреной.
Елена! Не спи, Елена,
Во время войны Троянской, донбасской!
И дней оседает пена...
Но что же всё это значит?

Зачем на челе империи
Не лавры горят, а тернии?
И усмехается мальчик
На звёздочке октябрятской...

В ДОРОГЕ

Вьюга случилась в марте.
Метёт-заметает.
Чайки дрейфуют в тумане,
Как сонные бригантины.
В поезде дремлют
Усталые пассажиры.
И тихо камыш за окном
Поёт свои песни,
Созвучные стуку колёс
И моей беспредельной печали.

М4

Мне нравится смотреть в окно.
В нём облака косматые, как вата
Среди ветвей костлявых, тонких, голых
Застрали в ожиданье ветерка.
Лишь миг один – уже из вида скрылись.
А я несусь по трассе М4
Туда, где линия границы вновь пунктирна,
Как в прежние века.

КАК ЖЕНЩИНА

В районе Таганрога,
У дороги,
Остановились мы попить воды,
И роза чайная в мою вцепилась руку,
Как будто бы хотела задержать!
Ай!
Больно!
Царапнула на прощанье.
Миг красоты пронзителен
И краток!

МОЙ ДОН КИХОТ

Мой Дон Кихот,
Мельницам этим не будет конца!

Крутятся лопасти,
Вращаются жернова,
Веют лютые ветры
Революций и войн.
Но я так люблю тебя
И хочу быть с тобой!
Я знаю, что такое проиграть!
Я знаю, что такое быть безумцем!
Я знаю, что такое не иметь покоя!
И я поддержу твоё стремя,
Когда ты садишься на своего Росинанта.

НИКТО НЕ ЗНАЕТ

Владимиру Карбаню

Никто не знает, как я скучаю.
Иногда заведу музыкальную игрушку,
Подаренную книгу перечитаю,
Вспомню шутку: «Чай втроём — ты, я и Пушкин».
В моей жизни перемен не много,
Я все так же в поэтических эмпириях,
Там такой же дом, виноградник, дорога...
Только ты на других облаках, наверно....

МОЙ ПУШКИН

Спит в Чёрной речке
Чёрная вода,
И небо расслоилось, как слоуда,
И мысль пульсирует: а вдруг осечка?!
До вечности
Всего десять шагов,
И стая слов,
Невысказанных слов,
Взметнулась ввысь,
В пространство русской речи!
Что было сказано —
Осталось на земле.
В тревожном, злом, холодном феврале
Исписан снег горячей красной тушью.
Иудин след теряется во мгле.
Мы пьём вино и преломляем хлеб
Твоей поэзии, мой Пушкин!
Любовь у нас всегда с красной строки!
Как ни крути, как ни верти, а заплати.

А плата – жизнь. И в 21 веке.
Но в сердце зажигаются стихи,
Как звёзды, как огни, как маяки
И светятся в грядущем человеке.

ТЫ ЕСТЬ

И кажется, тебя со мною нет,
Но нет!
Кого люблю – я вписываю в текст.
Твой образ в эти строки занесён,
С моим дыханием живёт он в унисон,
С моим сердечным ритмом бьётся в такт,
Ты – здесь! Ты – есть! Ты посылаешь знак.
Знак раскрывается, и вот уже он – звук!
Летит, летит как тополиный пух!
Из букв и голоса твой образ соткан весь.
Он есть. Он светится. Он покидает текст.

ФОТОСИНТЕЗ

Когда опадут все листья до одного,
И дерево станет голым и молчаливым,
Посмотришь – и кажется вечным сном
Оно уснуло. И всё же прекрасно в посмертии зимнем.

И я касаюсь его ледяной коры.
Я слушаю, вдруг раздастся сердцебиенье.
Оно молчит. Наверное, до поры...
До пробужденья... До весеннего воскресенья.

И птицы гнёзда сошьют в роскошной его листве,
И будут петь, его прославляя милость,
И будет литься на землю небесный свет,
И будет длиться божественный фотосинтез!

ЧЕРЕШНЯ

Гулять по улице Есенина,
Срывать черешню
Прямо с дерева,
Читать стихи поэта вслух,
Без всякой цели,
Всякой надобы...
Здесь слово – Бог!
Здесь слово – Дух!
Здесь слово – вкус весенней ягоды.

КОНСТАНТИН КОВАЛЬ

Родился 16 апреля 1965 года. Окончил Донецкий государственный университет (история). Профессию журналиста освоил в старейшей киевской газете «Вечерний Киев». Печатался в литературно-художественных журналах Украины, России, Белоруссии. Автор пяти поэтических книг. Дипломант Международного конкурса «Семья – всему голова» (проводившегося под эгидой литературного журнала «Метаморфозы» – Гомель, Беларусь), Международного фестиваля «Звезда

Рождества» (Запорожье), лауреат литературных премий им. Михаила Матусовского и им. Олега Бишарева. Член Межрегионального союза писателей.

ЧАШКА КОФЕ ДЛЯ ОДИССЕЯ

В Лаконике, уставший от тревог
И не вкусивший праздного покоя,
Я, ветрами гонимый мотылёк,
Был милостью Елены удостоен.
Узнав меня и тихо расспросив
Куда же я теперь направлюсь дальше,
Она сама сварила эликсир
И подала его в троянской чаше.
Из южных зёрен и пахучих трав
Горячий, как разгневанное небо,
Тягучий, как напев далёких стран,
В которых и Эол ни разу не был.
Я пил его, посматривая ввысь,
Куда ещё меня забросят боги.
И слышал: «Погоди, не обожгись.
Не все пути сплетаются к дороге».
Был горек лаконийский эликсир.
И сколько раз потом шептало море:
«Увидишь Одиссея, попроси
Отвёз бы он меня обратно в Трою».

ДЕШТИ-КИПЧАК

Дешти-Кипчак как яблоко на блюде.
По кобальту преданья в ободке
О рёве несмолкающих орудий
И судьбах, утопающих в реке.
В чадящих камышах кровавят раны
Случайный зверь и горе-человек.

Не вечный скит, а вечные скитанья –
Из века в век неумолимый бег.
Всё брошено. Разбитые курганы,
Щебёнка разорённых городов –
Не идолам державным на закланье,
А рыцарству трофейных вещмешков.
Такое объяснение не ново
Не в наши дни, не в прежние разы.
Всё те же непутёвые подковы
От берцев инородных и кирзы.
В тяжёлых каблуках ковыль и кашка,
И норы, и гнездовья, и жильё.
С утра ли расходилось мокрым кашлем
Привыкшее к халяве вороньё.
Вольно же им копать в пересудах.
А к горлу подступил тяжёлый ком.
И все мы словно яблоко на блюде,
С надтреснутым немного ободком.
Залётные ветра осушат боли
И растворятся в вековую синь.
А сто веков не паханное поле
Засеют подорожник и полынь.

НЕМНОГО ТЕРПКОГО

Серебро как на парад.
Сыр и оленина.
Свечи жаркие горят,
Отражаясь в винах.
Миром правит тишина.
Вечер не целован.
Чей-то образ у окна
Замер в полуслове.
Шитый бархатом наряд
Цвет аквамарина.
Утомлённый серый взгляд,
Словно субмарина.
Красной терпкости глоток.
Трепетные плечи.
Чьё-то время, как песок,
Истекает в вечность.
Чёрный мрамор не толочь.
В постижение истин
Для кого-то эта ночь
Неизвестной кисти...

ПЛАСТИЛИНОВЫЕ КОНИ

Из цикла «Ленинградские львы»
Помнишь, в заблудившемся трамвае
Ты сказала: «В городе мостов
Пластилиновые кони оживают
Под ударом бронзовых хлыстов.
Небеса роняют звёздный пепел,
Циферблат теряется в часах.
А незримый мастер что-то лепит,
Словно с поздней ночью не в ладах».
«Мастер... – я, конечно, удивился, –
Чудо-коня, жёсткие хлысты –
Кто внушил тебе такие мысли?»
И в ответ: «Возможно, это ты.
Рельсы – не случайные полосы.
Наш билет до станции мечты –
Предавать надеждам взрослой бронзы
Детские случайные черты.
Город наш – коробка с пластилином
Руки сами тянутся к игре.
Почему бы нашим половинкам
Не устроить лето в ноябре?
Вылепим дворы, а к ним – ворота,
Экипаж и кучера и кнут.
Там, глядишь, зелёные налёты
По утру пионом расцветут.
А когда рассвет окрасит шпиль
И Неву избавит от чернот,
Конь неукротённый, огнегривый,
Для июльских свадеб оживёт».
Помнишь, время путалось в вагоне
И чудило с мыслями до слёз.
Что ещё придёт на ум влюблённым
Просто так, под вечный скрип колёс.

ПИР ГОРОЙ

На тризне венценосных королей,
Собравшихся откупать оленины,
Иное благородство – как репей,
Куда б его потом ни примостили.
Француз изыскан. Кружева белы.
Случайное пятно подметит мигом.
И не сносить такому головы,
Коль сам в своих запутался интригах.

У чопорного шведа – всё как есть:
И чепчики, и медь, и сельдь, и шпага.
Была ещё секир варяжских честь,
Да только честь бывшая – не во благо.
Сардинии с Ломбардией – хвала –
Наследник славой Ромула согретый.
Но в хрониках особая глава:
Орлы парят на аверсе монеты.
Германцу подавай мажорный марш,
Он, как германец, не потерпит фальши.
На все миноры – жёсткое «реванш»,
Пусть даже после битого реванша.
Испания блюдёт свои права –
Они, и слава богу, незаметны.
Зато какие громкие слова,
Пусть даже и давно не в Новом Свете!
«Корону мне!» – вопит чванливый лях
И точит о прибор столовый ножик,
Мечтая о потерянных полях,
Желательно от «od morza» и «do morza».
Минуты славы и потехи час:
Кому во злате, а иному – в меди.
И только длинноногий англосакс
Не грезит о не сбывшейся победе.
Сидит себе в сторонке, как изгой,
И воздаёт похвальное обеду.
Не он ли благородною ногой
Пинает под столом своих соседей?
Пылают очи праведным огнём,
И головы хмелят не только вина.
Как жаль, что скатерть длинная на нём
Разложена под блюдом с олениной.
Коль пир горой – так пляска у стола
И разговоры не о третьих лицах:
У всех ли венценосцев кость бела?
У всех ли кровь лазурная струится?

ХОЛОДНЫЙ КОФЕ

Сереет. В форточке туман.
И на душе туманно.
В стакане – пятый океан
И тонущие страны.
Холодный кофе натоцак –
Проторенное русло.
Нелепый быт, размытый брак,

Запутанные чувства.
Бумага в кляксах на столе,
Засохшие чернила
И красным днём в календаре
Суббота подкузьмила.
Но даже, если всё не так –
Нет повода для грусти.
Холодный кофе натоппак –
Ночное послевкусие.
Ударит солнце в барабан.
Весло разгонит тайны.
Сереет. В форточке туман.
Ваш лопман в ожиданье.

НЕЛОВКОСТЬ

...а мне достаточно, как будто невзначай,
Коснуться Ваших рук и прочь отпрянуть,
Бранить свою неловкость и молчать,
А в полночь белыми стихами
Терзать луну и новой встречи ждать...

...а мне достаточно, как будто невзначай,
Явиться Вам в весеннем сновиденье,
Предвосхитить мелодию дождя.
И не быть узанным. И храброе мгновенье
За дерзкое желанье осуждать...

...а мне достаточно, как будто невзначай,
На утро улыбнуться Вам и тут же
Исчезнуть, раствориться, убежать,
Отвлечь себя занятием досужим
И, избегая, новой встречи ждать...

СОЛЁНОЕ ОЗЕРО

Степное озеро – и чем не тормозок,
Подсолённый колючею слезою?
По полудни вздремнуло на часок.
И нам бы отдохнуть в тени с тобою.

Не спится. И какой в дороге сон
Под песню, что сродни бурлацким стонам
Об облаке, тягучем, словно звон
С далёкой святогорской колокольни?

Здесь, на земле, покоя не сыскать.
И жар стоит которую неделю.
Недаром так негромко пела мать,
Склонившись, как верба, над колыбелью.

Дитя-то подросло и пятый год
Скрипит ремнём в просоленной одежде.
А облако... а облако плывёт
Даря степное озеро надеждой.

ЯЗЫК ЭЙНШТЕЙНА

У цыгана спросили: «Кем был Пушкин?»
И он сказал: «Из наших, из цыган.
Не он ли тишину степную слушал
И песнями её вознаграждал?»
О Байроне пытаться не надо элина
Какой земли его растила мать.
Его ответ: «А нам гадать не велено
О тех, кто нас умеет понимать».
Кто из кого – дилемма бесконечная,
И те, и эти – как девятый вал.
Но Тесла говорил на всех наречиях
И Моцарт переводчиков не знал.
Как быть на этот случай с Авиценною?
У Павлова и Менделя спроси.
А он не придавал значенья бренному
И врачевал не только на фарси.
О гении Эйнштейна бы поспорили.
А он о крови спорить не привык –
Задача в человеческих условиях.
Не верите – взгляните на язык.
Веласкес и Моне, Монро и Павлова,
И Леннон далеки от скользких тем.
Не им менять великое на малое
Коль отданы в своих началах всем.
«Не всем!» – который год вожди ретивые
Об избранных и изгнанных трубят,
Забыв, что разделяя неделимое
Они теряют в сущности себя.
Оставим спор о предписание гениев.
В итоге – по злосчастнее беда:
Нули в любых немыслимых решениях
Останутся нулями навсегда.

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА

Родилась 1 октября 1976 года в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет Самарского Государственного Педагогического университета. Работала в школе. В настоящий момент является музыкальным руководителем Центра ментального здоровья детей. Публиковалась в Стихи публиковались в США, Германии, Литве, Латвии, Абхазии – в журналах «Подъём», «Берега», «Александръ», «Сура», «Родная Кубань», «Невский альманах», «День и Ночь», «Пять стихий» и мн. других. Победитель Национального поэтического конкурса «PoetFest» (г. Санкт-Петербург) в номинации «Поэт года». Дипломант XVI МСЛФ «Золотой Витязь» — 2025 г. Победитель конкурса им. М. Румянцевой, лауреат премии «Золотое перо Руси», лауреат конкурса им Плесцеева, лауреат XIII Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий Тростник-2025», лауреат Всероссийской литературной премии «Белые крылья Непрядвы – 2025», дипломант литературной премии им. С. Короткова «Форпост» и др. В 2023 г. выпущена первая книга – сборник стихов «Три ипостаси весны». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

НА БРАТСКОЙ МОГИЛЕ №201

Черёмуховых прядок белокурость,
Лучей знамень крестное в окне,
Денёк, зелёной порослью раскудрясь,
Насвистывает тихо о войне.

Откуда птицам знать про песни эти?
Кто им печали майские напел?
С могилы братской в небо свят и светел:
- Христос воскрес! – возглас подлетел.

И вдруг, парнишка юн розовощёко,
В отцово ткнувшись крепкое плечо,
Расплакался о близком и далёком
По-детски безуспешно-горячо.

По стойке смирно, разношёрстной ротой,
Молчаньем оглушённые, стоим.
Отец шепнул ему: «Ну, что ты, что ты...»
Гордясь, похоже, мальчиком своим.

Он не сдержался, скорбью переполнен,
Но надо будет – танков сдержит вал,
И рассечёт линкором злые волны,
И развернёт заклинивший штурвал!

Он знает точно – Родина за нами,
И в облаках черешневых село,
И я, ничуть не сомневаясь, знаю,
Как нам с парнишкой этим повезло!

А сколько их, цветочков синеоких,
— Христос воскресе, обессилив смерти!
И потому и радостно, и горько
В глаза героям будущим смотреть...

Полна домой текущая дорога,
И слышно, будто рядышком идёт,
Равняя строй, из юности далёкой,
Сельчан небесно-гарнизонный взвод.

Непогодица...
Небо слёзное
Перехвачено поясом синим.
Богородица,
В пору грозную
Не оставь погибать Россию!
Ты спаси её,
Ты покрой её
Омофором из звёзд осенних.
Ты очисти жнивье
И добро своё
Сохрани до времён последних.
Распогодится,
Рассветлеется,
Небо нежно обнимет просинь.
Богородица,
Пусть зардеется
Синим пламенем эта осень...

ЮНОСТИ ВО ИМЯ

Раньше всех времён и предсказаний
Эта осень поздняя сбылась.
В проблеск листьев солнце ускользает,
Перезрелым яблоком желтятся.

Путь домой извёгопился блёклой
Ниткой придорожного рванья,
Улетает птицей огнеокой
Осень – сопечальница моя.

Я сама душой бы улетела -
Ветры воют мёртвые воймя,
Только держит жизни на прицеле
Крылья каменящая война.

Выжжен город – не сходя с живого,
Холода чинили произвол,
На бездушье улицы бескровой
Снегом дух стужающий сошёл.

Но однажды все придём с войны мы,
И, дохнув отчаянья сполна,
Мы увидим, юности во имя,
Как с ветрами присными своими,
По земле прошествует весна.

ТУРМАН

*«Умирают только за то,
ради чего стоит жить»
Антуан де Сент-Экзюпери*

Голубое нерестилище
Из-под тучи в выси взвей!
Крыльев невесомых силища,
Беспредел небесный высящий –
Лёт кружастых голубей!
Зависают в сети солнечной,
Всем потокам вперерез,
Вдоль по, дождиком простроченной,
Пелене, прикрывшей лес.
То взмывая, то пикируя,
То идя на поворот...
И желаю мира – мира я,
Пусть на грани балансируя,
Землю буря обойдёт!
Над клубящейся акацией,
Виража вразлёт и в лад -
Асы птичьей авиации
Над моим селом парят.
Словно птицам петъ бы вместе нам,
Жизнь в полёте высока!
Но я так и не заметила
Снежно-белого, с отметиной,
В сизой стае голубка...

НА ОСВЯЩЕНИЕ

Ночь в глуши беззвёздной породила
Слабую осеннюю зарю.
За калиткой ветрено и сыро –
Будет чем разжиться ноябрю.

Не дома – узорчатые складни,
Медной очеканены листвою.
Чей-то пёс с надеждой безоглядной,
Заскулив, последовал за мной.

- Ну, пойдём. Вдали покраснели
Бусами кокошники калин.
Ветерок, напутствуя, повеял
И, не чая, солнце поразлил.

У Христа за пазухой пригретый,
Храм – столетье бывший не у дел,
Доживалнемоленный, непетый,
И сегодня духом оживел.

Голубям насущный хлеб искрошен
Милостью соседских ангелков,
Светел звон – молитвами испрошен
Неприметных сельских стариков.

Жить да жить, но не единым хлебом,
Ожидая горького конца.
Знали б только вы, какое небо
Я в глазах видала у мальчика...

ОСЕНЬ В ОВСТУГЕ

*«Путь далёк, не унывай...»
Ф.И. Тютчев*

Долг возвращён за горсть погожих дней,
Звенящим серебром дождей,
И горьким мёдом данников последних.
Блажные улеглись на время дни,
Из летних вырвавшись теснин,
И потекли ровней и незаметней.

Уже сжелтел, извыветрился сад
И листья сыплет невпопад,

Но светел – добрым мастером сработан.
Мелькнёт на солнце свадьба мотыльков,
И запоздало высоко
Взметнёшься с ними в небо беззаботно.

И слышишь, будто ветерок донёс,
Сорвав с немых кусточков роз,
Поверенных сердечных тайн у Бога –
Необъяснимо нежный аромат,
И легче кажется в сто крат –
Бескрайняя осенняя дорога...

ЕДИНСТВЕННОЕ НЕБО

Посвящается всем покинутым деревьям

Все предано воспоминаньям тут:
Изрыв дороги узкий, крупновязый –
И сосен искривлённые балясы
У мостика, обрушенного в пруд.

Седых тропинок реденький пучок
Под сваленным волосником осочным –
Судьбы моей забытое источье,
Души невосполнимый уголок.

Кругом былё, и есть ли кто живой
Среди домишек, дышащих на ладан?
Как Божий перст для дней последних скрытан –
Чернеет храм с пробитой головой.

Осины чутко приклонили слух
Над чьей-то вытлевшей от горя крышей,
Но слышен лишь невнятный скрип наליшний,
Да от иконы тихий святы́й дух.

Всё предано воспоминаньям тут:
Скривлённые сосновые балясы,
Просвет дороги узкий, крупновязый
И вспыхнувший прощальным блеском пруд.

Я оглянусь, и улыбнётся мне
Из пыльного оконного киота,
Вечерним солнцем – изголуба-жёлто
Единственное небо на земле...

АЛЕКСАНДР КУРАПЦЕВ

Родился в 1981 году в Донбассе, там же начал творческую деятельность. С 2014 года проживает в Санкт-Петербурге. Пишет стихи, песни, рассказы, выступает как автор-исполнитель. Дипломант и победитель нескольких литературных и бардовских фестивалей. Член Межрегионального союза писателей (Донецкое отделение). Участник съезда XXXII Конференции молодых литераторов Северо-Запада. Соавтор сборника гражданской поэзии «Донецкий краж» и антологии «Великий Блокпост». Участник литературного объединения «Пиитер» (Санкт-Петербург). Печатался в литературных журналах «Хортица» (Запорожье), «Склянка Часу» (Канев), «Страна Озарение» (Новокузнецк), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Лава» (Харьков), «Литера-Днепр» (Днепропетровск), «Отражение» (Донецк), «Жемчужина» (Брисбен, Австралия), «Аврора», «Окно», «Изящная словесность» (Санкт-Петербург) и мн. других журналах и альманахах. Автор поэтических сборников «Лоскуты» и «Иван-душа».

Растёт в голове трава,
шумит, как курчавый лес
волос. Голова жива,
Растёт голова в траве.
Века голове кунять,
печалиться и мечтать,
и кличет она коня,
и хочет она меча
отведать, не отводя
удара рукой, щитом.
Слова в голове гудят,
шевелият корявым ртом.
Очнётся на миг-другой,
не чуя плечей, ключиц -
и падают шапки с гор,
когда голова кричит.

Мы умерли где-то там,
в закадровом Закопье,
и снимся своим котам -
и молимся им, и кормим.

Коты пустоты чисты,
как помыслы у пророков,

лежат, распушив хвосты,
и спят под утробный рокот,

урча нам, что жизнь - пустяк,
и всё это понарошку...
и снят нас, когда хотят
погладиться о ладошку.

мы уедем в никогдабург
на воскресной электричке
на воскресшей электричке
за проезд не заплатив

это имя или время
это пена или пламя
это пойманная память
в объектив и негатив

за окном увидим море
слов никем произнесенных
полоса лесов осенних
нам приснится по пути

а за ней степные были
неразгаданные дали
обозримые едва ли
встанут только захоти

а за ними а за ними
никогдабург город странный
дымный огненный туманный
наяву и во плоти

на мираж похож и морок
на краю большого света
по меже зимы и лета
всё летит летит летит

выходящий из себя
выбегающий наружу
там где душевные сопят
души брошенные в лужах

там где небо подо льдом
выступает то и дело
невозможной неводой
там где телу нет предела
оглянись по временам
всюду только быть и небыль
наше дело - сторона
вот и ты и был и не был
дверьевым живых ворот
часовым чужих созвучий
исчисляющим ворон
выпадающих из тучи
собирающим слова
будто сломанные перья
чтобы заново спивать
называть играть и петь их

краюха неба в проводах
и крошки хлеба в бородах
идёшь налево песнь заводишь
и производство производишь
для всех: для этих и для тех
как будто первородный грех
идёшь направо напралом
а там непруха и облом
и кесарь-слесарь богоравный
шуруп выкручивает главный
семи потов понтов и шкур
да будет вечный перекур

ИВАН НЕЧИПОРУК

Коренной горловчанин. Родился в 1975 году. Шахтёр с 20-летним стажем. Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского педагогического университета (филологический факультет, заочно). Параллельно с работой на производстве сотрудничал с городской и областной прессой в качестве публициста, репортёра и ведущего литературной рубрики. Нынче – вольный публицист и литератор. Заместитель председателя правления Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Автор двух десятков поэтических, прозаических и публицистических книг. Публиковался в литературных журналах: России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Болгарии, Германии, Канады, Австралии и США. Лауреат Международного конкурса «Книга года-2025» (Берлин/Франкфурт-на-Майне). Член редколлегии журнала «Метаморфозы» (Беларусь).

НЕ ПРОСТО СОН

Мне кажется, что это просто сон.
Не может быть всё так предельно плохо.
Разбит мой мир, горит моя эпоха,
Я сделал выдох – не хватает вдоха,
И только боль сквозит со всех сторон.

Да ущипните ж кто-нибудь меня!
Я должен встрепенуться и проснуться!
Пусть дребезжит надежда чайным блюдцем,
Я должен вырваться из этого огня,
Чтоб злобой дня во сне не захлебнуться.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

И вот моя последняя весна
В судьбе цветёт размахистой сиренью.
То тишина, то вновь режут сирены,
И маю ни покрышки нет, ни дна,
Лишь лепестки кружатся со смирением.

Трасиной стал мне безнадёжный быт,
Здесь даже к небу не поднимешь взгляда.
К Купели Овчей я иду со стадом...
Я не убит, но брошен и забыт,
И не прорвать текущую блокаду.

ПЛАЧЕТ МАЙ

Ветра пригнали вновь дожди,
В душе, как в поле – грязь да слякоть.
А май не прекращает плакать
Над бездной выжженной вражды.

Во мраке плачут соловьи,
И совы безутешно кычут,
А полночь ждёт своей добычи
Под сенью праведной любви.

О ХОРОШЕМ

Забудь про всё и думай о хорошем!
Когда-нибудь окончится война...
Сейчас не время дни свои итожить,
Когда судьба на небо звёзды крошит
И тает за окном твоя весна.

Цветут ирисы, зеленеют травы,
И месяц новый пожинает сны.
Переступай через поток кровавый,
Пусть будет путь лишён надменной славы,
Во имя нескончаемой весны.

ГОРОД АРТЁМА

Остыли руины, тонувшие в чёрном огне,
Вчера здесь был город, сегодня лишь груда камней,
Где тянут деревья в молитве разбитые руки.
Мне нужно молиться бессчётное множество дней,
Чтоб стылым руинам помочь пережить эти муки.

Был храм, стадион, парк культуры и автовокзал,
Сегодня средь хаоса я ничего не узнал,
Здесь нет ощущения покоя, и нет чувства дома.
И город сегодня фантомом безликим предстал,
Утратившим силу и славу, и имя Артёма.

ТРЕВОГИ И ПУТИ

Мы жили, отгоняя сны
Стараясь в худшее не верить,
Но век принёс свои потери,
И состояние войны.

От фатализма не уйти,
Привыкнув к звукам канонады.
Как будто в первом круге ада
Соплились тревоги и пути...

А на войне, как на войне...
Уже не будет всё, как прежде...
Но ждём исхода, светлых дней
И возвращения надежды.

АЛЁША

Удар судьбы – как гость непрошен,
И в сердце не смолкает боль...
Прости меня, мой брат Алёша,
Но я судьбой туда, заброшен,
Где лишь заткнуться соизволь.

Здесь места нет слезам, но плачет
Обескураженно душа...
А всё могло бы быть иначе,
Но твой огонь не зря потрачен,
Чтоб наше дело совершать!

ПТИЧЬЕ ЦАРСТВО

Здесь царство птиц, и на рассвете рано
Из камыша тревожно ноет выпь.
Дудит удод, взлетает крик фазана
Из полной жизни луговой травы.

Мышкуют аист, тут же над погостом
Тяжёлый коршун неспеша кружит.
Здесь мирный дух, и дышится так просто,
И птичий гомон учит снова жить.

МОЯ ГЛУБОКАЯ

Здесь всё моё! – И небо синеокое,
И терриконов купола под ним...
Ложится ровно на бумагу строками
Моя земля – былинная Глубокая,
Воспетая дыханием моим.

Десятки лет я был твоим сказителем
И очевидцем радостей и бед.

Висит гроза над нашею обителью,
Но я живу, чтоб в бытие значительным
Вписать твой славный богатырский след.

СИЛА ЖИЗНИ

Жужжанье пчёл в ветвях акаций,
Полей печальных светлый дух.
Какая сила жизни, братцы!
Молиться, радоваться, браться
За дело, превращаясь в слух.

Здесь жизнь кипит, нет места страхам,
Здесь соловьям запретов нет.
Души распахнута рубаха,
Все мысли пляшут вертопрахом,
А сердце впитывает свет.

ВНЕ ХРАМА

Не доступен земле Горний ирий,
Ищем благо в бегах и поблажках.
И обида пудовою гирей
Давит души тревожно и тяжко -
Здесь у нас, как в далёкой Сибири
На сто сёл – восемь храмов с натяжкой.

Это жизнь, если рядом нет храма?
То ли жить, то ли петь, то ли тлеть...
Наших дней это страшная драма
На пропитанной кровью земле.
Ищем Бога вне храма упрямо,
Средь всклокоченных ковылей.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заброшен дом, кленовники да тёрны
Стеною стали, что не подойти.
Тутовник древний с ягодой чёрной
Разросся на нехоженном пути.

Такое запустение людское
Для птиц и насекомых – просто рай.
Дом погружён в незбыточном покое
В пчелиный гул и многоптичий грай.

«ОЧИЩЕНИЕ»

А время не пойдёт уже обратно...
Живи и славься, раса геростатов,
Круши и жги: чтоб в памяти людской
Погибли правда, совесть; чтоб стократно
Возпла вражда над серою рекой;

Чтоб имена не поминались всуе!
Они, своею глупостью рискуя,
Очистить город грезили давно...
Лисовские и Швондеры ликуют,
Очередное пробивая дно.

ТРИ ШАГА

Три шага вперёд, три шага назад,
И жизнь протекает на месте.
Надежды то гаснут, то снова горят,
Душа то парит, то спускается в ад,
В борьбе между правом и честью.

Три шага назад, три шага вперёд,
В потугах тревожного танца.
Безумие сердце в оковы берёт –
И снова падение, снова полёт
В порыве последнего шанса.

ХЕРСОНЕС

Возвышается храм. Херсонес тихо спит на рассвете,
А кричащие чайки уже оглашают часы.
Над заливом плывут лёгкой дымкою мысли о лете,
И пунцовые маки склонились под весом росы.

Крымский благодатный май, он на сказку немного похожий!
Слышишь, льётся азан под взлетевший малиновый звон?
Здесь мгновенья легки и тонки до волнительной дрожи,
Что бывают сомненья, а вдруг – это сказочный сон...

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

Член Союза писателей России. Автор четырёх сборников стихотворений. Победитель конкурса современной поэзии имени Николая Рубцова «Звезда полей» 2025 г., лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» 2024 г., лауреат международной литературной премии «Форпост» памяти поэта Сергея Короткова 2023 г. и т.д. Произведения белгородского поэта регулярно публикуются на страницах печатных изданий в России и за рубежом. Живёт в Белгороде.

ЖИВОЙ

К дому от самой границы
Стая не птичья летит.
Только дурак не боится!
Белгород вам подтвердит.

Миг от испуга до комы –
Здесь кому как повезёт.
«Жив ли?» – напишет знакомый.
«Жив, но немножко трясёт!»

«Жив», – отвечаешь супруге.
«Жив», – отвечаешь отцу.
«Это ли жизнь?» – на досуге
Мысли отправишь Творцу.

Просятся нервы наружу,
Шансы сдержать на нуле.
Может, я Богу не нужен,
Раз до сих пор на земле?

ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ

Коридоры пусты. В коридорах парит тишина.
Лишь порою доносится жалобный скрип от кровати.
Не приедут к солдату ни дети, ни мать, ни жена,
Как я слышал не раз: «Ни к чему о ранении знать им!»

У хирурга мечты – не лишиться бы сил до утра,
Да спуститься во двор покурить не спеша сигарету.
Прислонившись к окошку, заплачет тайком медсестра,
Укоряя себя каждый раз за несдержанность эту.

Вот опять во дворе вереница из скорых машин.
Пот стирая со лба, им навстречу бегут санитары:
«Ты, браток, потерпи! Ты, родной, умирать не спеши!
Мы подлечим тебя и прогоним ночные кошмары».

Только чем их лечить? Не всегда есть зелёнка и йод...
Вновь придётся для них всей страной собирать на лекарства.
Пятый год СВО, а до многих никак не дойдёт,
Что сейчас на кону наша жизнь и судьба государства!

ПРИЛЁТ

На месте дома – пепелище,
Снарядом в щепки разнесён.
А верный пёс перенесён
Туда, где сроду не отыщешь.
Не плачь, родимое дитя,
Слезами пса вернёшь едва ли.
У нас остались ты да я,
Да эта синь над головами.
Быть может, там, где синь густа,
Наш пёс лежит у ног Христа.

ВЕСНА В ПРИГРАНИЧЬЕ

Трезвонит март: «Весне дорогу!»
Весна-певунья шла по логу
И вдруг упала... Голос звонкий
Мгновенно стих на дне воронки.

Весну никто и не заметил.
Прикрыл землёй воронку ветер.
Раздался смех ворон над логом:
«Идёт война! Войне дорогу!»

ВОЛОНТЁРАМ ИЗ ГРУППЫ «БЕЛГОРОДСКИЕ КРУЖЕВНИЦЫ»

К священным вратам православного храма
Во время войны все дороги ведут.
В одном из таких наши сильные мамы
Защитные сети для фронта плетут.

Станки заскрипели в уютной подклети,
А значит, гостинцы получают полки!

Намолена каждая ленточка в сети,
С любовью завязаны все узелки.

Давно затвердели на пальцах мозоли,
Но это не принято здесь обсуждать.
Принёс кто-то ящик томатов в рассоле,
Чтоб вместе с сетями на фронт передать.

А кто-то испёк на досуге печенье
И целый мешок насушил сухарей.
Исходит от храма такое свечение,
Что меркнут пред ним огоньки фонарей.

Оденутся в сети зенитки и пушки,
С небес не отыщешь район блиндажей!
Хрустит за щекою сушёной горбушкой
Солдат, проходя по низовью траншей.

И вроде бы все остаются при деле,
Но нету покоя в сердцах матерей.
Летят сообщения: «Сети сгорели,
Пришлите немного ещё поскорей!»

К священным вратам православного храма
Во время войны все дороги ведут.
В одном из таких наши сильные мамы
Защитные сети для фронта плетут.

Руками женщин из волонтерской группы «Белгородские кружевницы» с начала СВО изготовлено и передано на фронт более 2500 маскировочных сетей. А количество собранной гуманитарной помощи для беженцев и военных и вовсе сосчитать невозможно. Трудятся они в храме Сергия Радонежского. Настоятель храма – протоиерей Василий Сергиенко. В прошлом году его сын погиб в ходе боевых действий на Украине.

В МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Кто-то плакал в жилетку,
Кто-то спал за столом.
В майский вечер соседку
Поминали селом.

Мать соседки, Ирина,
Всё твердила в бреду:
«Скоро, дочка, малина
Будет алой в саду.

Вишня соком нальётся,
Сварим вкусный компот.
Папа с фронта вернётся
К нам, родная, вот-вот...»

Стала белой за вечер
Под косынкою прядь.
Жалко Иру, конечно,
Ей всего двадцать пять.

ОТЦОВСКИЙ КРЕСТИК

От Донецка до Новоазовска
Не давал нам покоя туман.
Не случайно мне крестик отцовский
Накануне был матерью дан.

Он виновник тому, что тревога
Не смогла подобраться к душе.
Ведь возникший туман на дороге
Был в то утро беды протече.

Помню также в минуты просвета,
(Я предчувствовал это нутром)
Видел в чёрные платья одетых
Вдоль дороги блуждавших ворон.

Что же делали здесь эти птицы?
Кто над ними имеет бразды?
Не велели ли им убедиться
В том, что мы не минuem беды?

Чем всё кончилось? – Берег Азовский
К нам на помощь прислал ветерок.
Я же думаю, крестик отцовский
В этот день от беды уберёт.

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

Небес окраина в огне,
Но эхо взрывы не доносит.
Природа вдруг явила мне
Простой закат в простую осень.

Я замер, глядя в высоту,
На красок линии кривые,

Как будто эту красоту
Увидеть мне пришлось впервые.

ВОЙНА И СОВЕСТЬ

Не считал я совесть за валюту,
Но внезапно грянула война...
У богатых что ни день – салюты,
На груди у бедных ордена.

Слово «совесть» здесь не оговорка,
Ты судьбу с бездушием не венчай!
У богатых на столах икорка,
У солдат в окопах – честный чай.

В нашем мире лживом, несвободном,
Где не стоят жизни и гроша,
В час войны богатым быть не модно,
Если то богатство – не душа!

Хоть декабрь, но снега нету
И, видать, не будет вовсе,
Коль с рассвета до рассвета
К нам война приходит в гости.

И никто пока не знает,
Как прогнать отсюда гостью.
Снег летит к земле со злостью,
Но её не покрывает,
От людского горя тает.

О ДРУГЕ

Который час лютует вьюга
И бьётся в форточку крылом.
А я на кухне рядом с другом
Сижу в раздумьях о былом.

Ах, это светлое былое –
Гнездо, выдавшее птенца.
В те годы солнце золотое
Влекло куда-то без конца.

Текли из памяти картинки:
Качели, школа, гаражи...
И я промолвил другу Димке:
— А ты что помнишь? Расскажи!

Мой друг смеялся, не моргая,
Застыв на фото предо мной.
В тот миг, наверно, полагая,
Что будет долгим путь земной.

Что, как у всех, родятся дети,
С работы будет ждать жена...
Но кто бы знал, что планы эти
Разрушить вздумает война.

*Посвящено добровольцу из Белгорода, моему однокласснику Маслову
Дмитрию, погибшему в 2023 году под н.п. Клевцовка, Донецкой Народ-
ной Республики при выполнении боевой задачи в составе группы раз-
ведчиков.*

СТИХИЯ ПРОЗЫ

ИРИНА БАУЭР

По образованию архитектор, математик. Занимается преподавательской деятельностью. Член Союза писателей России, СП ДНР и ЛНР (Донецк, Луганск), председатель Донецкого городского отделения Межрегионального союза писателей (МСП). Главный редактор Донецкого литературно-художественного журнала «Сундук». Лауреат премии им. Олега Бишарева, автор нескольких книг стихов и прозы.

НОСАТАЯ ЗОЯ

(рассказка донецкого волонтера)

Осенняя морось попеременно с солнечными лучами ложится на бронзовеющий парк. Даровито, с особым усердием дождь сужает пространство бульваров и улиц, отчего город напоминает нахотлившегося пепельного стрепета. Растрачивает по крупницам влагу и, кажется, не листья прилипают к ногам, а слова, что комом застыли в Зоинем горле.

Я угадываю Зою всем сердцем. Она добродушна, но при этом безоговорочно глупа, упряма в желании перекроить не столько мир собственных слабостей, сколько навязать окружающим личный взгляд на события. Со дня последней встречи она ещё больше осунулась. Худющая, носатая, с прокуренными почерневшими зубами и сжатым, точно пружина, лицом, думает, что принимает единственно правильное решение.

— Принесла деньги? — спрашивает меня Зоя.

— Да, всю сумму, которую просила.

— Не могу поверить, что ты откликнулась на мой звонок.

— Зоя, не хочу тебя разочаровывать, но твой план не сработает, я в этом уверена.

— Вот смотрю на тебя и не пойму, что ты за человек? Один раз в жизни решила помочь и теперь жалеешь об этом!

— Зоя, не обижай меня. И перестань нести чушь!

— Не вижу выхода из сложившейся ситуации. Ночь псу под хвост, глаз не сомкнула, — ворчит Зоя, туго всасывая табачную мякоть папиросы.

— Сильно бахали? Поубивало людей...

Зоин дом расположен на Кремлёвском проспекте. Название действует на миномётные установки, как пламя, влюблённое в бензин. Ураганный огонь сметает всё на своём пути.

— Живого дома на моей улице не осталось, так что я до утра отсиживалась в подвале. И вот знаешь, мне не страшно, одно только томит. Если засыплет — некому выкапывать! А ведь это чистой воды эгоизм, отсутствие любви по отношению ко мне.

— Зоя, он разве не был с тобой?

— Шутишь! Я вся извелась. Едва до утра дотерпела. Металась, как сумасшедшая в поиске места, где телефон ловит связь. Звонила ему каждую минуту, а перед глазами одна картина страшной другой. Вернулся домой к вечеру, грязный и злой. Слова не проронил, отвернулся лицом к стене и затих. Уснул под утро.

— Наверняка у свекрови твоей зависал.

— Она давно сбежала в Житомир, к дочке. Туда ей и дорога, гадине!

Зоя переминается с ноги на ногу, она взвинчена до крайности, а в уголках губ застыло отчаяние.

— Бросит он меня. К ним уйдёт.

— Зоя, ты преувеличиваешь опасность. Он домашний, послушный парень, тем более ты сама рассказывала о том, что при любых обстоятельствах он спрашивает у тебя совета.

—Эх! — вздыхает Зоя. — Не поверишь, мой Олег переменился настолько сильно, что я практически больше не имею на него влияния.

— А ты поговори с ним, прежде чем затевать за его спиной заговор.

— Все его друзья в ополчении. Я помогаю ребятам. Бельё стираю, готовлю обед на всю компанию. И понимаю, что мне остаётся только выть от бессилия. Но надежда есть, мой план должен сработать.

— Зоя, не навреди! Скажу прямо, хоть ты и не любишь меня за это, — план провальный.

— Они с умыслом приходят ко мне домой, — Зоя не слышит меня. — Я это чувствую, как экстрасенс! Да, я — антенна. Я ловлю мысли, но меня не проведёшь. Я настороже.

— Коля, как отец, повлиял бы на него.

— Ты думаешь? Плохо же ты знала моего мужа, если решила, что это возможно. Мне придётся рассчитывать только на себя. Моё горе такое шаткое, неопределённое, — не унимается Зоя.

Светловолосый, раскосый, ростом в отца, с вечно шатающейся улыбкой на лице, Зоин сын Олег являл собой живую икону, на которую та молилась до иступления. Всякий раз, когда мы устраивали девичники с водочкой, Зоя, жадно разгрызая посоленную дольку лимона, с редкой дотошностью рассказывала о сыне вплоть до мелочей, происходящих в его жизни. Я знала о каждом прыщике, очередном несварении желудка, бронхите, о каждой девушке недостойной вечного принца. Олег мужал на моих глазах и в некотором смысле стал для меня родным.

— Однажды застала Олега за тем, как шарит он в столе. Но я сделала вид, что не заметила, хотя на следующий день спрятала ключ.

— Ты говорила с ним?

— Только начну разговор, как он тут же подносит глаза к небу и замолкает. Вот то, что он искал, — Зоя прижимает к груди паспорт сына.

Вскоре абонент Зоя шагнула в зону недоступности на добрых три месяца. Когда в январе зима отгуляла рождественские именины, а снег, не переставая ни на минуту бесноваться, осыпал город ледяной острой крупкой, что лущилась под ногами как семечки, Зоя внезапно возникла у дверей волонтерского центра. Охрана всячески покрикивала на нас, требуя выйти из помещения на улицу и ждать кураторов, а не гудеть толпой, мешая нести службу. Мороз крепчал. Зоя безостановочно курила, плечи её были опущены. По тому, как она сердито отвечала мне рублеными фразами, я догадалась: план не сработал.

— Всё. Он ушёл, — после затянувшегося молчания произнесла Зоя.

— Треклятые друзья, защитники Донецка выманили в ополчение! А ведь у меня сын один, другого не будет!

— Затея провалилась?

— Затея? Вижу, ты рада, торжествуешь! Катастрофа, вот что произошло! — Зоя нервно разминает пальцами папиросу.

— И что?

— Деньги отдала всем четверым с условием, что они не пойдут больше в моём доме.

Один из них, ты его помнишь, сосед наш, совсем мальчишка, голосок петушинный, морда в веснушках, нагрубил мне, срамил последними словами, — у Зои дрожат губы. — Когда они ушли, я обрадовалась. Ангелы в душе запели. Спустя несколько дней после ночного обстрела вернулась домой, а в прихожей прямо на столике те самые деньги. А главное, знакомый запах одеколона в комнате. Я метнулась прямиком через огород, распахнула калитку. Олег стоит с дорожной сумкой в руке. Посмотрел на меня нехорошо, пристально, точно через силу, а на губах кривая ухмылка.

Я представила, как вдоль деревьев по тропинке к остановке в сетке мутного дождя идёт Олег. Зоя, обдирая коленки об острый гравий, ползёт за сыном в мёртвой тишине. Порывисто прибавляет сын шаг, свернув за угол.

— Всё так ясно перед глазами, — продолжает говорить Зоя, — и мне стыдно, что выла, а главное — земля ползла по лицу комьями. Мягкая, воняет человечиной! Я кусала её, как материнскую сиську ребёнка, засовывая в рот комками. Я совсем обезумела от страха потерять его! Но он ушёл. Забери деньги, которые ты мне одолжила. До копейки, — Зоя дрожит, тело не слушается хозяйку. Трава, деревья и даже постаревший снег смотрят на Зою.

— Как ты теперь? — задаю первый, что пришёл на ум, дурацкий вопрос.

— Мне конец. Ещё одни похороны я не переживу.

Зоя тщетно пытается разобраться в самой себе: жива или нет. Передалось ощущение, что земное притяжение, поправ законы физики, ослабило власть над людьми. Лишая покоя и сна, Зою мучит одно обстоятельство, связанное с уходом Олега на фронт. Она сожалеет, что не смогла рассмотреть признаки поступка до того, как он совершился, до момента, когда свойство поступка открылось ей в полной мере.

— Первыми война поедает романтиков, — говорю Зое, — для них идеал победы над злом — самоцель. Убеждённость, что они отстаивают единственную справедливость с оружием в руках, выкорчёвывает молодую когорту под корень. Бурелом добра, приправленный святым романтизмом, — безжалостная вещь.

Но Зоя меня не поняла. Возможно, она тешила себя надеждой изменить кривую временного свойства, вернуть день вчерашний, чтобы найти ответы на все те вопросы, которые сгибали её пополам под грузом обездоленного пространства.

Сужено-расширенное, уплотнённо-обездвиженное шахтёрское предместье, где жила Зоя и куда я часто любила наведываться, стало для меня сакральным: здесь вихребразный огонь войны впервые обжёг душу. Я осознала, что сопричастна царству календарных дней, разлинованных надвое до войны и после.

Донецкое предместье — тишина сходит с ума от густого осеннего листа и голубей, любовно поглядывающих из подворотен сонных улочек. Жители связаны между собой тугим узлом дружбы, местечкового приятельства, соседством, кумовством, школой, работой. Не люблю поселковую семейственность в любом проявлении, а нынче до боли в сердце вспоминаю. Посёлок Октябрьский притягивал к себе планету Земля, а вовсе не наоборот, — следуя законам науки.

— Почему ты меня не послушал, сын?! — спрашивает Зоя.

— Потому что у меня есть автомат, — отвечает за сына Зоя.

Посёлок изрыт снарядами и всепрощающими глазами брошенных собак. Но мы ещё живы, мы с вами живы! И эта живучесть заставляет меня в воскресный день шаг в шаг следовать за Зоей по знакомому маршруту в одном направлении. Зоя идёт на кладбище к покойному мужу.

— Мёртвые сильнее живых, — говорит мне Зоя, точно убеждает саму себя. Мёртвых не победить. Они — высшее воинство.

Она напоминает похудевшее привидение, отёки под глазами, нос обострился и стал похож на птичий клюв. Носатая Зоя, не робей!

Мы поминутно останавливаемся, Зоя настойчиво протягивает наполненную до краев рюмку. И каждый раз в слове «помянем»

чувствуется священный знак приготовления к будущему разговору с умершим мужем.

Зоя намерена испытать способ как остановить войну. Жутковато звучит, но мне не привыкать к торжественности обряда, благодаря которому, а Зоя в этом уверена, она приобщится к таинствам высших сил.

Зоя слишком поздно узнала истинный замысел сына, поэтому роль виноватого в своих злключениях с лёгкостью обозначила.

— Бог, ты обманул мои надежды! — тычет она пальцем в небо, — Коля, если ты слышишь меня, помни, на том свете ты сгоришь со стыда, если не убережёшь сына!

Допускаю, что Господь действительно ошибся в расчётах, создавая Колю, потомка Адама, возможно именно в Зоинном случае он поскупился на божественную силу. Адамово семя оказалось достаточно некачественным. Вот почему меня преследует подленькая мысль. Жил рядом Коля, брак с которым исчерпал себя как-то незаметно, исподволь. Выстиран, накормлен и ладно! Вечно недовольный, бурчанием напоминал испорченный газами кишечник. «У него мозги с желудком соединены одной трубкой» — извила Зоя, презрительно глядя на мужа.

Коля сужался, съёживался; Зоя входила в азарт. Слюна напоминала жидкий азот. И вскоре кролики в сарае стали отправной точкой Колиного существования. Зверьки делились привязанностью, ласкали взгляд, щедро тешили Колю верностью и любовью. Под ударом очередного обстрела пал сарай. Мы нашли Колю лежащим на боку с очерченным радужным нимбом вокруг облысевшей макушки. Кровь не клюквенный сок, особый привкус — сила ответного удара. Даже мёртвый Коля не сводил широко распахнутых глаз с обожаемых кроликов; влюблённая пара которых в экстазе соития гибко двигалась во славу хозяина. Коля покинул землю счастливым человеком!

Но стоило Колюне уйти в иное измерение, плыть лёгким облачком, широко раскинув руки над золотистыми просторами, как Зоя тут же переписала их совместную жизнь, наделив мужа чертами характера, несвойственными при жизни. Боль потери окрепла настолько, что Зоя вновь влюбилась в уже несуществующего среди живых мужчину. Коля оказался умным, сильным, красивым — не чета нынешним мужчинам.

Страх, как фурункул: выдавишь, а оспинка останется. Боязнь, что Коля, пусть даже из потустороннего мира, примет сторону сына, заставляет Зою то и дело повторять:

— Это уж слишком! Увели моего сына подлые ополченцы!

...То, что мы увидели в ограде кладбища, повергло в шок. Повсюду царил хаос перекопанной земли: свежий холмик, вид ко-

того заставил Зою поднять вверх руки и замереть, как изваяние. Бутылка с водкой в правой руке, надкусанный кусочек сыра в левой — делали женщину похожей на Родину-мать. Она в минуту готова вырвать из рук спившихся сыновей остаток славянского счастья. Ни похлопывания по плечу — навязчивое расторможение окаменевшего тела, уговоры не паниковать, а вначале разобраться, не привели статую в очеловеченное состояние. Неизвестно, сколько бы продлилось Зоино монументальное молчание, точно каменного болвана при битве Мамай и Тохтамыша, если бы не мой звонок к Олегу.

Олег отозвался мгновенно, мы разговорились.

Спустя десять минут сплошного вранья о чудном Зоинем настроении, я продолжила сочинять сказочку о мифической кофточке, купленной накануне, и о приготовленных пашлыках. У Зои задёргался правый глаз, порозовел кончик носа. Разок-другой, ёмко икнув, заморгала она рыжими ресницами, шумно всасывая слюну, встрепенулась, напряжённо вслушиваясь в смех сына на другом конце провода. Я сделала связь громкой. Парень весело вторил, нисколько не веря ни одному моему слову, искусно подыгрывал, когда я подтрунивала над Зоиними страхами. Зоя вдруг заплакала, утирая тонкую полоску соплей рукавом. Когда первый приступ прошёл, остекленела, уставившись перед собой красными глазами, а затем без сил опустилась на покалеченную недавними похоронами лавку и, указав на холмик объеденным куском сыра, произнесла:

— Кто тут?

— Во всяком случае, не Олег.

— А где Коля?

Коля лежал на прежнем месте в правом углу ограды и сквозь толщу грунта подслушивал наш разговор.

— Коля на месте, Зоя.

— Мне необходимо поговорить с мужем.

— Я схожу в контору, разузнаю, что здесь произошло.

Раскачать дом дело хлопотное, нелёгкое. Ты осознаёшь, что именно благодаря личному, прикормленному страху сдвигаешь углы помещения неустойчивостью собственного тела. Нечто подобное происходило в небольшой, узкой, как школьный пенал из социалистического прошлого комнатке, обозначенной на табличке у входа, как «Погребальный офис». Даже буквы и те ощущали общее покачивание, выведенные чьей-то дрожащей рукой.

В офисе аромат жареной картошки смешивался с запахами лавока, крашеного поролона и бумажных синюшных цветов, заготовки которых тут же свалены в кучу на столе. Пировала шумная компания. Хрустел огурчик, звонко целовались стаканы. В центре комнаты из хвостика миномётного снаряда торчали

пластмассовые розы, дешёвый клон живого собрата. На полу верёвка и пара сапог компанейски прижимались друг к другу. Добиться хоть маломальских объяснений от приёмных детей Харона не представлялось никакой возможности. Разгорячённые копачи поддерживали скорбь клиентов одной рюмкой за другой. Примерно четверть часа понадобилось мне, чтобы объяснить цель визита, получив ответ в духе времени, сводящийся к ёмкой фразе: «Не нравится покойник, займитесь самовывозом».

И если бы не Олюшка и Сёмушка, я никогда бы не узнала, что произошло в Зоиной оградке. Сёмушка заприметил меня сразу. Но не торопился вступать в разговор. В длиннополом пальто, наибольшего роста с кирпичным лицом, он заговорщицки шептал что-то на ухо воздушнообразной Олюшке, косясь при этом в мою сторону. Они жили со мной по соседству, а с первыми обстрелами закрыли дом и перебрались на кладбище.

Брат и сестра отвечали всем параметрам пищевых побирушек. Отчаянно молились, но при этом не верили в Бога. Кочуя от одной богомольной родственницы к другой, выросли на чужих обносках, толком не работали, ничему полезному так и не выучились. Показная смиренность сочеталась с едкой завистью и жадностью. Обрести устойчивость в жизни помогло им кладбище, где умершие превратились в их личную собственность. Выслушав меня, Сёмушка опустил глаза и завис в трансе молитвенного экстаза. Я предложила деньги. Такое хищное рукоприложение сплочённых пальцев к купюрам я ощутила впервые.

Приторная Олюшка напоминала вопросительный знак. Подглядывание из-за оградок стало делом всей её жизни. Вот они и поведали мне, что несколько недель назад кладбище кучно обстреливалось. Усопшие хозяева здешних мест возмущённо сотрясали личными костяшками. В тот злополучный день ближе к двенадцати появилась машина с ополченцами. Олюшка мелкими перебежками кралась следом в надежде поживиться сладким. Увы. Погибшего похоронили наспех в Зоиной оградке, не оставив ни крохи на поминальный ужин.

— Бывают же такие жадные люди,— посетовала Олюшка.

— Оттяпают весь участок. Не иначе замаскированные рейдеры! — проворчал Сёмушка.

— Ошиблись ребята, — возразила я.

— Самой не смешно? — жёлчно сплюнул Сёмушка.

— Молоденький солдатик, головка маленькая, рыжая, — сказала Олюшка.

Кончик Зоинового носа, напоминающий клюв кондора, ожил и смешно задвигался. Тугая розовая капля влаги зависла, а затем принялась частить на грудь, как из сломанного крана.

— Завтра же иду в исполком! — вскочила Зоя. — Потребую немедленно убрать подкидыша! На черта нужен урод рядом с Колей!

Спустя неделю Зоя ввалилась ко мне в квартиру. В руках сжимала лопату, всячески отказываясь с ней расстаться, как я не уговаривала. Ломкость в Зоинной фигуре сократилась до утончённой нити, образовав циркулеобразную форму ног. Похудела, осунулась. Она напоминала мне семафор, цветными сигнальными линзами поочерёдно отсвечивали глаза. Сделав несколько кругов по комнате, Зоя вдруг издала знакомый булькающий звук и с шумом плюхнулась на диван. Чувствовалось приближение сакральной фразы. И вот свершилось.

— Вчера я имела разговор с Колей.

— Ты снова ходила на кладбище?! — закричала я. — Ну, это же невыносимо! Зачем тебе лопата?

— Лопата? — удивилась Зоя, ласково прижимая глянцевого черенка к груди. — Ах да, лопата. Это на случай непредвиденных обстоятельств. Нужно быть готовой к любой неожиданности, даже...

— Неожиданности?

— Я распознаю тончайшие переливы звуковых волн. Но при этом мозговая извилина работает на полную мощность даже во сне. Ведь так?

— Конечно, Зоя.

— В субботу? Да, в субботу сморило меня достаточно быстро. Вот почему провалилась в сон, а не просто уснула. Вибрации, волны, понимаешь?

— Да, Зоинька.

— С трудом верится, что у тебя достаточно знаний по данному вопросу. Ну, да ладно! Вдруг слышится знакомый голос: «Да выключи ты, наконец, радио. Спать мешаешь!», — кричит мне Коля прямо на ухо. — «И перестань шлаться в исполком! Угомонись, Зойка!»

— Я подхватила, — продолжает Зоя. — Ураганный шквал по стёклам, треск и сотрясение всех частей тела. Бросилась в погреб, крыша вспыхнула, как Вифлеемская звезда. Вижу, как обожжённое небо накренилось надо мной из всех нечеловеческих сил. Чтобы погасить огонь, я пила воду, захлёбываясь до икоты; и она, вода, душила горло холодными пальцами. Вот одна лопата осталась, единственный аргумент в пользу жизни. После этого моя голова пришла в движение. В ней образовалась бездна, полная чёрных неясных очертаний, которые теперь взяли власть в свои руки и не отпустят меня никуда.

— Ты хочешь сказать, что твой дом сгорел? И ты не позвонила, не попросила помощи?

— Нужно только подобрать удобное слово, которое объяснит то, что происходит с нами. В этом слове и есть доказательство.

— И что это значит? — спросила я.

— Подтверждает только, что я антенна, и могу разговаривать с Колей. А подкидыша я не отдам, Коле он нравится, пусть остаётся в нашей оградке, к весне я ему памятник поставлю.

— Но ведь ты даже его имени не знаешь.

— Ну и что с того? Есть ведь памятник неизвестному солдату.

— Послушай, Зоя, сейчас необходимо предпринять какие-то действия. А главное: где ты будешь жить? Подумай о себе.

— Какое это имеет значение? — удивлённо фыркнула Зоя. — Хотя я о тебе была лучшего мнения.

Почти силой я втолкнула Зою в машину. Повсюду разрушенные дома с пробитыми кровлями, обгоревшие, обезличенные, встречают нас скорбным караулом загубленного некогда живого пространства. Послания пишутся здесь на бетонных ограждениях россыпью выщербленных дыр. И даже деревья не в силах вынести ярость снарядов: лишённые крон, склоняются перед теми, кто ещё жив в этом аду. Зоя закрывает ладонями уши, стараясь вжаться в сиденье. Невыносимо ощущать, что время замерло на выщербленной миномётными ударами дороге, точно вокруг временное пространство 41-45 годов.

От Зоиного подворья остался небольшой флигель. Дом оскалился почерневшими стенами, с укором поглядывает на хозяйку, не сумевшую уберечь их от боли. Но есть надежда. В упрямом бесстрашии, с которым разбирают мусор жители, тaitся упругая пружина механизма, способного выжить любой ценой.

Флигель, построенный Колей, является живым напоминанием первых лет совместной жизни.

У порога флигеля банки.

— Соседи доедают остатки моего благополучия. Компоты и соленья берут из погреба. Их можно понять: если сгорел дом, значит поживиться не грех! Вымытую посуду возвращают обратно. Так что брать нам, собственно, нечего.

Едва лёгкие облака укрепили теплом город, сердце защемило. Так счастливо я не чувствовала ни одну весну в своей жизни. Что делают с нами эти южные ветра, когда ослабевает зима с её окладами из тяжёлого серебра на окнах! Воздух нагрет, привкус горькой просыпающейся земли настраивает на блаженно помешанное состояние устойчивого счастья. Город, разбуженный клейкой весенней травой, зализывает раны артобстрела. Вопреки значительно поредевшему населению города, бочка с квасом умирительно пахнет ржаным хлебом, утверждая незыблемость созданного Юзом города.

Олега я заприметила сразу. Помахав рукой, бросился ко мне, стриженный, в камуфляже. Суетно, до одури глотали холодный квас — единственный на тот момент напиток, вкус которого до сих пор лежит тугой каплей на моей футболке. Я храню её как свой личный аргумент в пользу жизни.

— Нам бы по рюмочке коньячка за встречу, Олежек, — предложила я.

— Нельзя. Я вообще от спиртного шарахаюсь. Крышу срывает. Я пьяным себя боюсь больше, чем войны.

Неслышно Зоя положила голову на моё плечо. Улыбнулась, как ребёнок, получивший долгожданную игрушку.

— Олег ушёл из ополчения. Теперь мы не расстанемся никогда, — ворковала Зоя.

— Ты счастлива?

— Ещё бы! Не представляю, как бы я жила дальше, но мой сын оказался мудрее своих друзей. Было бы из-за чего отдавать жизнь! Не верю я в патриотические конвульсии, защиту русского мира, борьбу с фашизмом. Тебе не кажется, всё это — политическая суета?

— Нет, Зоя, не кажется.

— Я так и знала, — в устойчиво-зычном голосе послышался металл. — Ты готова жить в разрухе и нищете, среди людей, взявших в руки оружие. Но мы другие, мы мирные, нам война ни к чему. Олег уезжает в Москву, а меня вызовет позже, когда деньги подзаработает. Так что вся жизнь у нас впереди!

— Мороженого хочу, Зоинька!

— Ага! Будет тебе мороженое. Ну, я побежала.

Олег молча курил, не вмешиваясь в разговор. Одурело свистел большой зелёный жук, карабкался на берцы. Когда солнце коснулось обветренного, шелушащегося лица Олега, он казался старше своих лет.

— Уезжаешь? — спросила я.

— Да.

— Когда?

— Мать горячится, но у меня другого выхода нет. Ни в какую Москву я не еду. Через три дня на передовую.

— Зачем ты ей соврал, Олег?

— А что остаётся, когда держишь в руках результат МРТ головного мозга?

— Зоя больна? Всё очень серьёзно?

— Да. Поэтому я вру, смягчая удар, и не могу ничего с собой поделать.

— Я найду ей врача.

—Вряд ли мать тебя послушает. Каждый день лепечет, что я вмешиваюсь не в своё дело, что отец говорит с нею во сне, уверена, что здорова.

— Она давно с Колей ведёт диалог. Бред.

— Думаю, что причина — сгоревший дом. Сразу после пожара начались боли.

А потом мы ели мороженое. Зоя блаженно улыбалась, слишком быстро растекалась в душе радость. Наслаждаясь сыном, не отпускала ни на минуту его руку. Смотрела на своего бога тёплым собачьим взглядом, уходя, показала украдкой на Олега, переполненная счастьем, которое не расплескать и не выпить. Густое, чем-то напоминающее горчинкой изюма квас, счастье уменьшалось, пока не исчезло окончательно.

Как же победить смерть, Зоя?

ЮРИЙ АГАНИН

Родился 29.05.1977 г.р. в г. Архангельске, где и проживал до 2013 года. На сегодняшний день живёт в городе Геленджик Краснодарского края. Высшее юридическое образование. Майор внутренней службы в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе в 1999–2000 гг. Награждён ведомственными и общественными наградами. Член Союза литераторов России. Победитель, лауреат, дипломант и финалист региональных, всероссийских и международных литературных конкурсов, публиковался во многих коллективных сборниках и альманахах.

СОВЕРШЕННО ОБЫКНОВЕННЫЙ СТУЛ

Спускаясь всё ниже и ниже по винтовой железной лестнице, я начал соображать, что происходит что-то неладное. Спуск продолжался уже более часа, и конца-края ступеням не было видно. Я бы с удовольствием повернул обратно, но лестница была очень узкой, а сзади подпирали такие же горемыки. Да и ускориться вниз тоже не было возможности — впереди так же шли люди. Сколько их тут? Человек сто, не меньше. И зачем я согласился на этот непонятный психологический эксперимент? Хотя, видимо, я далеко не единственный болван. С другой стороны, обещали заплатить пять тысяч и решить личные проблемы.

На прошлой неделе поздно вечером зазвонил телефон. Я уж было подумал, что спам, как обычно. Но что-то заставило ответить. Приятный женский голос сообщил, что я выбран в качестве кандидата для некоего секретного психологического эксперимента. Честно признаться, думал, что ерунда какая-то. Но звонки повторялись каждый день с напоминанием не опоздать. Ладно, что уж теперь размышлять. Иду и иду. Единственный вопрос у меня в голове: «Как обратно подняться?» Кстати, а что там с телефоном? Ну конечно, связи нет.

Через два часа борьбы с бесконечными ступенями, с больными коленями и жутким гулом в голове от раскатистого грохота обуви об железный настил, все подопытные наконец-то спустились в некий широкий коридор, больше напоминающий тоннель. Он освещался обычными лампами накаливания, даже без плафонов, свисавшими на проводах с периодичностью метра в полтора. Лампочки были тусклыми, но ввиду их достаточного количества, тоннель освещался довольно неплохо. Кстати, я только сейчас задумался: а как освещалась лестница? Никакого источника света я не мог припомнить, но ведь было светло, и я видел своих попутчиков и рисунок ступеней. Странно.

Коридор оказался коротким, и вся наша ватага столпилась в конце, не зная, куда идти дальше. Я огляделся по сторонам, изучая спутников, и обратил внимание, что вокруг одни мужчины, причём разновозрастные — лет от двадцати до семидесяти. И тут, как будто бы из радиоприёмника, послышался мужской голос:

— Граждане, не толпимся, проходим каждый в свой кабинет.

И только я подумал, куда ж тут идти-то, как стена поднялась вверх, прямо как в старых приключенческих фильмах, и мы попали в новый коридор, больше напоминающий больницу или поликлинику. На потолке — лампы дневного света, светло-зелёные покрашенные стены и много-много дверей по обе стороны коридора. На дверях висели добротные деревянные таблички, явно выполненные на заказ, на которых были выгравированы имена и фамилии.

— Проходим каждый в свой кабинет, — повторил голос.

Я огляделся повнимательнее, но никакого громкоговорителя не обнаружил, зато увидел свои имя и фамилию на ближайшей табличке. Так и было написано: «Михаил Порошин». Неужели они для каждого клиента отдельную табличку сделали? Это сколько же денег ушло? Народ потихоньку рассасывался по своим кабинетам. И всё происходило как-то молча. Нет, конечно, люди бубнили что-то себе под нос, скорей всего проявляя недовольство, но друг с другом совсем не разговаривали. Да и я тоже познакомиться ни с кем не успел.

Кабинет оказался довольно необычным. Размеров не понять, так как всё было во мраке. Единственным источником света был прожектор, который источал яркий свет откуда-то сверху на единственный в комнате совершенно обыкновенный стул, который мне показался очень неприятным.

— Я туда не сяду, — сказал я почему-то вслух.

— Сядешь, — ответил голос из радиоприёмника, — или будешь стоять здесь до посинения, у нас много времени.

На такую дерзость я решил молча покинуть дурацкое заведение, но дверь в коридор оказалась заперта.

— Откройте дверь, вы что творите? — моему возмущению не было предела.

В ответ — тишина. Я нервничал, но на стул не садился. Простояв истуканом с полчаса, попутно извергая гневности в адрес голоса из несуществующего радиоприёмника, я решил сесть на пол. И только моя пятая точка прикоснулась к бетонному покрытию, откуда ни возьмись на полу оказалась лужа ледяной воды. Я промочил джинсы, сразу замёрз и резко встал. Вода тут же исчезла, я даже наклонился и потрогал пол — сухо.

Но джинсы оставались мокрыми. Значит, не причудилось. Это радует. Я решил облокотиться на стену, но всё-таки перед этим

пощупать её рукой. Боже, какая мерзость! В темноте я протянул руку в надежде найти что-то твёрдое, а наткнулся на какую-то липкую жижу, мгновенно слепившую мои пальцы. Я одёрнул кисть, подошёл к прожектору, чтобы разглядеть, во что это я там вляпался. Ничего. Совсем ничего. Совершенно чистая рука. Ерунда какая-то.

Простояв ещё минут десять чисто из принципа, я всё же решил прекратить сопротивление и сесть на злосчастный стул.

Лишь только я коснулся стула, всё резко превратилось в туман, и я оказался в детской кроватке. Маленький мальчик полутора лет, который сидит и играет какой-то драной мягкой игрушкой — то ли лисёнком, то ли бельчонком, не разобрать. Рядом за столом громко ругаются мужчина и женщина — это, похоже, мои мама и папа, я помню их по фотографиям. Мама кричит на папу, что тот ей наливает мало водки, по крайней мере, меньше, чем себе. Отец в ответ орёт, что мама съела все пельмени и у них теперь нечем закусывать. Я заплакал. Подошёл отец и отвесил мне тяжёлого подзатыльника, я заплакал ещё громче. Подошла мама и наорала на меня, чтобы я заткнулся. И тут в комнату зашла бабушка, ещё совсем не старая, молча взяла меня на руки и унесла к себе.

Я снова оказался в полутёмном кабинете, сидящим на самом обыкновенном стуле.

Точно, я вспомнил: раньше родители и бабушка жили в одном общежитии. Это потом бабушке со мной квартиру дали, когда родители у меня в пожаре погибли, а она взяла меня на воспитание, чтобы в детдом не забрали.

Но ведь бабуля мне всегда говорила, что мама и папа у меня были добрыми и меня очень сильно любили. А тут такое.

Я совсем не помню своих родителей, они погибли, когда мне и двух лет не было, и впечатления о них у меня сложились только из разговоров бабушки. А она про них говорила всегда исключительно хорошее. Бабуля у меня работала учительницей. Ужас какая строгая. Пока был маленький, мы с ней отлично ладили, а в подростковом возрасте я с ней регулярно ругался. Думал, что бабка меня не любит, что было бы гораздо лучше, если бы мама с папой были живы.

И снова туман, и мне уже пятнадцать лет, и я говорю бабушке какие-то гадости, что-то вроде того, что она меня взяла под опеку только чтобы квартиру получить, разворачиваюсь и иду на выход. Я помню этот момент: я тогда громко хлопнул дверью и шлёлся в мороз до полуночи назло. Замёрз ужасно. Но сегодня перед тем, как с размаху брякнуть дверью, я обернулся и посмотрел на бабушку, а она, после всего, что я ей наговорил, тихо-нечко крестит меня перед выходом.

И снова я оказался на стуле под прожектором. И снова поток мыслей захлестнул меня. Так, значит, бабушка меня любила, и вовсе не из-за квартиры она опеку оформила. Надо будет завтра к ней заехать. Совсем тяжёлая стала, болеет постоянно. А когда я к ней последний раз заезжал? Полгода назад, наверное. И ведь не просит помощи, позвонит раз в неделю, справится о том, как у меня дела. И всё. А я и разговаривать-то с ней не умею. «Нормально, мол, дела. Некогда, потом перезвоню». И не перезваниваю, конечно. Ой, как стыдно-то. Напридумывал сам себе глупости всякие и сам же в них поверил.

Опять туман, и я уже в своей съёмной однушке на окраине Питера. Сажу на кухне, пью чай, собираюсь на психологический эксперимент, за который мне обещали пять тысяч и решение всех проблем. Не понял. Я засунул руку в карман и достал пяти тысячную купюру. Всё, что ли? Закончилось? Да уж. Неожиданно. И по лестнице вверх подниматься не надо. Я обдумывал две сцены из моего прошлого, которые мне показали жизнь совершенно с другой стороны. Поеду-ка я к бабушке. Чего до завтра тянуть!

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Жил в нашем дворе Колька Косой, и был он, честно признаться, немного «того», хотя так с виду и не скажешь. Толстый детина лет двадцати пяти, а косым его прозвали от того, что левый глаз Кольки смотрел куда угодно, но не туда куда надо. Хотя и слыл добряком Колька, но вот умишком не вышел парень — головой остался в малолетнем возрасте. Оттого и любил с местными пацанами играть, и мальчишки с ним играли, не стеснялись, знали о недуге Кольки, но не обращали внимания. Ну, а что такого? И в прятках, и в догонялках Колька веселился от души наравне со всеми. А иногда пацанам так и вовсе без Кольки было не справиться. Кто дверь взломает на заброшенном складе? Интересно же исследовать, вдруг там что-то полезное для пацанов найдётся? Только Колька и справится, хоть мозгов у него и не много, зато силы — хоть отбавляй. Вон какой здоровый. Вот и выручал Косой мальчишек в разных ситуациях: то брёвна притащит для плота, то лапник еловый для шалаша за один заход притаранит. Мамки парней поначалу на Кольку недобро посматривали, а потом привыкли, некоторые мамы даже просили его приглядывать за детишками, чтоб ненароком те в беду не попали. Ну, а Колька и приглядывал — что ему сложно, что ли...

Случилась как-то одна история. Лето в тот год стояло жаркое, вот и пошли пацаны купаться на соседний пруд. Берега у водо-

ёма чуть заболоченные, и для удобства сколотили местные мужики небольшой деревянный выступ, что-то вроде полумостика или причала, чтоб бабам удобней было бельё после стирки полоскать, так и называли этот выступ — полоскалка. А пацаны с этой полоскалки приноровились в пруду купаться. Разбегутся — и бомбочкой в воду: у кого больше всех брызг, тот чемпион. Не первый раз играли у пруда мальчишки, а Колька, хоть и с пацанами был, но сам в воду не лез — плавать к своим годам так и не научился, стоял на причале и улыбался. Так вот, один малец — Андрюха Крапивин — решил после прыжка под водой поплавать, чтоб всех удивить, ну и заплыл случайно под полоскалку, а там между водой и досками расстояния совсем нет, можно сказать, что доски на воде лежит. Мальчишки и не заметили исчезновения парня, к своим прыжкам готовятся, а Колька уследил, забеспокоился и услышал непонятный скрежет под ногами. Неизвестно, какая сила ему подсказала начать на этом полумостике прыгать. В общем, с третьего прыжка проломил полоскалку здоровяк — ну а как же, деревяшки от воды прогнили, а в Кольке килограмм сто весу было, не меньше. Так и спасся Андрюха. Мужики, конечно, потом расстроились из-за поломки своих трудов, но ничего, отремонтировали. А Андрюха Кольке торт купил на сэкономленные деньги, что мамка в школу на обеды давала, Колька не жадный был — всем двором торт ели. Родителям, конечно, никто ничего не рассказал — это и понятно, сразу запретят на пруд ходить. А оно надо? В общем, все остались довольны: Колька — с тортом, Андрюха — живой, а родители — в уверенности, что у детей всё спокойно.

Или вот ещё одна история была. Влюбился Сашка Погодин в девчонку из параллельного класса. Светкой вроде её звали. И жила эта Светка у чёрта на куличках — далеко, в общем. Каждый день после школы Сашка дожидался Светку и тащился её провожать до дому. Очень уж хотелось парню на милое личико и русые кудряшки подольше полюбоваться. Была бы Светка одноклассница — в школе бы насмотрелся, но вот ведь неудача — из параллельного. А Светке, видно, Сашка совсем не нравился, она его пару раз посылала от себя, но он не слушался. В общем, нажаловалась Сашкина обольстительница своему старшему брату. Брат, кстати, ненамного-то и старше Сашки был, года на два, но этого хватило, чтобы он со своими дружками Сашке накостылял и все карманные деньги отобрал. Очень обидно было Сашке: фингал-то пройдёт, а вот недельные деньги снова не появятся — как назло, только неделя началась. Родителям, ясное дело, ни слова никто не сказал. Решили пацаны помочь Сашке и пойти на разборки с обидчиками, Колька само собой с маль-

чишками увязался. И разборки как таковой совсем не получилось: как увидели хулиганы Косого, сразу все деньги возвратили и извинялись ещё. Что и говорить, очень удачно получилось.

Но в конце концов попал Колька под машину — не на смерть, но поломался хорошенько. Играли с парнями во что-то во дворе, сейчас и не вспомню, и Дениска Макаров зазевался чего-то, а тут откуда ни возьмись легковушка на огромной скорости по двору несётся. Колька рванул к Денису, спас парня, оттолкнул его, но сам оказался под колёсами. После больницы Колька Косой в нашем дворе так и не появился. Говорят, что переехал с родителями в другой город — отец военный был вроде, вот его и перевели в другую часть. Так наш двор лишился ангела-хранителя пацанов. С того момента много плохого случилось, прямо одна трагедия за другой: Витька Соколов погиб под колёсами КамАЗа, Вадик Самойлов утонул, а Лёха Пискунов умер от стеклянного осколка (селитру в банку затолкали, банка взорвалась, и осколок прямо в сердце), а сколько травм различных было — и не сосчитать. Недаром говорят, что каждый мужчина — это случайно выживший мальчик. Сложно без ангела-хранителя оказывается, а местами так и совсем невозможно.

МАКСИМ ЕРШОВ

Родился в 1967 г. в Москве, где и проживает. Срочную службу проходил на территории ГДР. Работал в автосервисе, в газете «Из рук в руки». С сентября 2015 г. состоит в Российском союзе писателей. Лауреат литературной премии «Наследие» 2020 года. Лауреат Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» в номинации «Историческое наследие». Публиковался в «Независимой газете», в журналах «Всемирный путешественник», «Подъём», «Наш современник», «Север», «Изящная словесность», «Веси», «Пять в альманахе «Родина», изданиях РСП. Автор книг: «Русские боги», «Тайны оманского ладана» (совместно с Г. Леонтьевым) и «Афганистан при талибах глазами очевидца».

РУССКИЕ БОГИ

Когда на холодном севере рождается ураганный ветер, который прилетит и будет жестоко трепать тундру, земля непонятным образом чувствует беду. Невысокие листья карликовой берёзы начинают дрожать, вначале один листик, затем веточка, и вот, уже само деревцо в отсутствии ветра слегка раскачивается, словно воин, готовящийся к сражению.

Старый Уэхе причалил к берегу. Припав ухом к земле священного острова, он явно слышал непрерывный гул. Звук издавала земля, и это был страх перед нарождающейся опасностью.

Что может быть? Чего опасаются духи земли? Северное небо раскрыло объятия, и солнце заскользило в голубой вышине. Море принесло к берегу бревно. Пенистые волны, забавляясь с галькой, бросали на неё и вновь забирали деревянную игрушку.

Солёный ветерок пищал криками птичьего базара. Духи неба благоволили к своим детям ненцам, к их чумам и их оленям. Короткое лето было в разгаре, но что-то тревожило подземный мир.

Уэхе, ступив на остров, сразу понял это: ему необходим совет. Ноги старика дрожали при ходьбе, земля тоже слегка колыбалась, словно он шёл в тёмном чуме по спящим соплеменникам. Дойти, только дойти до святилища. Каждый шаг давался с трудом.

Уэхе смотрел вокруг: скудные травы и цветы склоняли головы, словно боялись встретиться взглядом; деревья-уродцы, подобно зашедшему в кашле человеку, тряслись в непонятном ритме. Видно было, что надвигающуюся битву они проиграли заранее.

Уэхе бежал что было сил, падал, вставал, и вновь падал. Сердце старика бешено колотилось, когда он добрался до святилища...

Остров Хабида-Я – святая земля, назывался так не случайно. Здесь приносили жертвы идолам даже ненцы из самых дальних

тундр. Мужчина должен был побывать на святой земле хотя бы один раз, попросить духов об удачной женитьбе, об охоте, о здоровье, о счастье близких. Для этих целей ненцы летом на лодках, а зимой на оленях привозили с большой земли вырезанных из лиственницы идолов и вкапывали их в землю лицом на Восток.

Попавший на остров, по рассказам предков и по особым приметам, безошибочно находил принадлежащего его роду деревянного заступника. Перед идолом резали оленя, его рот смачивали кровью, приглашая к совместной трапезе.

Лучший кусок печёнки оставляли божеству. Затем просили о сокровенном, и уходили, не оглядываясь, подарив рога и копыта святому месту. Оставшееся мясо оленя должны были откусывать ждавшие ходака родственники. А если на пути встречался чужой идол, его необходимо было также задобрить пуговицей, иголкой, или какой-то другой безделушкой.

Из века в век совершалось паломничество на Хабида-Я (Вайгач). На его юге стоял идол Вэсако (старик), на севере – Хобако (старуха). По преданию, у них было четыре сына, которые родили своих детей. Внуки выросли и разошлись по свету.

Когда-то Уэхе, приплыв первый раз на остров, потерял в бурлившем море сработанного долгими зимними ночами идола и решил двигаться на север, просить о помощи стоявшую там Хобако. В лицо, стрелами врагов, хлестал холодный дождь. Уставший от ремней полуживой олень дрожал всем телом и бил копытами воздух. Ветер долгое время отбрасывал лодку от берега, словно старуха-мать не хотела видеть молодого охотника.

Наконец, закрепив лодку, Уэхе из последних сил притащил на гору связанную жертву. Упал перед старухой ниц и прошептал: «О мать, наша заступница! Я сын твой, Уэхе. За что ты гневаешься на меня? Мы все дети твои, рабы твои. Как скажешь ты, так и волю твою исполним».

Промолвив фразу, ненец вспорол горло оленя. Брызнувшая кровь, перемешиваясь с дождём, струилась фонтаном в сторону идола. Пытаясь убежать от горькой судьбы, животное билось в агонии. Когда всё кончилось, на мокрой траве они затихли одновременно – человек и тело оленя.

Молодой охотник пролежал в забытие долго. Наконец, ветер, наигравшись с тучами, успокоился. Солнечный диск подкрашивал белую полярную ночь оранжевым заревом. Спустившись с бугра к берегу моря, охотник устроился на отдых в своей лодке. Завтрашний день будет решающим, станет ли Хобако заступницей его рода, или придётся вернуться домой ни с чем.

Проснулся он рано. Где-то в вышине зависла краснозобая казарка. Казалось, что птица, издавая пронзительные звуки,

наблюдает именно за ним. Утренние лучи солнца играли на грубом лице идола. Две боковые палки, обозначающие руки, звали Уэхе в объятия. Старуха ему улыбалась.

Много раз полярный день и полярная ночь сменяли друг друга. Уэхе привёл в родительский чум жену. Отсчитывая зимы по пальцам на руке, когда выпадал черёд мизинца, ненец приплывал на остров, привозил подарки старухе. В ответ Хобако посылала удачу в охоте и тепло в семейном чуме.

Каждый раз идол встречал охотника по-разному. Иногда сердился за долгую разлуку, иногда словно не замечал, иногда слегка улыбался и ласкал взор человека своими пустыми глазницами, словно стеснительный ребёнок.

Прошлым летом спутница старика, вслед за его родителями, ушла в мир иной, и он остался в чуме один. Выросшие дочери уже давно каслали по другой тундре со своими семьями.

Ступая, между хаотично разбросанных рогов и костей, старик подошёл совсем близко. Почерневший от времени заступник выглядел неважно. Казалось, всё как всегда: Хобако, расставив руки, звала в объятия, её почерневшее от времени деревянное тело виделось таким же твёрдым. Но душа не отдавала былой силой. По числу лежащих вокруг подарков Уэхе понял, к старухе люди не приходили давно. Ненец дрожью тела ощутил, как деревянный идол плачет и просит о помощи.

На материковой тундре в чумы соплеменников приходили жить новые боги, нарисованные на дощечках: всадник на коне, пронзал копьём страшного змея, женщина с ребёнком вселяла спокойствие и уверенность, а старичок с бородкой и крестом в руке, казалось, смотрит внутрь и видит саму душу. Новые Боги не требовали смазывать им кровью губы и приносить подарки. Они просили верить в них, и соблюдать 10 жизненных заповедей.

Старая, простоявшая зиму трава уже не будет вновь цвести, засохшее дерево не порадует свежим листиком — но ушедший друг остаётся в памяти навсегда, нельзя осквернить его могилу. Уэхе слышал, что в дальней тундре уже сжигали идолов и на их месте ставили часовенку, или церквушку. На большой земле всё это казалось долгим, как полярная ночь. Верилось, что духи заступятся за своих идолов и покарают взбунтовавшихся людей, однако подобного не происходило.

Значит, новые боги действительно сильнее! Значит, со временем придут и на остров, сожгут растерявшую силу старуху. Уэхе не бросит старуху, она много сделала для него.

— О, духи священного острова, я раб Ваш, Уэхе. Я не брошу дочь вашу, Хобако, — обратившись к святилищу, промолвил ненец. Улыбка засияла на его морщинистом лице.

Глупая гагара небрежно кладёт яйца в небольшую лунку на земле. Хищные птицы и звери находят её кладку и съедают,

оставляя гагару без потомства, отчего она о своей судьбе плачет криком. Уэхе спрячет старуху на северной земле. Туда редко плавают соплеменники, а русские поморы, если увидят, то никогда не тронут ненецких богов, как и ненцы, не прикоснутся к поморским крестам. Путь туда сложный, и море весьма капризное.

— Потерпи, старуха, Уэхе придёт за тобой вновь на следующее лето. Вот только выменяет на оленей лодку побольше и придёт.

После этих слов ненец положил к основанию идола нож и потихоньку засеменял к лодке. Ненец обозначает человек, а человек без ножа — вовсе не человек.

Грозный июль 1943 завершал свой бег. Северное лето находилось в зените, и полярный день подходил к концу. Утренний туман стелился по земле, скрывая от высадившихся на остров людей очертания гор и долин. Моряки в лодке пожелали успеха остающимся на суше, и, договорившись о времени встречи, отчалили от берега.

Двое, нагруженные рюкзаками, взяв направление на одну из гор, спешили подняться на вершину. Шаги давались с трудом. Долгое время стиснутые в узком пространстве подводной лодки, они еле шли. Мелкие камушки недовольно хрустели, а редкая трава сминалась под чужим сапогом.

Двое упорно двигались к своей цели. Солнце начинало подниматься над горизонтом, и вот уже не слышны сливавшиеся с рокотом моря звуки птичьего базара.

Вдруг из тумана вынырнул стоящий вертикально предмет. Что это здесь? Неужели на этом безмолвном острове кто-то есть? Чувство непонятной тревоги охватило людей. Предмет оказался вырезанным из дерева и почерневшим от времени идиолом, с растопыренными руками; и руки эти заслоняли от чужаков остров, словно приказывая не идти дальше. Рядом, на земле блестели кости животных, ржавели похожие на топорщица железки.

— Ну, ты посмотри, Отто, какое уродство! Какой уродливый идол. Это что, русское искусство? Ну, какую ценность для мировой истории и культуры несут русские? — с презрением говорил обер-лейтенант Фридрих Фаус.

— Ты гляди, они идолу ещё и сиськи вырезали. Это женщина. Ненавижу эти неполноценные восточные расы!

Выговорив на одном дыхании, немец дал короткую очередь из автомата по деревянной бабе. Две пули отколупнули дерево возле рта, придав и без того не ласковому лицу свирепый оскал. Звук выстрелов подхватило эхо.

— Что ты делаешь, Фридрих! Мы здесь совсем не для этого. Если нас засекут русские, то обнаружат наши приборы. Провалим задание! Советы пригоняли сюда, на Новую Землю, целый пароход женщин и детей, видимо, для сбора птичьего поха и яиц. Здесь могут быть их базы ВМФ. Нужно быть особо осторожными. После рейда нашего крейсера «Адмирал Шеер» на Диксон русские поняли, что мы хотим перекрыть им американские поставки по Северному пути. А идол, видимо, поставлен их северным народом, который они называют ненцами, — отвечал Отто.

— Да, друг мой, их русские зовут ненцами, а нас — немцами. Одна буква в слове, а какая разница в смысле.

— Господин Фаус, не нужно злить чужих богов. А вдруг они захотят отомстить?!

Сбросив рюкзаки, диверсанты решили сделать привал и немного перекусить.

— Видишь ли, Отто, я родом из Кёльна. Ты наверняка слышал про наш Кёльнский собор? Одно время это было самое высокое здание в мире. Так вот, наш собор строился более 500 лет. Видел бы ты, какие там барельефы, какие фрески, как тонко вырезаны лица святых! В соборе покоятся волхвы, предсказавшие появление Иисуса. Перед отправкой на Север, я исповедовался у пастора и получил благословение. Я даже отколупнул камушек от нашего собора. Я не боюсь чужих богов. А эта баба просто уродство. Да, кстати, а как они её сюда доставили, ведь деревья здесь не растут?

— Фридрих, возможно, морем приплыло дерево, его сюда затащили и здесь уже обстругали. Но в любом случае место безлюдное. Прошедшие десять-пятнадцать лет к идолу никто не приходил. Значит, русских рядом нет, можно не опасаться.

— Отто, прости меня за эту стрельбу. Нервы совсем ни к чёрту. Под Москвой погибли два моих дяди, а я вот так и болтаюсь по этим северным островам. До сих пор не видел ни одного русского, кроме этой бабы. Почему нас не посылают разгромить их полярные станции?

— Да что толку от полярной станции! Один потопленный корабль ценится намного больше. Советы не получают американскую тушёнку и начнут наконецдохнуть с голоду, — парировал Отто Вильфшток.

Привал подходил к концу. Вильфшток потянулся всем телом так, что захрустели суставы. На душе у немца оставалось ощущение тревоги. В Бога Отто верил и не верил одновременно. До войны он был синоптиком и чётко понимал, почему вылетает из тучи молния, гремит гром, отчего случается дождь. Ничего удивительного для него тут не было. Данная высадка на остров, в качестве диверсанта, являлась не первой. За 10 лет до войны он

побывал в составе научной экспедиции вместе с советскими учёными на русском севере, но деревянная баба внушала-таки суеверный страх.

Просоленное ветрами, омытое дождями, закалённое снегами и туманами бревно, казалось, вдруг оживёт и отдубасит чужаков своими граблями-руками. И почему он тоже не взял с собой оберег из Германии? Впрочем, нужно идти дальше, нужно отбросить примитивные мысли, хотя... Яркая идея осенила разведчика.

— Фридрих, давай отдадим этой бабе кусочек шоколадки. Северные народы всегда так делают.

— Господин Вильфшток, да вы совсем умом тронулись за время плавания. С другой стороны, поступай, как хочешь, — с этими словами обер-лейтенант поднял свой груз, закинул через плечо ламки и зашагал дальше.

Синоптик отломил кусок от плитки шоколада, положил его перед идолом и заспешил догонять товарища. Взобравшись на гору, разведчики первым делом осмотрели окрестности. Неприятеля по близости не наблюдалось.

Набежавший ветерок победоносно разогнал туман, представив взору унылую картину. Пологие склоны острова, как раненный солдат бинтом, закрылись зеленеющим мхом. К морю горы имели более крутой срез, где птицы устроили гнездовья. В долинах блестели оставшиеся после таяния снегов озёра.

Бинокль позволял увидеть стадо оленей, пришедшее на водопой, а вдалеке, на море, различить отдававшие голубизной льдины. Их подводная лодка залегла где-то рядом на дно. Моряки отдыхающей смены, наверно, травят анекдоты и вспоминают Германию.

Почти два дня ушло на сбор и установку аппаратуры. Они спали поочерёдно в спальных мешках, в обнимку с туманом. После спёртого воздуха в тесной субмарине, очередная высадка была для них, как долгожданная тюремная прогулка.

«Скорее бы заканчивалась эта война», — думал Фридрих. Наконец, проверив зажатые камнями антенны и убедившись в неузнаваемости замаскированной радиометеостанции, немцы заспешили к побережью.

«Скоро август вступит в права, закончится полярный день, затем пройдет и сентябрь. Командир их субмарины обер-лейтенант Вихман расставит мины в заданных квадратах и возьмёт курс на базу в Норвегию. Оттуда можно будет съездить в отпуск в родную Германию», — шагая, мечтал Отто, но его мысли были прерваны.

Подняв взор, он без труда определил перемену погоды. Усиливающийся норд-ост гнал на остров свинцовые тучи. Осматривая небосвод, Отто думал только об одном, успеют ли они добраться

до берега, где их должна была ждать лодка. Нужно быстрее убираться с этого проклятого острова. Так оба разведчика пробежали мимо идола, не посмотрев в его сторону.

А если бы они оглянулись, то заметили бы, как подобно оставленной мине, возле старухи Хобако чернеет нетронутый кусок шоколадки.

Большая часть личного состава подводной лодки С-101 собралась в кают-компании. Вопрос должен был обсуждаться серьёзный, и посему пришла отдыхающая смена. Капитан Трофимов дождался, когда все расселись по местам, и, стоя перед картой Ледовитого океана, начал неспешно говорить. Казалось, будто портреты Сталина и Ленина за его спиной, смотрят на экипаж по-особому.

— Товарищи, всем известно, что под Курском гитлеровская Германия потерпела очередное поражение. Ведомые партией и правительством советские войска пядь за пядью освобождают родную землю. Так почему же, спросите вы, командование Северного флота поручило экипажу нашей подлодки выйти в патрулирование в Карское море, как бы отсиживаться в тылу? Отвечу. Карское море теперь не тыл. В начале войны фашисты думали, что быстро захватят с суши наши северные порты, и не направляли сюда корабли. Но, когда Гитлер обломал зубы со взятием Мурманска, их подлодки стали появляться в нашем тылу. В прошлом году немецко-фашистское командование, для срыва перевозок по Северному морскому пути, направило в Карское море тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер», который потопил наш ледокол «Сибиряков». Но далее враг получил хороший отпор от береговой батареи на Диксоне. А в этом году, сразу после вскрытия льда, разведке удалось запеленговать подводные лодки противника.

Командир развернулся и показал указкой на карте.

— Здесь, здесь и здесь.

Взгляды устремились на карту. Подводники слушали капитана, словно студенты учителя перед экзаменом.

— Одним словом, задание у нас серьёзное. В эфир выходить не будем, только наблюдение за противником, — подытожил Трофимов. — Вопросы есть?

— Товарищ капитан, а правда ли, что немцы, соблюдая суеверия, из портов в пятницу не выходят? — спросил молодой акустик Евгений Маточкин.

Этот парень был громкоотводом. Маточкин любил пошутить, а товарищи часто шутили над ним. Когда Евгений только появился на подлодке, кок попросил помочь приготовить макароны

по-флотски. Мотивируя тем, что закончилась соль, Евгению поручили наполнить бак океанской водой. Ох, и смеялся же тогда экипаж! Однако сейчас Трофимов был серьёзен.

— В пятницу распяли Христа, вот они и боятся. Немцы — народ суеверный, но я думаю, что в военное время всё изменилось. А ты сам, Маточкин, акустик и комсомолец! Ты хоть раз слышал, чтобы в воде кто-то разговаривал? Маточкой русские поморы называли Новую Землю, а шар у них обозначало — пролив. Отсюда и название пролива Маточкин шар. Так что Маточкин — за родную землю воюешь.

Подводники расслабились, на лицах засияли улыбки. Задание было понятно. На флоте издавна повелось: побеждают сообща и погибают все вместе. Экипаж — единое целое, экипаж — это семья. Именно поэтому акустику было немного неудобно перед товарищами.

Перед войной, когда Евгений вернулся на побывку в свою тамбовскую деревню, односельчане сперва не сразу признали в подтянутом моряке весёлого пацана Женьку. Красивая морская форма внушала уважение. Даже родная мать, вдруг, стала называть сына на «Вы». А когда настала пора прощаться, мать, со слезами на глазах, уговорила взять с собой нательный крестик. Евгений любил маму и не смог отказать.

Крестик лежал во внутреннем кармане бушлата. Моряк доставал его, вспоминая дом. Иногда он просто прикасался к нему рукой в кармане. А один раз, когда лодка занырнула слишком глубоко, и послышался со всех сторон треск обшивки, раб Божий Евгений, попросил Бога о помощи, тайком перекрестившись. Капитан Трофимов сумел тогда разогнать и поднять субмарину.

После того случая, товарищ Сталин смотрел на Маточкина, хитро улыбаясь. Вождь, видимо, знал, что матрос носит в кармане — это был их секрет. Вот и сейчас, уходя из кают-компаний, отец народов и подводник переглянулись. Портрет Сталина внушал робость и уважение.

«Служи Родине честно, Евгений Маточкин! Я знаю всё о каждом солдате и офицере!», — уверял глазами Верховный главнокомандующий.

Понятие «день» и «ночь» на подлодках отсутствует. Вахты, сменяющие друг друга, свидетельствовали об идущем вперёд времени. С-101, стараясь не шуметь, вышла в заданный квадрат и залегла на грунт. Иногда рядом проплывали большие льдины. Акустик слышал их на своих приборах.

Прошло 2 недели. Тот день, 28 августа 1943 года, Евгений запомнил на всю жизнь, до мельчайших подробностей. После завтрака он заступил на боевой пост, который тонул в полумраке. Горел только тусклый красноватый свет. Среди лампочек и ци-

ферблатов тревожными сигналами вспыхивали и гасли разноцветные огоньки. Подлодка была наполнена таинственными шумами, свистами и вторившим им гудением приборов.

Вдруг, словно пойманная птаха, в бушлате затрепетал мамин крестик. Евгений сунул руку в карман. Ему показалось, что крестик обжёг пальцы, словно хотел сказать: «Евгений, внимание!».

Далее засвистел эхолот. Звук усиливался и нарастал. Акустик сообщил о шумах вражеской лодки на пост управления. Трофимов объявил тревогу. Подводники забежали по субмарине, занимая места согласно боевому расчёту.

— Скорость семь узлов. Выходим на глубину 10 метров, — зазвучал приказ командира.

Перископ взметнулся над волной. На востоке Трофимов увидел, как поднимался солнечный диск. Плывущие по своим делам большие и малые айсберги сверкали в его лучах. На западе, среди безмолвия льда, словно бело-голубое привидение, звеня дизелями, двигалась в надводном положении вражеская субмарина. Сомнений быть не могло. Низкий силуэт и бочкообразная рубка говорили о том, что это был немец.

«Совсем обнаглел, даже не прячется. А может, у них поломка? Впрочем, нам это не важно. Хорошо, солнце у нас за спиной», — подумал Трофимов.

— Объект движется курсом на север. Расстояние до цели две мили... тысяча восемьсот... тысяча семьсот, — раздался по громкой связи голос вахтенного у гидролокатора.

— За нашу Советскую Родину! За товарища Сталина! Залп... Залп... Залп...

Понимая, что ошибиться не имеет права, Трофимов атаковал сразу тремя торпедами. Ах, как мучительно ожидание! Когда смертельный груз вышел, он идёт своим ходом, его движение невозможно подкорректировать. Остаётся только ждать.

Трофимов ясно увидел в перископ, взметнувшийся среди моря высокий водяной столб, и объявил по громкой связи о попадании. Троекратное «Ура!» сотрясло корпус подлодки.

Когда С-101 приблизилась к месту гибели неприятельской субмарины, на воде расплылось огромное масляное пятно, посреди которого тихо покачивались тела немецких подводников и какие-то деревянные обломки. Кусочек Кёльнского собора безвозвратно ушёл в холодную темноту морской пучины, вместе с благословлённым пастором Фридрихом.

Впрочем, советские моряки про это так и не узнали. С поверхности моря им удалось поднять: сигнальную книгу, дневник и тушку командира U-639 обер-лейтенанта Вихмана, отдельные чертежи ПЛ, её спасательный круг.

Аккуратно собрав трофеи, победители упаковали их в мешки. С чувством выполненного долга экипаж С-101 возвращался на

базу. Позже, в штабе Северного флота, из командирского дневника установили, что U-639 участвовала в операции «Зеехунд» и выставляла мины в Печорском море и в Обской губе. Но куда дальше шла 639-я, так и осталось загадкой.

Портрет Сталина, при встрече, поблагодарил Маточкина за службу, отчего Евгений понял, что Верховный, совсем не против крестика.

— Молодец, Маточкин, вовремя заметил, а то ведь немец мог и проскочить мимо нас. Представлю тебя к награде! – поздравил акустика командир.

Дожди, снега и ветра проносились над затерянным в Ледовитом океане островом. Полярная ночь и полярный день чередовались друг с другом. Время, как опытный косметолог, зачернило сколы от немецких пуль возле рта старухи-идола, переделав оскал в улыбку.

Словно мать, ждущая детей, раскинув руки, на далёком северном острове, летом под крики птиц, а зимой под свист вьюги, возле большой горы, улыбалась прекрасная деревянная женщина.

СЕРГЕЙ КАЛИНИН

Публицист, поэт, прозаик. Родился в 1971 г., вырос и живёт в городе Барнауле. Профессиональный юрист, член Ассоциации Юристов России. Работает главным специалистом юридического отдела администрации Каховского муниципального округа Херсонской области (прифронтовая зона). Начал писать в юности. В 1989 г. слушатель литературной студии «Родничок» при Алтайском отделении Союза писателей СССР. Лауреат и дипломант Всероссийского фестиваля-конкурса «Литературная карусель» в 2023 и 2025 гг.

Автор года журнала «Мир Животных» (Республика Беларусь). Дипломант альманаха «Новый Енисейский Литератор» и литературного конкурса «Пастернаковское лето-2025» в номинации «Проза». Рассказы публиковались в России, Австралии, Беларуси.

ЦИКЛ «ПЯТЬ СТИХИЙ»

Предисловие

Эти пять рассказов написаны в разное время, но объединены одним местом действия — Донбассом — и одной темой: как стихии человеческой души проявляют себя в эпоху разлома.

Земля, Вода, Огонь, Воздух, Металл. В древних учениях это первоосновы мира. Здесь они становятся не просто метафорами, а живыми участниками историй. Земля, которая кормит и мирит. Вода, что хранит память. Огонь, согревающий даже в самую холодную зиму. Воздух, несущий звуки музыки сквозь тишину разрушенных площадей. Металл, который ранит и который становится частью человека.

Эти рассказы не о войне. Они о людях, которые продолжают жить, любить, помнить и надеяться — несмотря ни на что. Потому что человек больше, чем война. И стихии вечны, как вечно сама жизнь.

«ЧЕРНОЗЁМ»

Стихия — Земля

Март в тот год выдался ранний. Снег сошёл за неделю, обнажив чёрную, жирную землю, которая пахла так густо и тревожно, что у Анны щемило сердце. Запах этот она помнила с детства — так пахла земля в первый год после смерти отца, когда мать впервые вышла на огород одна и долго стояла, опершись на лопату, не в силах воткнуть её в почву.

Теперь она сама стояла так же.

Три года. Три весны они с Раисой выходили на свои огороды молча. Соседние участки, разделённые старой сеткой-рабицей,

ржавой, но ещё крепкой. Огород упирался в овраг, за оврагом — лесополоса, а дальше — степь, изрытая воронками. Там иногда грохотало. Здесь было тихо.

Анна копала молча. Лопата входила в землю легко, с хрустом разрезая прошлогодние корни сорняков. Она слышала, как с той стороны забора дышит Раиса — тяжело, с присвистом, у неё всегда было высокое давление.

Они не разговаривали три года. С тех самых пор, как сын Анны ушёл в ополчение, а сын Раисы — в украинскую армию. Никто никого не винил вслух. Просто однажды перестали здороваться. Потом перестали смотреть друг на друга. Потом Раиса повесила на забор старую клеёнку, чтобы не видеть соседский двор.

Клеёнку сорвало ветром этой зимой. Раиса не повесила новую. Лопата Анны ударилась обо что-то твёрдое. Камень. Она нажала сильнее, поддела, дёрнула — и камень вылетел из земли, ударил в нижнюю доску забора. Гнилое дерево хрустнуло, доска отлетела. Комья чернозёма полетели на грядку Раисы.

Анна замерла.

С той стороны стало тихо. Потом шаги. Потом рука в старой вязаной перчатке подняла ком земли. Раиса мяла его в пальцах, разглядывая, словно это был не чернозём, а что-то драгоценное.

— Хорошая земля, — сказала она тихо, не глядя на Анну. — У меня в том году тыквы уродливые выросли. Кривые, бледные, на вкус — трава. Переродились.

Анна молчала. Раиса подняла глаза.

— А у тебя?

— Голосемянная, — ответила Анна, и голос её прозвучал хрипло, как старая пластинка. — Моя мама ещё сажала. Сладкая, рассыпчатая. Внуки за обе щеки.

Она сунула руку в карман телогрейки. Там, в тряпичном узелке, лежали семена — ещё с осени приготвила, сама не зная зачем. Крупные, белые, маслянистые на ощупь. Протянула через дыру в заборе.

— Ты её от кабачков подальше посади. И пчёл не гоняй — они правильную пыльцу несут.

Раиса смотрела на её ладонь. Потом медленно, словно боясь обжечься, взяла семена. Пересчитала машинально — семь штук. Ровно столько, сколько сажают на одну лунку.

— Пчёлам-то всё равно, через какой забор лететь, — сказала она и сама удивилась своим словам.

Анна кивнула.

Больше они не сказали ни слова. Раиса вернулась к своей лопате, Анна — к своей. Земля пахла одинаково по обе стороны забора.

Солнце садилось за овраг, когда Раиса спустилась в погреб. Долго рылась в темноте, чиркая спичками. Нашла. Банка была

запылённая, с прошлогодней этикеткой, написанной от руки: «Икра бакл. 2021». Тот самый год, когда они ещё закатывали вместе, споря до хрипоты — тереть чеснок или дольками.

Она протёрла банку рукавом. Поставила на межу — туда, где утром зияла дыра в заборе. Сверху положила обрывок газеты с карандашными каракулями: «Чеснок тёртый. Как ты любишь».

Утром банки на меже не было.

А из трубы Анны шёл дым. И пахло дымом не гарью, а жильём. И чем-то ещё — то ли печёным хлебом, то ли просто весной.

Война войной, а Пасха на пороге. Стол накрывать надо. Икра баклажанная с чёрным хлебом. Должна быть.

Всё должно быть, как раньше.

«КОЛОДЕЦ»

Стихия — Вода

Воды в посёлке не было четвёртый год.

Водокачку разбили в четырнадцатом, новую так и не построили. Подвозили раз в неделю — цистерна с надписью «Вода питьевая», за которой выстраивалась очередь с вёдрами, бидонами, пластиковыми бутылками. Но дед Михей к цистерне не ходил. Он ходил к колодцу.

Колодец был старый, ещё довоенный. Вернее, послевоенный — его выкопали в сорок шестом, когда вернувшиеся с фронта мужики отстраивали посёлок заново. Сруб почернел, ворота скрипели, цепь ржавела, но ведро каждое утро поднималось полным.

— Дед, как ты воду достаёшь? — спросил внук, приехавший из России погостить. — Там же ила по пояс. Все знают.

Михей сидел на лавке у колодца, курил, щурился на солнце. Внук стоял рядом, высокий, городской, в чистой куртке.

— А ты спустись, — сказал дед. — Сам посмотри.

Внук хмыкнул, но полез. Цепь держала крепко, дед её сам проверял каждую весну. Ведро качалось, задевая замшелые стенки. Внизу пахло сыростью, землёй и чем-то ещё — древним, как сама вода.

На дне действительно был ил. Но сквозь ил, из чёрной глубины, бил родничок. Тоненький, с палец толщиной. И рядом с ним, присыпанный песком, лежал старый наган. Рядом — горсть гильз, позеленевших от времени.

Внук поднялся наверх с наганом в руке. Молча положил на сруб.

— Дед, это что?

Михей докурил, затоптал окурок. Посмотрел на наган, потом на внука.

— В сорок третьем отец мой в партизанах был. Они здесь, в балке, отряд держали. А когда немцы уходили — каратели прошли по хуторам. Схватили одного, подпольщика. Пытали, а потом бросили в этот колодец. Живым.

Внук молчал.

— Отец ночью пришёл. Достал. Уже мёртвый был. Похоронили там, у лесополосы. А оружие отец на дно положил. Сказал: пусть лежит. Вода всё помнит. И сказал ещё: пока мы помним тех, кто в этой земле лежит, вода в колодце не уйдёт.

— И ты помнишь?

— Я помню, — сказал Михей. — А имени не знаю. Отец не говорил, а я не спрашивал. Тогда не принято было спрашивать.

Внук уехал через неделю. А через месяц позвонил.

— Дед, я в архиве нашёл. Того подпольщика. Фамилия — Гнатюк, имя — Степан, отчество — Петрович. 1919 года рождения. В партизанах с сорок первого. Жена — Мария, дети — двое. Успели уехать в эвакуацию, в Саратов. Больше о них ничего нет.

Михей молчал в трубку. Потом сказал:

— Запиши на бумажке. Приедешь — покажешь.

Он положил трубку, вышел к колодцу. Опустил ведро, подождал, пока наберётся. Поднял. Вода была холодная, чистая, с искрами от низкого осеннего солнца.

— Слышишь, Степан Петрович? — сказал дед в темноту колодца. — Помнят тебя.

Вода молчала. Но ведро было полным.

«ФИТИЛЬ»

Стихия — Огонь

Зимой в девятиэтажке было холоднее, чем на улице.

Бетонные стены промерзали насквозь, окна, затянутые плёнкой, не держали тепло, а батареи были холодными четвертую зиму подряд. Светлана куталась в два одеяла и всё равно не могла согреться. Дочь Алиса, тринадцать лет, спала рядом, свернувшись калачиком.

— Мам, давай шкаф разберём, — сказала Алиса однажды утром, когда пар изо рта шёл гуще обычного. — Всё равно пустой почти.

Шкаф был старый, ещё советский, из ДСП, с облупившейся плёнкой под дерево. Его покупали, когда Светлана с мужем только поженились. Тогда он казался огромным, они вдвоём не могли его затащить на пятый этаж, звали соседа.

Теперь шкаф был почти пуст. Вещи мужа она раздала ещё в первый год. Оставила только его куртку — кожаную, с воротником, которую он надевал по праздникам. И коробку из-под обуви, где лежали мелочи: старые ключи, значки, зажигалка.

Алиса открыла коробку.

— Мам, а это что?

Зажигалка Zippo, потёртая, с царапинами на боку. На крышке — выгравированный якорь. Муж служил на флоте.

— Папина, — сказала Светлана и взяла зажигалку в руки. Тяжёлая, холодная. Она чиркнула колёсиком — внутри ещё был бензин. Огонёк заплясал на фитиле, крошечный, жёлтый, живой.

Они сидели и смотрели на огонь.

— Расскажи про папу, — попросила Алиса.

И Светлана стала рассказывать. Как они познакомились в турпоходе, как он учил её разводить костёр с одной спички, как они мечтали объехать весь Крым на велосипедах. Как он смеялся — громко, запрокидывая голову. Как ушёл в четырнадцатом, сказал: «Я ненадолго, надо помочь». И не вернулся.

Фитиль горел ровно, почти не коптя.

— А чему он тебя ещё учил? — спросила Алиса.

— Ждать, — сказала Светлана. — Он говорил: главное — уметь ждать. И верить, что дождёшься.

— А ты веришь?

Светлана не ответила. Огонёк дрогнул, словно от сквозняка, но не погас.

— Завтра схожу в военторг, — сказала вдруг Алиса. — Куплю кремний. И бензин. Будет чем разжигать.

— Зачем?

— Чтобы огонь был. В доме должен быть огонь.

Светлана посмотрела на дочь. Тонкие ключицы, серьёзные глаза, упрямый подбородок — отцовский.

— Правильно, — сказала она. — Должен.

Фитиль погас сам, когда бензин кончился. Но в комнате почему-то стало теплее.

— Мам, а давай летом в поход пойдём? — спросила Алиса уже в темноте. — Как вы с папой.

— Давай, — ответила Светлана. — Научишься костёр разводить.

— С одной спички?

— С одной.

«ШАРМАНЩИК»

Стихия — Воздух

Он появлялся на площади каждый вторник.

Выходил из подъезда разрушенной пятиэтажки ровно в полдень, в старом драповом пальто, с палкой в одной руке и шар-

манкой в другой. Шарманка была тяжёлая, немецкая, с облупившимся лаком и потемневшими от времени медными трубами. Говорили, что она трофейная, ещё с той войны.

Старик ставил ящик на асфальт, садился на складной стульчик и начинал крутить ручку.

Звук был негромкий, но чистый. Вальс «Амурские волны» плыл над пустой площадью, над остовами сгоревших машин, над выбитыми окнами ДК, над ржавой арматурой, торчащей из бетона, как рёбра.

Сначала никто не подходил.

Потом подошла женщина с хозяйственной сумкой. Постояла, послушала. Полезла в карман, достала смятую купюру, положила в жестянку, прикрученную к шарманке. Старик кивнул, не переставая крутить.

Потом подошли двое ополченцев с автоматами. Курили, слушали. Один сказал: «Красиво». Второй промолчал, но бросил в жестянку пачку сигарет.

Потом старуха с тележкой. Мальчишка с собакой. Молодая пара в камуфляже. Круг людей рос, как круги на воде.

Где-то на окраине ухнуло. Люди вздрогнули. Старик сбился на полтакта, но продолжил крутить. И люди не разошлись.

Вальс закончился. Повисла тишина. Старик поднял голову, обвёл глазами собравшихся.

— Завтра в это же время, — сказал он хрипло. — Приходите.

И ушёл, постукивая палкой.

На следующий день площадь была полна. Люди принесли стулья, табуретки, ящики. Кто-то — термос с чаем. Кто-то — хлеб. Старуха с тележкой притащила половик, чтобы старику не сидеть на холодном.

Он заиграл «На сопках Маньчжурии». Потом «Прощание славянки». Потом просто мелодию, которую никто не знал, но которая почему-то казалась знакомой.

Его спрашивали: «Как зовут? Откуда?» Он не отвечал. Только крутил ручку и улыбался.

Однажды он не пришёл.

Люди ждали час, два. Потом кто-то пошёл к пятиэтажке. Дверь в квартиру была открыта. Старик лежал на кровати, в пальто, с палкой в руке. Шарманка стояла рядом. Он умер во сне.

Его похоронили во вторник, в полдень. На кладбище пришла вся площадь. Кто-то принёс цветы, кто-то — свечку. А кто-то — старый патефон с пластинкой.

И когда гроб опустили в землю, над кладбищем поплыл вальс «Амурские волны». Шипел, потрескивал, но звучал.

Воздух помнил его музыку.

«ОСКОЛОК»

Стихия — Металл

Оперировала Вера Павловна.

Раненого привезли ночью, тяжёлого. Молодой парень, лет двадцати двух, ополченец. Осколочное ранение грудной клетки, осколок у самого сердца. На рентгене — тень, маленькая, но опасная, как притаившийся зверь.

Вера Павловна работала молча. Руки двигались сами — сорок лет в хирургии, из них последние восемь — в военном госпитале. Сестра подавала инструменты, анестезиолог следил за монитором.

Осколок извлекли через два часа. Вера Павловна бросила его в лоток. Металл звякнул.

После операции она сидела в ординаторской, пила остывший чай и вертела осколок в пальцах. Он был маленький, с ноготь, неправильной формы. Бронза или латунь — не сталь. Не от снаряда, от чего-то другого.

Она всматривалась в него, и вдруг что-то кольнуло в памяти.

Тысяча девятьсот восемьдесят шестой год. Ей двадцать лет. Она студентка мединститута, и она целуется с однокурсником у памятника шахтёрам. Памятник стоит в центре города, бронзовый, с фонарём в руке. Она помнит, как прижималась спиной к постаменту и чувствовала нагретый солнцем металл. Как он пах — пылью, летом и чем-то неуловимым. Как однокурсник, Серёжа, смеялся и говорил: «Выйдешь за меня?» А она отвечала: «Сначала доучись».

Памятник снесли в девяностые. Говорили — аварийный. На массивное металлическое основание постамента памятника поставили фонтан. Фонтан не работал.

Она смотрела на осколок. Та самая бронза. Тот самый памятник. Тот самый город, куда она так и не вернулась. Та самая жизнь, которая кончилась и началась заново.

Вера Павловна достала из ящика стола конверт. Положила туда осколок. Написала: «Парню, 22 года. Пусть живёт долго».

Утром она зашла в палату. Парень спал. Дышал ровно. На тумбочке лежал конверт.

Вера Павловна постояла минуту и вышла.

Металл можно извлечь. А память — нет. Она остаётся внутри, как осколок у самого сердца. И это, наверное, правильно.

КАТЕРИНА КОРНИЕНКО

Родилась в 1992 году в посёлке Калангуй Читинской области. Проживает в городе Иркутск. Получила образование в медицинском колледже города Черемхово по специальности «Лечебное дело». Работает медицинской сестрой по физиотерапии в Областном гериатрическом центре города Иркутска. Интерес к написанию текстов появился ещё в детстве, всерьёз стала заниматься прозой во взрослом возрасте. Является последовательницей направления «реализм». Лауреат Международного Фонда «Великий Странник молодым».

КУРЬЕР ПО ДОСТАВКЕ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Официант появился на работе с опозданием, чем рассердил своего строгого начальника. Тот сделал ему выговор и пообещал в следующий раз уволить, ведь такое было уже не впервые. Вчера Роман задержался на занятиях в медицинском колледже, где провалил сдачу экзамена. А сегодня добирался из другого района из-за курьерской доставки, и автобус простоял в пробке двадцать минут, которые показались студенту вечностью.

Прижатый в переполненном автобусе к заднему стеклу, Роман наблюдал за бесконечным потоком машин.

«Жаль, что автомобили в нашем мире не летают, как в фильме «Пятый элемент», – таким способом он старался отвлечь себя от негативных мыслей. – Не было бы таких пробок – и люди бы везде успевали...»

Развлечения в клубах студенту были не интересны, да и времени на это не было. С утра учёба в колледже, после занятий подработка в курьерской службе по доставке цветов, потом допоздна работа в кафе, откуда он полчаса добирался до общаги пешком, ведь в такое время общественный транспорт уже не ходил, а на такси ездить было накладно – так жил студент, приехавший два года назад из небольшого посёлка в незнакомый город.

Родственников здесь у него не было, и рассчитывать приходилось только на себя. Он старался сам зарабатывать себе на жизнь и мечтал в будущем помогать деньгами своей матери, которая ухаживала за его шестнадцатилетним братом с диагнозом ДЦП. Роман видел, как тяжело приходится маме, которая растила их с братом в одиночку. А в медицинский колледж он поступил именно из-за брата, мечтая его вылечить.

В реальной жизни победить тяжёлые болезни или решить серьёзные проблемы гораздо труднее, чем Корбену Далласу спасти

мир... Но, несмотря на все трудности, двадцатилетний юноша никогда не отчаивался, всегда двигался вперёд и верил в лучшее.

По указанному заказчиком адресу он доставил пышный букет разноцветных гипсофил. Цветы всегда вызывали у получателей гамму эмоций – удивление, растерянность, радость... И Роман вручал букеты с широкой улыбкой, будто они были лично от него. Но в этот раз всё было не так: открывшая дверь девушка забирать цветы отказалась. Более того, она рассерженно отстранила протянутый курьером букет и поспешно закрыла перед его носом дверь. Видимо, мужчина, заказавший цветы, в чём-то сильно провинился, и она вряд ли простит его, даже если он пришлёт целый вагон алых роз.

Курьер стоял на лестничной площадке, в замешательстве глядя на закрытую дверь. Упаковка из крафт-бумаги с мелкими надписями Love шелестела в его руках. Он хотел оставить цветы на придверном коврике, но понимал, что они окажутся в мусорке. До заказчика дозвониться не получилось, и студент поспешил на работу в кафе, прихватив букет с собой. Прибыв на место, он поспешно переоделся в белую рубашку. Не решив второпях, куда положить цветы, он оставил их на барной стойке и забыл о них на весь вечер...

...В кафе вошла девушка с мокрым от дождя радужным зонтом и направилась к свободному столику в дальнем углу у окна. Удлиненное белое платье подчёркивало её стройную фигуру. Высокие каблукы светло-бежевых туфель стучали по напольной плитке.

Роман украдкой наблюдал за ней, стоя возле посетителя, который вдумчиво и неторопливо выбирал блюда в меню. Девушка сидела спиной к барной стойке. Её огненно-рыжие волосы и стрижка были в стиле Лилу из фильма Люка Бессона. Раскрытый зонт она поставила поближе к окну.

Закончив с заказом, официант спустя время оказался около её столика и с удивлением обнаружил, что посетительница чем-то расстроена. Она подняла на него заплаканные серые глаза... Выглядела девушка так, словно сбежала со свидания. И хмурая, ненастная погода за окном была под стать её настроению.

Он растерянно смотрел на неё, печальную и красивую. Светлая кожа, нежные и мягкие черты лица. Она, наверное, старше его лет на семь или десять.

Так хотелось спросить: «Что у вас случилось?» Может быть, у него получится как-то помочь ей? Он бы мог поговорить с ней, поддержать, успокоить. Спрятать от всех невзгод, словно под этим радужным зонтом... Но скромный официант на это не решился. Положив ей на стол меню, он поспешно удалился, чтобы не мешать плакать.

В задумчивости Роман смотрел на незнакомку, стоя у барной стойки и длительное время протирая один и тот же бокал. И тут его взгляд остановился на букете гипсофил, забытом и никому не нужном...

Юноша вспомнил, как в третьем классе на линейке в честь Первого сентября он подарил букетик огненно-рыжих бархатцев своей однокласснице. Девочка была очень расстроена, ей так не хотелось идти в школу после длинных летних каникул. Она стояла рядом с ним и плакала, прикрывая лицо ладошками. Цветочки тут же подняли ей настроение...

...Посетительница смущённо взглянула на протянутый ей букет – радужный и большой, как её раскрытый зонт. Полные нежности карие глаза и сияющая улыбка официанта излучали такой же свет, что и солнце за окном, выглянувшее из-за туч. На её удивлённом лице мелькнула тень улыбки, глаза оживились.

Роман – простой студент, а не спасающий мир от уничтожения бывший секретный агент Корбен Даллас. Но именно он в этот пасмурный вечер смог немного поднять настроение загадочной рыжеволосой незнакомке. И помогли ему в этом радужный букет гипсофил и чашка горячего ароматного кофе.

Мир спасёт доброта. Ну и, конечно же, Корбен Даллас.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

Родился 25 июня 1991 года в г. Волжске Республики Марий Эл. Окончил Зеленодольский филиал казанского Института Экономики. Имеет ряд наград от жюри литературных проектов и конкурсов, в которых принимал участие. Стихи пишет уже более 20 лет, также работая в жанре прозы. Является автором двух поэтических сборников: «О вере и любви» (в двух частях). Публиковался в местной газете «Волжская Правда», в альманахе «Литературный Мост», в журналах «Северо-Муйские огни» и «Александръ».

ЖИВАЯ СВЕЧА

Сумерки накрывали зимним саваном Ленинград. Комната постепенно наполнялась звенящей тишиной, в которой ночные тени одиночества медленно протягивали свои жуткие и причудливые узоры со всех сторон к беспомощно стоявшей на коленях девочке. Малышку знобило, но она не чувствовала затёкших ног и кутавшего её холода. Зима выдалась настолько холодной, что иней покрывал стены, выдавшей виды квартиры, и сжимал сердце тисками безысходности. Сегодня опять бомбили, и где-то поблизости очередной разорвавшийся снаряд отозвался гулом в ушах и содроганием дома, стены которого едва не заходили ходуном от удара. «Это гром, это просто гром», – шептала про себя Вера, стараясь не думать о присутствии смерти в своей жизни. Но она была рядом. Сегодня не стало бабушки, столь близкой и горячо любимой. Свою маму девочка не помнила. Она умерла ещё при родах, успев дать жизнь Верочке, которую старались окружать любовью и заботой отец с бабушкой. Вера вспоминала, как провожала отца на фронт, махая ему на прощание маленьким потёртым носовым платочком, и крича «Возвращайся скорее». Бабушка же, молча утирая катившуюся по щеке слезу, обнимала девочку.

Вера помнила, как ночами бабушка, уложив её спать, вставала на колени и чуть слышно шептала молитвы. Девочка не помнила всех слов, но сквозь дрему слышала размеренный шёпот старушки, медленно осенявшей себя крестным знамением. Нескольким бумажных икон висели в углу, и неспешно догорающий огарок свечи словно теплился надеждой на новую, счастливую жизнь. И теперь сама Вера стояла на коленях перед иконами, и последняя свеча, наконец догорев, погасла, медленно поднимаясь вверх тоненькой прозрачной струйкой, словно чья-то душа, взлетающая в небеса. «Наверное, и бабушка так же ушла на небо», – подумала девочка. Старушка совсем ослабела от голода, отдавая свой скудный паек девочке. И сегодня она просто ушла.

Не в силах подняться с постели, бабушка всё продолжала шептать молитвы, которые становились лишь тише и тише, под конец превратившись в едва уловимое шевеление губами. Но вот они замерли, лицо превратилось в застывшую маску, а глаза так и остались открытыми, устремившись в потолок. Вера испуганно смотрела на бабушку, после чего, испугавшись звуков разорвавшейся недалеко бомбы, убежала в свою комнату.

Было темно. Свечей больше не осталось. Последний огарок растворился вместе с молитвой девочки. Молитв она не знала, ибо была слишком слаба, чтобы учить их. Ела она ещё вчера утром несколько оставшихся крошек. Вера хотела оставить их для бабушки, но та лишь отвечала ей, что не голодна. Уже несколько дней она не вставала с постели, а девочка боялась выйти на улицу, совсем пустынную в эти дни. Бомбёжки становились более частым явлением в жизни Ленинграда, но Верочка всё никак не могла к ним привыкнуть. Да, многому может научиться человек, но только не равнодушию во время войны. Щупальца страха, чёрные и холодные, проникают в самую душу, заставляя сердце сжиматься в один комок неподдельного ужаса, когда жизнь может в любую секунду разорваться на части очередным снарядом, или медленно догорать подобно маленькому огарку свечи вместе с молитвами девочки.

Сначала Вера просто шептала, стоя на коленях. Что, она и сама не знала, ибо её затуманенный разум отказывался видеть образы в их истинном свете. Девочка, не в силах даже пошевелиться от сковывавшего холода, просто стояла на коленях, глядя на образа. Она и сама не помнила, сколько простояла так, под конец упав на пол и забывшись судорожно лихорадочным сном. Вера не видела образы или картины, которые рисуют нам сновидения. Перед ней проплывала всё более сгущающаяся темнота, постепенно окружая и наполняя собой. Девочка силилась проснуться, но ей это никак не удавалось. Наконец эта тёмная масса буквально поглотила её, и Вера провалилась в бездонную пропасть, становившуюся все глубже и глубже...

На рассвете девочка наконец открыла глаза. Голова болела, становившись ватной и с трудом державшейся на плечах. Вера поднялась с обрывка рваного ковра на холодном полу. Взошедшее солнце неприятно контрастировало с окружающей действительностью. Соседний дом был наполовину разрушен, двор изрыт воронками от разрывавшихся снарядов. Выжившие уже не выходили на улицу, прячась по своим ещё уцелевшим комнатам. Пошёл лёгкий и безмятежный снег. Вера смотрела в окно на мерно падавшие с небес снежинки, и удивлялась, как природа может быть такой спокойной, когда вокруг смерть. Она медленно отошла от окна и подошла к комнате бабушки. Осторожно войдя, девочка увидела мертвенно бледное лицо старушки, и пустые глаза цвета далёких небес. Вера еле уловимым движением руки закрыла глаза бабушки, и заплакала. Впервые с момента начала

войны она плакала, опустившись на пол подле кровати бабушки. И в этих слезах были вся горечь и непонимание происходящего. Душа девочки будто рвалась на части и звала отца, её теперь единственного родного человека на всём белом свете. Но Вера не знала, что отец никогда уже не вернётся с войны, став одним из павших безымянных героев, что зажглись новыми звёздами на небосводе жизни.

День медленно клонился к своему завершению. Стемнело рано, и квартира погружалась в темноту наступавшей ночи. Свечей больше не было, и Вера сидела на своей кровати, завернувшись в одеяло и всеми силами пытаясь согреться. Вдруг взгляд её упал в дальний угол комнаты, где лежала давно забытая скрипка. Потёртая от времени, с одной порванной струной, она была оставлена девочкой за ненадобностью. Вера смутно вспоминала, как отец подарил ей в раннем детстве эту скрипку. Где он достал этот музыкальный инструмент, девочка не знала. Но тот день рождения с улыбками отца и бабушки, и самыми наилучшими пожеланиями, она помнила всегда. Поначалу она неумело водила смычком по скрипке, издававшей какую-то непонятную мелодию, отчего отец смеялся ещё больше, а бабушка просила сыграть снова. Потом с ней занимался её сосед, старый еврей-музыкант, которого Вера ласково называла дядей Женей. Так уж прозвали его все знакомые, вот и повелось за ним это имя. Шли дни и месяцы, и игра девочки становилась все более осмысленной. Она научилась любить музыку, и проживать каждое её мгновение своим сердцем. Дядя Женя хвалил ученицу, и Вера была рада давать импровизированные представления для всех соседей, собиравшихся у них дома или во дворе. Она вдохновенно касалась струн, и мелодия лилась вокруг, преобразая души собравшихся, звучащие в конце обильными аплодисментами. И Вера радовалась этой возможности дарить людям радость. Как же хорошо жилось тогда! Но вот зловещее слово «война» зазвучало набатом, и все те прекрасные моменты остались в прошлом.

Вера смотрела на эту старую скрипку, и перед ней проплывали растворившиеся вдали картины. Девочка улыбалась. Слабость пронизывала насквозь всё сильнее, пошевелиться не было сил, но огромным усилием своей недетской воли она встала с кровати и сделала несколько шагов, осторожно беря скрипку в руки и сдувая с неё тонкий слой пыли. Да, одна струна порвалась. Какая же неприятность. Но девочка, забыв об этом, уже держала скрипку одной рукой, другой беря смычок и плавно опуская его на струны. Комнату наполнила музыка. Сначала робкая и неуверенная, местами обрывавшаяся, ибо Вера от слабости чуть не уронила инструмент. В голове звенела совсем другая музыка, и девочка порою сама забывала, её ли это игра, или же она совсем обессилела от голода. Перед глазами порою расплывались чёрные круги, но Вера продолжала играть. Для себя, для отца и

бабушки, и для всего мира. Она преображалась с каждым мгновением. Щёки горели, глаза почему-то наполнились слезами, но вместе с тем и неподдельной радостью. Она жила, и она чувствовала эту жизнь, и дарила её себе. Но вот снова темнота окружила девочку, и она, забывшись, упала на пол, выронив скрипку, издавшую прощальный жалобный звук. Девочка силилась подняться, встав на колени и беспомощно разводя по сторонам руками, будто пытаясь ухватиться за невидимую опору и встать на ноги. Но что это? Или наступила ночь, или она уже не видела ничего вокруг от собственной слабости. Как же хотелось есть! Хотя бы одну хлебную крошку. Может быть, она завалялась где-нибудь на полу? Девочка шарила по полу руками, но силы с каждым мгновением оставляли её. Наконец она застыла, повалившись на пол, и ощущая его холодные касания. «Неужели это конец?» – пронеслось в голове. «Но почему? Почему именно сейчас? Может быть, сейчас вернётся домой отец. И обнимет, ласково обнимет и прижмёт к себе». Как же ей хотелось прикоснуться к его щетинистой щеке и забыть обо всем. Да, он вернётся, обязательно вернётся. Он же обещал. И, может быть, бабушка вовсе и не умерла? Может быть, она встанет сейчас и, с лукавой улыбкой глядя на девочку, скажет, как и раньше: «Вставай, вставай, соня. Уже утро». И они все вместе втроём пойдут гулять. И Вера будет бережно держать в руках любимую скрипку, словно самое драгоценное сокровище, что есть в её жизни. Помимо отца и бабушки, разумеется. Да и война ведь когда-нибудь закончится, да? Мысли шумно пронеслись в голове у девочки. Или это был зимний ветер, ворвавшийся в комнату сквозь выбитое ударом сильного взрыва окно? Она уже не чувствовала холода, но почему-то с каждым мгновением ей становилось всё теплее и теплее. И этот звон, сначала звучавший отдалённо, теперь становился сильнее и как будто приближался. Вера смутно понимала, что это не звучание скрипки, а нечто непонятное ей. Она хотела вытереть скатившуюся по щеке слезу, но не смогла даже пошевелить рукой. Девочка повела пересохшими губами, сясь позвать бабушку, но слова застряли комом у неё в горле. Неужели она умирает? Эта мысль внезапно пронзила её. Но почему же сейчас, именно сейчас? Ведь она хотела сыграть на скрипке ещё. И бабушка тогда проснулась бы, и разбудила её. И вся эта война закончилась бы. Нужно лишь пожелать. Одно мгновение. Пожалуйста, ещё одно мгновение. Темнота все сгущалась, но вот где-то в отдалении сквозь неё пробился тонкий солнечный луч. Значит, не всё ещё умерло в этом мире. Свет уже разрывал темноту, и Вера протягивала к нему руки. Живая свеча воскресала вновь...

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ

Родился в Ленинграде, вырос в Санкт-Петербурге. Окончил Политехнический университет. Сменил несколько профессий, много путешествовал. Автор сборников «Непохожий» и «Добрые люди». Публиковался в журнале «Волга». Живёт в Новгородской области.

САНЁК

Памяти Р.С.

Жирный жёлтый живот китайца опускался из тьмы на лицо. Его вид и сам по себе вызывал отвращение, а когда пупок накрыл нос, и в горло посыпались острые камни, Саша, задыхаясь, очнулся.

Об лицо скребли ветки. В горле бурлил жидкий ком.

Почувствовав, что и наяву не может дышать, он напрягся до тошноты, откашлялся, глотнул воздух, и только тогда вернулся.

Гудел ветер. Слепил белый солнечный свет.

В небо уходили почти голые, в зелёной дымке деревья. Поле в прошлогодней траве и чёрных прыщах воронок виднелось через кусты. Он лежал на спине, в лесополке, и значит, кто-то его оттащил.

Правой стороны как бы не существовало, и, с усилием подняв левую руку, он ощущал себя. Повреждённая рука ответила болью, бок оказался в крови, вместо челюсти была отбивная в осколках, а ногу он и трогать не стал: и так было понятно, что ниже колена одна пустота.

Итак, жизни оставалось на пару минут. То есть как раз для поразмыслить о важном. Вот только напиться значимостью момента не удалось. Дико гудела балда, мучилось тело, а правый глаз заплыл и чесался, словно в нём шурудил муравей. И мысль пришла только одна, да и то какая-то куца: «Ну, вот так...».

Боль, между тем, нарастала. Как в болоте хлюпала кровь под спиной. И было очень-преочень жаль, что всё заканчивается именно сейчас, когда столько начато. Как назло, пришла гениальная мысль, а не стоит ли ретранслятор, который он вечером собирал, размножить и выстроить в цепь... но он и эту мысль сформулировать не сумел, так как кусты затряслись, и Саша увидел над собой дурацкую рыжую морду.

– Гу-гу-гу-гу, – радостно произнёс триставоз, и Саша понял, что всё это время гудел не ветер, а его голова.

Он попытался ответить, но парень со смехом отмахнулся, достал жгут, поковырялся возле оторванной ноги и исчез... (Саша уже думал, что «-», именно «-» – настолько оступел от беспомощности) ...а потом появился с напарником.

На носилки кидали, в общем-то, осторожно, но он всё равно к китайцу сгонял и очнулся только в кузове вибрирующей «буханки». Ремень обнимал грудь, прижимая вместе с носилками к полу, а машина по кочкам неслась, и раненая нога при каждом толчке подлетала.

Пока летела – было ещё ничего... Но вот когда приземлялась... О, Боже!.. Ну что это был за кайф!..

Саша словно из детского сада попал на пятый курс боли. И то, что правая нога, пусть и ломаная-переломанная, оказалась в наличии, крайне сомнительно радовало его.

Сознание же, подлая штучка, больше не отключалось, словно какой-то контактик запал. И он, конечно, покрикивал. Рыжий сочувственно оглядывался через спинку сиденья, о чём-то споря с водилой. А о чём, Саша понял только когда закончилась тряска, и они выпрыгнули на асфальт. Буханка остановилась, рыжий перебрался в транспортный отсек и сделал ему укол. Сгустился счастливый туман, и остаток пути Саша провёл в приятной погоне за какой-то ещё одной, ещё одной, да, очень милой и одной, но постоянно ускользающей мыслью.

* * *

Ехали долго, а когда остановились и его понесли, Саша увидел вполне себе колхозную, в белой штукатурке, с голубыми рамами и шиферной крышей больничку. В палисаде, окружённом низкой оградой, чахли голые деревца, алел ранний мак, а из чернозёма доверчиво резалась травка. И сразу как-то спокойно стало: отрежут её нахрен, и всё. Протез его работе был совсем не помеха, а за время поездки укол отпустил, и он с любовной грустью вспоминал рыхлые жёлтые складки...

Однако, облегчение осталось в мечтах. Ведь, несмотря на внешнюю идиллию, больница оказалась во власти жестокого древнего культа. И едва спасалы, не простившись, исчезли, две служительницы жадно набросились на него. Одна была старая-скрюченная, которая не понять, как носила себя, а другая, наоборот, слоновья – пальцы-сосиски, руки-стволы. И они крутили, подкидывали и толкали его так безжалостно, словно штука под названием «сочувствие» в их мире ещё не была изобретена.

Отчистив от обгоревшей одежды, его обмыли, протёрли, в общем, приготовили, как баранчика на убой, и отвезли в холодильник, чтобы выстоялся. Конечно, накрывали простынкой... Но только пока везли, она намоталась на колесо, а поправлять было долго...

И Саша лежал на каталке в центральном проходе, как, типа, такой, настоящий мужик: достоинства все наружу и посмей кто-то что-то сказать.

Впрочем, всласть повеличествовать ему не пришлось. Вскоре появился бородатый пьянчужка и потолкал каталку на МРТ. Было удивительно видеть эту белую лакированную громаду в здании с дощатыми полами и растресканной краской на стенах. С другой стороны, временность её пребывания никто не скрывал. Кабельные косы тянулись к щитку прямо по полу, так, что врачам приходилось переступать, и чувствовалось, что недешёвое волшебство в любой момент готово прыгнуть в кузов грузовика и исчезнуть.

После снимка он ещё чуть-чуть поэксгибиционировал в коридоре (медсёстры и раненые бессердечно отводили глаза, не позволяя ему удовлетворить свои комплексы), а потом проследовал на алтарь.

Там было то же: куча современной техники, а воздух и пол – в проводах. И молодой хирург с такими же, как у эмэртешника, ввалившимися от бессонницы глазами осматривал его, что-то недовольно бросая сестре. Но Саша испытывал уже не интерес, а неловкость. И не оттого, что не дал отдохнуть врачу, а оттого, что голым явился перед богиней.

Она выглядела как мусульманка, лицо под маской и колпаком, чёрные глаза умело подведены, и взгляд сверкал настолько яростно и прекрасно, что Саша на какое-то время даже о боли забыл. Он рванулся было прикрывать разнузданные тела (исключительно ради чтоб девчушка не осталась на всю жизнь потрясённой), но она, улыбнувшись, отстранила слабую руку и аккуратно укрыла его. И ему долго ещё вспоминалось это внезапное чудо: чёрные пули вонзаются, пробивая насквозь, и вдруг из тьмы, как над океаном восход, проступает забота.

– ...гу-гу-гу-вствуешь боль? – доносилось словно из-под земли.

Врач, тряся его за плечо, орал в самое ухо.

– Щу-че-чее... – Саша попытался ответить, что о да, вот теперь прямо вот чувствует, и сам же повеселился, какие кривые выползают из его раздробленных недр слова.

Этот ответ, видимо, позволил хирургу определиться насчёт ноги, но сначала тот резкими и точными движениями стал что-то доставать изо рта. Саша долго понять не мог, откуда и что там берётся, а главное почему больно-то так. Но потом, припомнив ощущение камешков в горле, сделал открытие: зубы! И он честно пытался считать, сколько раз пинцет нырнул за добычей, но так как от боли это не отвлекало, а перспектива с молодости шамкать голыми челюстями навевала тоску, то он на втором десятке и бросил.

И вообще, его поражало, что в теле ещё остаются какие-то точки, которые могут от прикосновений болеть. Он еле терпел, и начал уже беспокоиться, что если и ногу без обезбола начнут «врачевать», то он точно опозорится перед богиней. Но там, слава богу, всё-таки обкололи. И пока врач ковырялся в ноге, Саша испытывал лишь мирные чувства куска, валандаемого туда-сюда при разделке.

А бинтовал и гипсовал его опять комедийный дуэт. И он опять смиренно позволял себя мучить. После десяти лет в учебке и регулярке Саша понимал об армии всё. Она была неказистая мать, строгая, неряшливая, истерически-требовательная, и делала только самое необходимое, чтобы он продолжал ей служить. Личные чувства при этом оставались на его попечение, и переживать по этому поводу он даже не думал. Что он выжил – в этом сомнения не было, а что до боли, то об избавлении от неё он мечтал разве что в качестве улыбочивой детской сказки, представляя, как кто-то человеческий делает ему укол не в горящую и сверлящую всё тело ногу, а прямиком в измученный мозг.

* * *

Когда бородатый привёз Сашу в палату, перекидывать его на койку помогал один из пациентов, худой черноволосый и усатый казак.

Этот-то действовал бережно, понимая, что у тела внутри, и когда труповоз вышел, Саша поблагодарил его взмахом рабочей руки.

– Как звать то? – спросил казак.

(Ещё гудело, но Саша мог уже слышать.)

– Фа-фа... – выдавилось что-то вроде такого.

– Держись, Санёк! Починят! Ща машину пригонят и пойдёшь по потоку. А ты чё?

– Ми-на...

– Чё, прилёт? Ну ты счастливый! Всё на месте... Обычно без рук – без ног. Откуда сам?

– Да Лёнь, не приставай к человеку. – Его прервал полный смешливый пациент, сидевший на койке. – Дай поспать – еле мелет.

И они продолжили между собой, про что кому отрывало, про ангела хранителя, который не Дед Мороз... А Саша думал о пацанах и о маме: телефон и документы сгорели в машине, и он для них, очевидно, в потерях попал.

От мечтаний его отвлекла санитарка, короткая и толстая тётка с волчьим лицом. Она толстела не вперёд, а вширь, и на широко посаженных ногах передвигалась как тумбочка. Сев на табуретку, она стала опрашивать, кто он, что, как, но вдруг заметив,

что голый, заругалась и вышла, кинув планшет с анкетами ему на живот.

Через минуту прибыли бэушные армейские трусняки, как положено жёлто-коричневые, и не менее страшная майка, и она принялась натягивать на него «камуфляж». Но пациент оказался тяжеловат, и отзывчивый казак снова пришёл на помощь. Вдвоём дело пошло быстрее, и не в одевании только. Уже накрывая Сашу, она склонилась над ним, а казак властно сжал её толстый зад. И Саше стало противно и стыдно, во-первых оттого, что толстый сосед одобрительно засмеялся, а ещё больше, что тёткино оскаленное лицо выразило не недовольство, а какой-то воистину волчий, голодный восторг.

– Чего тебе?

Она спросила, собравшись уже уходить. («Разговора» не получилось, и Саша кое-как сам накарябал про себя.)

Он уколом показал на живот.

– Болит? А... Ща, терпим, приду.

Она вышла, и Саша лежал... лежал, лежал... чувствуя, как сверло ноги ритмично и с каждым ударом сердца всё глубже вгрызается в тело. И не испытал уже никаких чувств, когда она вернулась со шприцем и долго, секунду-пять-десять готовилась сделать укол.

* * *

Он очнулся. В палате было солнечно-пусто.

Из открытой форточки доносился запах весны.

«Валь! Валь! Да подожди, ты, корова!..», – кричала мирным голосом женщина.

Проезжали машины, дребезжали велосипеды, слышался детский визг.

Голова ещё побаливала, но слух уже возвратился к нему. Дышалось легко и просторно, и сознание наполнял тёплый покой. Если бы не боль, режущая в ноге и саднящая в боку, плече и челюсти, и не вид мумифицированного бинтами тела, то это можно было бы даже счастьем назвать.

– А! Ожил! – Завопил казак, входя в помещение. От него тянуло табаком, и он сыто ковырял во рту зубочисткой. – Товсь! Ща поедешь! Колымага пришла!

И правда, в палату ввалились два пацана с носилками. Оба накачанные, в зелёных футболках и с жетонами на цепочках, морпехи супостата, ни дать, ни взять. Тумбочка сопровождала их (она, видимо, отвечала за документы), и, хозяйственно сорвав с Саши одеяло, всунула файл с документами ему промеж ляжек. Саша и не подумал, что так, в трусах и майке может про-

делать весь путь, зато она в последний момент сообразила, засуетилась, остановила отгрузку и, сходяв куда-то, принесла стиральную-перестиральную, сложенную квадратиком простыню.

– Накройте! – сказала злобно-благодарительно. – Умёрзнет...

Сашу и эта неожиданная забота обрадовала, и он увлечённо расправлял хрупкую ткань, пока его несли и ставили в кузов.

В ЗИЛе было, как в банке со шпротами, от носилок некуда было ступить. Несколько раненых, мумифицированных ещё больше его, молчали, видимо навещая счастливое царство, один тяжёлый – он весь обгорел, и на чёрные струпья было больно смотреть – непрерывно стонал, а последний оказался абсолютно здоровым. Едва тронулись, он встал и подсел к сопровождающей их санитарке.

Разглядев её, Саша в первый миг отвёл смущённо глаза. Это была красавица, каких он прежде видел лишь в интернете. С детского-нежным лицом, высокая и подтянутая, с упругой грудью, для которой камуфляжка была мала, она какую позу ни принимала – выглядела, как фотомоделё. А когда сняла каску, и на грудь упала толстая русая коса, то Саша и вообще почувствовал себя статистом на съёмках голливудского мега-блокбастера.

– Ты откуда, милая?

Нежно, по-отечески спросил «здоровый» пациент за него.

Девушка стала объяснять, что из мединститута и что не могла, мол, иначе – Саша уже достаточно насмотрелся таких. Сидя на скамье рядом с тяжёлым, она тихонечко поглаживала того по плечу, единственному необожжённому месту. Подбородок у неё был поджат, губы напряжены и, заглянув в глаза, Саша увидел, что она чуть не плачет.

Захотелось её поддержать, мол, дело житейское, все знали, куда идут, но его снова опередил «здоровый»:

– Чудо ты моё! – Тот легонько обнял её. – Выгнал бы я тебя... Но служи! Служи, раз пришла. Спасибо! А с ним что? (Он кивнул на стонущего.)

– Танкист.

– А... А я по второму кругу, – и солдат рассказал про осколок у сердца, который решил побродить.

– Так, а зачем вы назад то вернулись? – удивлённо воскликнула девушка, и Саша почувствовал, что она мыслит, как хозяйка: надо чтобы использованная упаковка отправлялась в ведро.

– Всё – древние укры... – Загадочно ответил солдат, а потом пояснил: – Самобытная, гордая нация! Мать и жена у меня в четырнадцатом ехали к тётке под Доброполье, но с тёть Клавой не встретились. Расстреляли, как пособников терроризма. А в животике у жены ребёночек был. Так что теперь, пока эта

«нация» существует, у меня других дел как бы и нету... А ты что, недавно?

Он сказал это ещё нежнее, заметив, что у девушки лицо всё в слезах.

– Месяц...

– И не привыкай... Твоих слёз нет лучше лекарства.

Она всхлипнула.

Покачивало, в кузове был полумрак, и Саша вскоре задремал под заунывные стоны танкиста, мечтая о счастье того, кого красавица выберет на гражданке. А проснулся уже в аэропорту, когда начали выгружать.

Шумели вертушки, лязгали тележки с боеприпасами, и с рёвом пронеслись штурмовики. Тяжёлого тут же увезли, а их кинули прямо на бетонку, и они лежали, закрученные в бинты, как пирожки на прилавке: бери не хочу.

Небо было чудесное: глубокое, синее, в светлой дымке и инерционных следах истребителей, и Саша любовался, придерживая от ветра папку с документами и простыню. Бетон не сильно прогрелся, и простынка не то чтоб спасала от холода, но...

Громыхнуло.

– О хреначат! – Сказал «здоровый», он прогуливался вблизи. – Ты говоришь?

– У-у... – промычал Саша. Челюсть тётки забинтовали добротно, и двигать он только губами мог.

– Поня-ятно! – засмеялся солдат. – Чё, осколки?

– Ми-на...

– А!.. Повезло! У меня братишку, Толстяка У, не слышал, не? расхреначило миной нахрен. Руки за пятьдесят метров нёс. А то эти, б... ..ки теперь эфпэвэшками стали мочить. Надрючились, бля, игроманы. Хорошая игра, да? Гранатой в бегущего попадают! И это на такой-то скорости, ты прикинь! Вот это прям страх-страх. Я пока привыкнуть не могу. Ну и чё? Как те больничка? Меня там неделю проелозили: блядовник – страх. Ну, а чё? У мужиков по ляму на карточке, а этим жрать нечего. Я б... еле отбился, прикинь? Коза эта говорит: не нравлюсь, так у минэ племяшечко исць, и фотку показывает. Тьфу!

Саша жестом попросил прикурить. Уже года два как он эту пагубную привычку оставил, но решил, что по такому случаю можно и исключение допустить. Дым вошёл легко, голова закружилась, и он полетел куда-то вниз, удаляясь от кружащего в вечернем небе орла, и приближаясь к мысли, отрежут всё-таки или нет повреждённую ногу.

О том, что с ним будет, ему никто не сказал.

К рейсу бедолаг накопилось ещё, и в вертолёт их загрузили вдоль-вдоль-поперёк, словно тетрис. Об ухо нежно постукивал чей-то ботинок, люди на носилках лежали живописно, кто скрючившись, кто на животе, а кто на спине. И чувство беспомощности, став каким-то объединяюще-общим, уже не удручало, а скорей даже начало развлекать.

Устроившись на полу ближе к выходу, гомонили ходячие «легачи». Шутили, делили «контузные» деньги, орали байки, как кому повезло. Саша с радостью бы и сам поучаствовал в их веселье: среди своих он чувствовал себя уютно, вот точь-в-точь как до взрыва, с утра. Но «мишка» выла, как и должен выть вертолёт, а сам он мог издавать лишь слабые шепелявые звуки. Да и раненая половина так растряслась, что даже улыбка стала вызывать у него боль. И он, попытавшись заговорить с ближним солдатом без руки и обеих ног (но тот чёрен был от страдания и никого рядом не замечал), промолчал всё время пути.

По прибытии их быстро рассортировали, и Саше выпал ростовский военный госпиталь, типа, самый крутой. Он тут же успокоился по поводу лечения и с интересом подглядывал в щель занавески, пока его везли сквозь ночной город на «скорой». В Ростове ему бывать не приходилось, а раздетые девочки, все как одна красавицы и без комплексов, валили стеной.

Но оказалось, что он расслабился рано. Что он именно «груз», Саша окончательно осознал, когда его на несколько часов оставили в приёмном покое без укола, утки и даже воды. Да и потом, оформляя, кантовали, как и везде: без любого понимания о чём-то мыслящем под обёртками. Приходилось терпеть. Ведь поток оказался настолько велик, что система имела право работать как угодно, лишь бы не терялся никто.

Что раненых много, очень много, он понял, путешествуя на каталке по этажам. Были полны палаты и коридоры, отовсюду слышались стоны, бродили люди без рук и без ног. Пока был на передовой, привык, что из полка каждую неделю трёхсотятся один или два человечка, и это воспринималось как норма, рабочий момент. Медслужба ведь и впрямь работала как поток: микросхема получала сигналы на входы и каждый направляла в нужный канал. Но когда он увидел схему всю целиком (достаточно оказалось прикинуть число полков и умножить на два), восприятие переменялось. Масштабы впечатлили, а понятое оказалось настолько грустным и неинтересным, что захотелось переклеститься на что-нибудь поскорей.

Оформление закончилось только под утро. Крайний доктор, молодой полный парниша с каким-то до приторности добрым лицом, прежде чем утвердить диагноз с дотошностью следователя

уточнял каждый пункт, так что даже создалось впечатление, что он не сильно то верит в ранение, желая доказать, что замотанный человек перед ним – дезертир и подлец.

– Ага! Так вы рассчитываете на компенсацию? – Радостно он уцепился за очередной Сашин мык. – Ну вот как хорошо! «Повоевал», а теперь деняк подыму! Да? Герой, герой!

Поведение врача показалось Саше настолько странным, что он даже не придумал, что возразить. Да, впрочем, и сил уже не было. Вспышки последних суток: взрыв и «буханка», больничка и бетонка, ампутанты на улицах и раздетые девчонки на этажах, а главное – боль, боль, боль, боль, сплелись в его сознании в настолько тугой полыхающий шарик, что утешение он испытал только когда его, наконец, переложили на кровать в коридоре, и по телу пошёл холодный поток укола.

* * *

Койка была рядом с толчком, и мимо постоянно ходили. Больные набивались в сортир покурить, а санитарки их нещадно гоняли. И когда Саша не спал, то слушал либо бабьи визги, либо мужские оры из-за двери.

Жаловались на снабжение питанием и амуницией, что от консервов пробирает понос, ругались на артиллерию без стволов и на десантные бригады без танков. Рассказывали про переправы на смерть и адскую тупизну руководства. Поддерживали Попова с Пригожиным, которые бились за них, а штабных жиробаев честили по именам, желая им скорейшей встречи с противником. Всё это Саша и раньше знал, относясь предельно спокойно: ну, мало ли, кому какая выпала мать. Но в сочетании с увиденным всё-таки действие возымело. И неуютное чувство, будто голого выставили на мороз, стало беспокоить его.

К счастью, отвлекаться было на что. Боль всё как-то не отступала, а вдобавок к ней появилось постоянное чувство голода. Ведь он есть местную пищу не мог: больным полагалось что-то вроде борщ-макароны-котлета, а установленная на челюсть скоба позволяла разве что спагеттину в рот пропихнуть. И, как давно уж мечтал, он наверняка бы избавился от вывалившего на гражданке пузана, но сёстры милосердия помешали ему.

Одетые в дореволюционного покроя сестринскую форму, они казались не от мира сего. Улыбались, смотрели тепло, и терпели, когда штатные санитарки перекладывали на них самую неприятную работу, вроде разгрузки или отмывания тошноты. На них держалась вся бытовая жизнь. Ни бритв, ни одежды, ни пледов, ни даже питьевой воды в госпитале не хватало. Да что там: утку подать, не случись их, и то порой было некому. Вот они-то и стали приносить специально для него приготовленные

бульоны, кормили через трубочку, переодели, сменив стрёмные трусы и майку на новенькие, из упаковки, и даже кололи промедол, так как у местных были в достатке лишь димедроловые таблетки, словно устав запрещал прооперированным испытывать сильную боль.

А особенно ему запомнился случай с письмом. Как-то под вечер одна из сестёр, Евгения Дмитриевна, пожилая полная женщина с грустным взглядом из-за очков и морщинами от глаз до улыбки, присела на край койки и мягко, усыпляюще прочитала:

«Здравствуй, солдат! Я Тимур. Мой папа тоже на войне, и я хочу тебе сказать большое спасибо. Я желаю тебе успеха, и очень хочу, чтобы ты вернулся домой. У нас всё хорошо. Спасибо тебе за мирное небо. Отправляю рисунок, который нарисовал мой младший брат Лёша. Хотелось бы, чтобы он напоминал тебе о нашей поддержке. А если вдруг встретишь папу, его позывной Лом, то покажи: вот было бы круто! Ещё раз спасибо тебе.»

Саше стало так приятно, что он чуть не всплакнул. Не то чтобы себя пожалел, но просто на общем фоне это письмо показалось ему чем-то ненастоящим, как отголосок другого мира. И когда Евгения Дмитриевна ушла, то холодное чувство усилилось, а слушая сортирные речи, он стал всё чаще задумываться, что происходит с ним, и вообще.

Через проход от него лежал контуженный, которому было скоро на выписку. Он остервенело ругался, нездорово растягивая слова, что в истории болезни ему вместо контузии записали ушиб, за который не полагалась выплата, названивал адвокату и орал на санитарок, словно это именно они были виноваты во всём.

* * *

Через три дня Сашу отправили на операцию в Военмед. Про ногу не говорили, но он сам заключил, что с ней всё не так просто. Схема была настроена по уровням, и его случай, очевидно, порог регионального госпиталя превышал. Надежда поскорей вернуться к делам подостыла.

К боли он не то что привык – от неё было просто некуда деться, укол избавлял часов на пять-шесть, и только тогда можно было вздремнуть, – а скорей и впрямь научился переключаться. И особенно ему нравилось наставлять новичков. После трёх дней он чувствовал себя дедом и разъяснял им все тонкости схемы, успокаивая и подсказывая, какой и как можно вопрос порешать. Говорил же он со своей скобой, как чёткий ковбой: сипло цедя и сквозь зубы.

Когда транспортировали через город, ощущение мирной жизни вновь удивило его. До этого были какие-то долетающие обрывки,

отвлекали неопределённость будущего и боль. А тут он ехал вполне себе трезвый. Был вечер, светили фонари. Пары гуляли за ручку, нежно обнявшись, другие пялились в экраны сутуло, кто-то вываливался из бара, чтоб покурить. Лишь изредка встречался зелёный «КамАЗ», или мелькал камуфляж. Светила реклама: банк, медклиника, и тут же: «Присоединяйся к своим». И удивляла повседневность происходящего, словно он и тысячи подобных ему были электриками, неаккуратно схватившими разряд, или слесарями, забывшими убрать вовремя руку. Было не то чтобы неприятно это наблюдать... Он действительно знал, куда идёт и зачем. А, скорей, просто грустно. Но так как эта грусть была подобна многим, к которым он привык и с которыми сжился, то как нечто существенное он её не воспринимал.

В «иллюхе» он большую часть полёта увлечённо проболтал с Тосолом, чуваком со сквозным в лёгкое, висящим возле него. Транспортный отсек был забит. Кто попроще сидели по скамьям вдоль бортов, средние побалтывались в гамаках вдоль прохода, а над тяжёлым в реанимационном отсеке колдовали врачи.

– Не-е... Я больше не пойду! – Сипел деловитый Тосол. Он был синюшный, с трудом дышал, и от взгляда на него возникало сомнение, что с ним вообще что-то будет. – Дом дострою. У меня, понимаешь, деньги на отделке закончились. Эт как всегда: смету делаешь, всё идеально, а потом начинается: сто там плюс, двести там. И сортир: я-то думал просто кольца кину, так хрен же! Одна глина оказалась, надо септик, бля, ставить, и трубу выводить...

– А я не... – Саша говорил. – Я вернусь, если ногу приделают. Ну, а чё она болтается, как сопля? Да у меня там знаешь, бля, сколько инструмента осталось? Тыщ на двести! Я как представлю, что ща с ним происходит – сердце кровью! Эти же как жуки! А-а-а... У меня у одного в полку осциллограф. А процы программировать вообще пацаны ездят с соседних фронтов. Не-е... Куплю себе комбинуху мегов на 350, тепловизоров на птички, станок BGA, принтер, конечно, и, так, по-мелочи там всего. Мне бы только с этими жлобами как-то связаться. Чтоб не растащили, пока меня нет.

– Ну вали-вали. Теперь ты учёный. А с меня всё...

Саша рассказывал ему, что узнал. В Ростове, да, оказалось, что за «правильный» диагноз требуют откат в триста тысяч, а «питерским» зато повезло: такого там нет. А Тосол в ответ научил Сашу, пусть и задним числом, как надо было решать бытовые проблемы. Оказалось, всего за пару сотен можно было обеспечить себе и хорошее место, и правильное питание, и качественный, не вызывающий отходняка обезбол. Слушая его, Саша пытался припомнить сладостно-ненавидящее лицо, но оно уже растворилось в памяти, превратившись в желтоватую жижу.

Рядом с ними был молодой парнишка с огромными резцами, позывной, конечно, Бобёр. Он изредка участвовал в разговоре, а больше молчал. На опорнике ему пробило осколком ладонь, и фельдшер месяц вешал по мобиле, что, мол, заживёт. Теперь ладонь у Бобра отсутствовала, а заражение шло наверх, и Саше хорошо запомнился его взгляд: просящий и испуганный.

* * *

Но даже Саше стало не по себе, когда он увидел это. В сравнении с провинцией, Военмед оказался настоящей столицей боли. Были сотни искорёженных тел. Паралитики на креслах и с обвисшими головами, люди без глаз, носов и лиц вообще. Были пациенты с наполовину снесёнными черепами, у которых под прозрачной каской пульсировал мозг. Ходили макаки с прыгающими ртами и пляшущими ногами, зомби с кровавыми mochebopборниками у колен. От боли люди откусывали себе языки и кидались на пол с кроватей. Они набрасывались на сестёр, бредя желанием убить. Ха! Пациенты без рук и ног теперь казались ему обычным и даже приятным зрелищем, потому, что он стал свидетелем самих рук и ног.

Лечащий врач, суровый хирург с настолько прохладным взглядом, что хотелось накинуть тулуп, после осмотра заключил, что всё предстоит переделывать. Скоба на челюсти загноилась, а при «сборке» колена, вероятно, забыли, что должен работать сустав. (Осматривая Сашу уже после операции, он хмуро сказал, что нога, скорей всего, уже никогда не будет сгибаться.) А ещё сказал, прибавив от себя кое-что неприличное, что милые доктора из Ростова потеряли его карту, как с ними случилось не раз, и больному предстоит самому её восстанавливать.

– Дядь Сань! О Боже! – Ужаснулась племянница Нина, впервые увидев его. – Как ты выжил то, Господи!?

Она училась на медика и, вроде, всё должна была знать об устройстве человеческих тел. И всё же лицо у неё было точь-в-точь как у той фотомодели из «ЗИЛа». Она даже разрыдалась, а Саша, привычный ковбой, её утешал:

– Ну, крокодил я, крокодил. (С него как раз сняли «обмотку», и бок и рука выглядели как чёрно-зелёный гуляш.) Но всё ж на месте, да? А это – херня, заживёт...

– Тебе же больно!

– Не больней, чем другим. Всего-то: дверкой ударило.

– А как тебя угораздило?

Саша был расстроен от слов хирурга, а ещё перед глазами стояла решётчатая тележка, с накинутой поверх простыней: сквозь сетку, словно просясь на свободу, просовывались скрюченные синие пальцы с дугами грязи из-под ногтей, и он решил рассказать:

– Да как... Отжал я по случаю у морпехов шесть эрпэгэшэк. А к ним гранат два ящика. Они валялись, валялись у меня, и я такой: всё, думаю, хваре, надо везти. Ну, в воскресенье и свистнул Кота, это водила наш, закинули в машину и поехали к нашим на передок.

А была у нас «Гранд Чероки», знаешь, это такая с длинным капотом. Мы её одолжили у местного одного: ну а что, сам уехал, а машинка без дела под навесом стоит. Если бы с коротким было – то всё, капец. А так – вполне, видишь, приемлемо вышло.

И, помню ещё, выезжаем уже из посёлка, а навстречу пацаны с ночного идут: дэргэшкка. Тарзан, Фагот, в общем, все. Ну, после ночи то кислые, сама понимаешь. И я их так, покровительственно, приветствую взмахом руки. (Фагот мне ещё фак показал.) Ну и вот. Первая линия километрах в пяти была. И, главное, по этому полю каждый день все ездили, значит, мину именно в ту ночь, прямо перед нами поставили. Едем, солнышко встаёт, небо синее, птички... И вдруг мир перед капотом хоп: и плавно-плавно вращаться стал. Классная картина, рекомендую. Даже испугаться не успел, вот так происходит. А очнулся уже в лесопосадке: это наши слышали и прибежали.

Водила то вылез сам. Но он тоже без ног, ползает, там, как червячок. А я внутри лежу – отдыхаю, греюсь у огня, и гранаты... Так вот они, прикинь, не испугались! Лобовуху дочистили, выкинули меня. А машина через пару минут рванула...

Нина смотрела на него сочувственным и испуганным взглядом, и выражение её лица постоянно менялось, словно она испытывала всё, что тогда испытывал он. И Саша, рассказывая, действительно отвлекался от холодного чувства, начиная верить и сам, что в случившемся и впрямь что-то необычное есть.

С кровати у противоположной стены его рассказ слушал больной со сквозным ранением в голову. У кого было учиться спокойствию, так у него: только взгляд тускло поблескивал.

В ту ночь он тихо, лишь однажды звякнув стекляшками на тумбочке, умер.

Так как пропуска в Военмед выдавали без желания, то Нина навестила его ещё только раз. (Волонтёров-то хватало и здесь, и Сашу с первого дня «приписали» к серьёзной полной девахе, которая стала таскать ему традиционные йогурты и бульон.) Но главное она всё-таки сделала: купила Саше симку, смартфон, и он продолжил прерванную переписку с производителем ретрансляторов, которого и прежде консультировал по поводу пилотной модели для подвески на дрон, и стал учить молодёжь из своей роты, как прокачивать ломкий «Азарт» и перепрошивать систему на «Мавиках». Работа затянула, и на окружающее он почти перестал обращать внимание. Он снова был нужен! Братва

снова наразрыв желала его! И тревога если и не ушла, то скрылась за шторкой. Её глухое присутствие он ощущал постоянно, но чем она была, что его волновало, этого Саша понять не мог. А, впрочем, и думать на этот счёт у него желания не было.

К тому же через неделю после операции и вообще стало лучше: Саша начал вставать. Было классно освободиться от унижительных упражнений с уткой. Правый костыль, конечно, хорошенько так мучил травмированное плечо, и бок после каждого похода ломило по часу, но всё равно это было лучше, чем подедовски поднимать потненький таз перед делающей безразличный вид женщиной.

Рядом с сортиром было незакрашенное окно, выходившее на центральную набережную, и Саша каждый раз останавливался посмотреть.

По широкой дороге непрерывно проносились машины. За гранитным парапетом сияла река. Блеск взрывался ярким пятном напротив окна и рассыпался по сторонам белыми блёстками. За рекой тянулся ряд равновысоких дворцов с рентгеновским снимком облаков, заменяющим общую крышу, а надо всем сияло громадное солнце. Вдоль парапета гуляли люди, ехали электросамокаты и велосипеды.

Шла мирная жизнь.

И, удаляясь от окна в мир криков, скрипящих каталок и гудящих ИВЛ, Саша подолгу носил в себе её отражение – отпечатавшееся на сетчатке пятно.

* * *

– Ты мобик? – первым делом спросил его Корень, суровый инвалид без ладони и стопы, когда Сашу недели через три перевели долёживать в морской госпиталь.

– Не-е... Добро-вол...

Палата находилась на третьем этаже, а в госпитале с восемнадцатого века лифтов как-то не появилось, и, запыхавшись, он говорил, как школьник, которого поймали за беготнёй.

Корень продолжил расспрашивать, и Саша, устраиваясь на койке у окна, рассказал о своих хлопотах при «трудоустройстве». Штат десантного батальона был полностью укомплектован мобиками, и ему пришлось подключать старые связи на флоте и даже покупать коньяк для полковника, чтобы его зачислили в роту связи. Корень и другие внимательно слушали. Первый по своим причинам, а остальные потому, что было невыносимо скучно, и развлечению каждый был рад.

– Ценю, Санёк! – Подытожил Корень, когда Саша закончил. – Без личной мотивации армия не будет нормально воевать.

– Ты, вон, «сраненного» спроси, будет, или не будет! – Раздражённо подхватил сорокалетний бородач, лежащий у входа. – Дим, ты прятался под кустом, или в атаку шёл?

– Шёл, конечно, – сказал молодой пацан, лежащий на животе и играющий в телефон. (Саша потом узнал, что осколком ему перебило какой-то нерв, отвечающий за сфинктер, и он не мог сходить по большому без шланга.)

– А хотел?

– А кто меня спрашивал? У меня же контракт!

– Во-во! Армия – это дисциплина, и срать ей на всю вашу мотивацию. Переварить и срать!

– Не... В бой-то хорошо, – обиженно сказал Дима. – А вот в подвале сидеть месяц – вот это жёсть. Ничего не делаешь, и только ждёшь, прилетит – не прилетит, засекут – не засекут. С катух двинуться можно.

– И жрать нечего... – Это уже другой пацан сказал, Сашин сосед. Его звали Костя-Кокос, и он уже в третий раз приезжал из Владика на цементирование пяточной кости. – Мы первые два месяца вообще не понятно, как выживали. Собаку уже думали съесть. Макароны, бля, и тушёнка. И то хрен приготовишь – тепловизоры везде. А зато к Новому году! Как гумки-то привалило! Мамочки! Да я столько шоколада в жизни не жрал.

– Шоколад! – Бородатый прервал и его. – Тебя как болонку конфетами кормят, а ты рад. Они ж там вообще ничего не понимают! Говорят, «помоги», они и отделиваются чем придётся. Думают, положили носок – и свободны. А я в одних и тех же трусах полтора месяца проходил, пока из дома прислали. Эта ваша «мотивированная» армия мне даже бронник не догадалась купить – спасибо укропы помогли. Как можно выиграть замес, если всем руководят идиоты?!

Саша слушал с интересом. Нет, нового не было здесь: ну, мало ли на что люди жалуются, вон, в «Пятёрочке» иногда продают просрочку. И всё-таки чувствовалось какое-то давнее напряжение между старшими, Корнем и Бородой. Казалось, оно обязательно чем-то закончится, причём, чем-то более существенным, чем визги санитарок, разгоняющих всех по местам. Однако, Корень хмуро молчал, и ругался один Борода. Пацаны пытались, конечно, ему возражать, но без энтузиазма и неумело.

– Ну а что начальство? – Проговорил Дима. – Слышь, Кокос, у тебя нормальный начбат был?

– Да, нормальный. С нами в штурма ходил.

– А у нас был идиот! – Загрохотал Борода. – Винокуров, слышали? Каждый день построение проводил в одном и том же месте, в одно и то же время. И однажды бац – ракета. Минус двадцать пять. А эта сука как раз в тот день «опоздала». А потом (а его не сняли, заметь, хотя скандал на все интернеты был!) этот

великий стратег целую колонну под Орехов типа в атаку направил. Пиндосы головную машину «бац», заднюю «бац» и весь мой взвод, как мух на окне перебили. Тут-то, конечно, дошло, но...

Оказалось, что Борода сам был в этой колонне. Он потерял половину пацанов, а самого напшиговало осколками: ранило в ноги, живот. С мужской жизнью для него было всё, и Саша, узнав это, понял, отчего тот так обижен и стал нормально воспринимать его чувства.

Корень с Бородой «жили» в палате давно. А Кокос и Почта, как и Саша, поступили только на днях. И споры с возмущённым бойцом у них по-первости возникали почти каждый час. Благо, «Россия» постоянно была включена и пицци для разговоров хватало.

Борода был больше чем обижен – его от злобы трясло. Говорил об отсутствии полевой медицины, о сотнях тысяч на экипировку, о недостатке снарядов и медленной работе арты, когда каждый удар надо через штаб согласовывать. Его бесило, когда на экране появлялись холёные министры, заявляющие о «достижении целей», а больше всего – он начинал плевать слюной – когда возникал армейский пресс-атташе.

– Да какая «Акация»! Какая «Д-30»! – Он орал. – У нас, бля, снарядов разрывных в полку не осталось, и стволы все кривые, плюс-минус двести бьют. Он бы ещё про «бабы Яги» говорил! Восемь тысяч танков! Да у них и десятой доли не было! Во всей Европе, бля, столько не было!

– Ну, они же ремонтируют... – пытался ему возражать Кокос. Но быстро сникал под напором: Борода и по возрасту, и по званию был старше его.

В палате не проходило тяжёлое напряжение, как перед боем.

– Да ты погляди! Глаза то раскрой! Это же их война! Капиталисты газ делят. А ты в больничке лежишь – даром, что не в гробу. Ты хоть одного то «сынка» на фронте видал? Чего они своих детей не отправят на войну? Он бы про это сказал! А то: «пять ракет Хаймарс». Да остальные-то три – в цель попали! У тех – за свободу война, вот кто мотивированный так мотивированный. Вон, у нас, двадцать человек зимой всю ночь по полю ползли, ворвались в опорник и половину наших перерезали, а кого не успели – на их же плечах в окопы ворвались, итог: прорыв. А у тебя что? За что ты воюешь, а? За «Северный поток»? За «мирную жизнь»? Тебе укол нормально сделать не могут, а этого в пятый раз лечат – не вылечат. Ты сам то понимаешь, что это за «цели» такие, из-за которых надо бомбить города? Ну давай, Корень! Чего молчишь? Просвещай!

Но Корень молчал, а через пару-тройку дней затихли и молодые. И Саша стал сомневаться, что что-то произойдёт. Обраща-

лись с ним здесь, действительно, как и везде. Кормили волонтеры, одели его сами же больные, скинув каждый, кто кофту, а кто штаны. Лечащий врач не знал даже, из какого материала ему установили пластину, и едва не взорвал колено по новой, отправив Сашу на МРТ. И, конечно, Саше, как и другим, много чего не нравилось. И всё-таки он слова Бороды отторгал, чувствуя в этом близость с другими: тот говорил что-то не то, но что именно, никто объяснить не мог.

Может, начини он сам спорить, Саша постепенно бы и открыл. Но в споры он не вступал. Сначала как новенький, потом оттого, что признал за Бородой право злиться, а потом и просто оттого, что стеснялся что-то ему возразить. И если бы Корень однажды всё-таки не ответил, то холод, возможно, так бы и остался с ним навсегда.

— ...да потому, что никакой идеи нет! — Гремел в очередной раз Борода, а все напряжённо молчали. — Деньги, деньги все зарабатывают. Те платят — а ты получаешь. Если повезёт — богатым вернёшься и за два месяца всё просрёшь, а если не повезёт, то либо в землю, либо в инвалидку до конца. А всем же пофиг! Ты понимаешь, пофиг! Вон, канал переключи: Бузова и Галустян. У них же один Тик-ток в голове! Бабу пообжимать в кинотеатре, да в кабаке пива пожрать. А ты за них корячишься. За что ты корячишься? За какую такую идею? Что за цели то такие, о которых не знает никто!

— Фашистов подчистить, — затравленно оглянувшись на других, выдавил Кокос.

— Фашистов? Да ты что, не понимаешь, что это русские убивают русских. В эфире только русская речь! Сражаются Васильев и Иванов против Петрова и Сидорова! Ты понимаешь это вообще? Они же собирают русскоязычных по всей стране и отправляют на убой. А ты кнопку жмёшь! Ты на них работаешь, понимаешь, на них! У меня там двоюродный брат погиб! Может, я убил собственного брата...

— А сколько раз это было? — Неожиданно произнёс Корень. Саша уже узнал, что его история была точно, как у того «здорового» солдата из «ЗиЛа»: четырнадцатый год, жена, дочь и сын, и спокойная уверенность, с которой этот человек говорил, что «подлечат, и снова на фронт», наполняла его тихие слова особым звучанием. — Что, впервые русские убивают русских?

— Но мы же под их дудку пляшем! Это они всё устроили! Им совершенно фиолетово, кто победит. Пока война — на оружии зарабатывают, кончится — на строительстве будут.

— Те, кто это устроил, заплатят за всё... А вы, ребят, его не слушайте. Колян имеет право так говорить, но он не прав. Вот ты, Дим, когда по гражданке жил, часто думал о Горловке или Донецке? Вспоминал, что в нас каждый день там стреляют? Во-

во... Точно так же думал о том, где бабок поднять, и как тёлочку прищепить покрасивей. Потому, что это и есть – мирная жизнь. Какая есть, ребят. И мы за неё, такую как есть, и воюем. С капиталистами, с газом, с Тик-током. И про трусы тоже не надо. Я восемь лет на войне, и всё это время почти каждый день посылки. То еда, то экипировка, а то письмо. Вы ж сами знаете. Да, машина работает не без сбоев, и да, полно мудаков. Но раз мы побеждаем, значит честных значительно больше...

– Первый канал! – Застонал Борода. – Да как побеждаем то?! В окопах сидим – побеждаем?

– Ну, ты ж знаешь всё, Коль – с улыбкой ответил Корень. – Мы сражаемся против врага, который нас в двадцать раз сильнее. И то, что ему не удалось нас сломить – это и есть победа. Представляете, как они там себя чувствуют? Санкции, спорт, пропаганда, отмена – а мы живём и радуемся, и хоть бы хны.

– Потому, что «дело наше правое»?

Корень кивнул.

– Нет никакой идеи! – Раздражённо продолжил Борода. – Это у тебя – кровная месть. А все остальные деньги зарабатывают и только...

Но их прервали. К Саше пришли посетители – бывшая одноклассница, которая давно переехала в Питер, и её муж.

Девчонка явно ошиблась адресом. Пришла разряженная и испугавшись в духах. Крутя попкой, обтянутой в джинсы, она разыгрывала роль милашки-наивняшки в общении с ранеными, и обходила взглядом обезображенные конечности Корня, когда он любезничал с ней, и не заметила, как раздражённый Борода, ударив дверь, выскочил из палаты. А муж, наоборот, был излишне скорбен. Видимо, начитавшись ужасов про войну, он считал всех присутствующих страдальцами и несколько раз повторил: «вы герои, ребята!», будто это могло кого-нибудь поддержать.

– Вы видели, видели!? – Когда они ушли, вопил с восхищением Почта. – У неё под рубашкой вообще ничего! Во, бесстыжая! Во, бесстыжая!

* * *

Хотя Корень больше в спор не вступал, напряжение ушло как по щелчку пальцев.

Парни повеселели, стали подшучивать над Бородой.

И если голод и боль Саша ещё ощущал, то холодное чувство исчезло. Борода и ему стал казаться странным: будто не здоров, заиклен, и не хочет видеть всё целиком. А, глядя из окна на редких в этом районе людей, Саша стал воспринимать их точь-

в-точь, как и раньше: ну, а что, любой думает, глядя, как по улице люди идут?

Абсолютно же чудесным всё стало ещё через пару дней, когда он впервые выбрался в город. Оказалось, что в госпитале с режимом значительно проще, и дежурный врач не только посетителям, но и больным по первому требованию выдаёт пропуски. Он тут же использовал эту опцию, позвонил Славе (так мужа одноклассницы звали), и договорился с ним встретиться у проходной.

Было тепло и спокойно. Ветерок мёл вдоль тротуара мелкую пыль. Начёсывала брюхо валяющаяся возле двери дворняга. Вдыхая лиственной запах мая и подставляя лицо лучам, Саша улыбался, как ребёнок, который в обход родительского контроля запрещёнку скачал.

Подрулила блестящая «Ауди», выскочил Слава, оббежал и распахнул дверь. Саша был в выцветшей флиске, в мятых камуфляжных штанах и одной шлёпке на голую ногу (это так братва пошутила, одевая его: «Нафига тебе два»). И, ковыляя к двери, а потом устраниваясь с костылями на шикарном кожаном кресле, он ощущал себя как губернатор инкогнито, решивший сделать городу тайный обход.

Слава был предупредительно-напряжён, и всё пытал о военном быте. А Саша с удовольствием травил новому слушателю байки, которые уже и сам успел полюбить. Про красивый пейзаж с Ка-52, лежащим на поле, как котик, отдохнувший прилечь. Про эксперименты доморощенных Эдисонов, у которых была дикая куча зарядов для «Града», а установки – нет, и они сами сварили пусковую, но настолько тяжёлую, что потом её оказалось не развернуть. Про минные поля на сотни километров, о которых никто не знает, потому, что карт нет, и про то, что укропы свои уже снимали и вот-вот в атаку пойдут.

Парень внимательно слушал, переживая из-за всякой неорганизованности, и кипятился, как Борода. А Саша не понимал. Глядя на гуляющих по проспектам красоток, он радовался мирному чувству, греющему его изнутри.

У салона связи в ряд стояли торговцы, продающие с земли жалкий товар. Бабушки с цветами, соленьями и чесноком, черномазые с носками и сумками. Выковыривая себя из машины, Саша заметил их взгляды: у бабулек сочувственные, у тех – насмешливые, и застеснялся своего внешнего вида, словно он к чему-то их принуждал. Но продавец в салоне обращался с ним совершенно буднично, словно не замечал, что клиент в камуфляже, с загипсованной ногой и скобой на зубах. И в банке, где он получал перевыпущенную карточку, никто не уделил ему повышенного внимания. То же самое было и в кавказском ресторане, где Саша цедил с края ложки харчо, ел измельчённое вилкой лобио и, впервые за месяца, наверное, три пил ароматнейшее пиво, от

которого чудесно свербело в носу. И то, что его особо не замечают, прямо-таки восхитило его. Он словно бы на несколько часов вернулся к довоенному быту и теперь наслаждался от узнавания всех глупеньких его мелочей.

Чтобы продлить это прекрасное чувство, он напросился на прогулку по центру, и Слава, тут же согласившись, повёз.

На площади перед Исаакием былолюдно. От Невы задувал ветерок. Солнце склонялось к закату, и небо в ярко-жёлтой дымке полыхало во всю ширину. Цвела сирень и блестел идеальный газон цвета салата.

Саша сидел на скамейке и со счастливой улыбкой смотрел.

На аллее фотографировались, принимая эффектные позы, девочки. Одна была особенно милой, с красивым дерзким лицом, в развевающихся на ветру шароварах, и Саша ей подмигнул. Настырный рекламщик приставал посекундно ко всем, приглашая прокатиться на лодке. Запыхавшийся потный велосипедист отдыхал на соседней скамье. А чуть поодаль орал в трубку кто-то до крайности раздражённый: «Да как ты меня достала!».

Шумели машины, кружился шум голосов и шагов...

Слава принёс свежесваренный кофе из автолавки, и Саша, глотнув горячее, понял, что и точно в раю.

– У-у-у... Я восемь месяцев такого не пил, – он процедил с наслаждением. И тут же соседка, суетливая рыжеволосая с проседью дамочка, подключилась к нему:

– Я вижу, вы военный? – Сказала она. – Этот год – испытание наших сил. У меня двадцать третьего числа ... – Она значительно помолчала, – ...на потолке образовалась протечка в форме орла, вонзающего когти в змею. И не уходит до сих пор. Но мы то знаем, когда... Мы то знаем... Надо вытерпеть первый удар, и тогда крылья воспрянут. Вы – сумеете вытерпеть этот удар?

– Ну... – Саша засмеялся. – Вообще, наша бригада на первой линии находится. И у нас как раз задача – удержать силы противника, если будет главный удар. А дальше всё просто: если успеют наши занять вторую и третью линии, тогда, конечно, хохлы не пройдут. Ну а если не успеют...

– Вот-вот, вот-вот... – Рыжая коснулась его руки. – Есть определённые сочетания, которые могут показать и это, и то, что будет. Жаль, многие не понимают, но Главная Книга чётко говорит, что «народ, возомнивший себя мессией...»

– Да о чём вы говорите! – Воскликнула с раздражением другая пожилая женщина, сидевшая от Саши через неё. У этой было обрюзгшее и как бы злобное лицо, но Саша почему-то понимал, что она нервничает, скорее, от доброты, потерявшей границы. – Человек с ранением! Прибыл с фронта! А вы какую-то сумасбродную чушь несёте.

– И тем не менее так. – Не обращая на ту внимания, и даже наоборот, как бы находя в этом подтверждение своим словам, продолжила рыжеволосая. – Великое стояние планет бывает только в годы великих переломов...

– Так, а как так-то? – Вмешался явно занерничавший Слава. – Почему первую линию не подготовить хорошо?

– Фронт-то какой! – Пояснил Саша. – Только так. Выявить, и собрать силы.

– Так что, кто на первой линии – тот в расход?

– Вы герой! – Вдруг вскочила злобно-добрая женщина и подбежала к нему. – Позвольте пожать Вашу руку и пожелать Вам всего наилучшего.

Пожимая Сашину руку, она с вызовом посмотрела на «странную», готовая ответить ей, если что.

– Пойдём, может быть? – Забеспокоился Слава. – У тебя увольнение до сколько?

Невдалеке девушка в стильных брюках, красиво облегающих попу, флиртвала с парнем в дорогом пиджаке. У клумбы папа носился за визжащим ребёнком, изображая веселье, но явно думая о чём-то другом.

– Да не, нормально... – Сказал Саша. – Кофе ща допью, и поедем... – И мечтательно добавил: – Ведь хотел же специально приехать в Питер и на велике покататься. Вот чего не собрался?..

– А я вам скажу!.. – Тут же глубокомысленно ответила «странная». – Человек не всегда осознаёт, но отголоски прошлой жизни...

– Слушайте, да идите вы! – Вскипела другая, и между ними вспыхнул спор, насмешливый с одной стороны, и истеричный с другой.

Саша слушал их с удовольствием, не обращая внимания на спутника, который совсем занервничал и даже встал, чтоб его увести. Он глотал ароматную горячую жидкость и утопал в чувстве спокойствия, спеленавшего видом неба, запахом кофе и свежей травы. Для него самого чьим-то чуждым рассказом представляли воспоминания о размолотых в крошку посёлках, о запахе солярки, скрипе дощатых нар в блиндаже, где вечный холод и шипение окопной свечи, о свисте снаряда и быстрой мысли «сейчас». И, наблюдая, как красиво одетые люди стоят на светофоре, все как один опустив головы в телефон, как одна машина подрезает другую с раздражённым сигналом, как, цокоча, проезжает карета, везущая чопорных седоков, он чувствовал лишь эти спокойствие и отстранение, не думая ни о том, что ему пришлось пройти за время лечения, ни о том, что с ним происходит теперь, ни о том, что будет очень и очень вскоре, когда он выпишется из госпиталя, кинет пожитки на полку и усядется у окна в плацкартном вагоне, возвращаясь к своим пацанам.

ИЛЬЯ ЧЕСНОКОВ

Родился в г. Чимкенте, в Казахстане. В 90-е годы публиковался в чимкентской прессе: «Своя газета», «Элитар», «Спутник молодёжи». В 2000 году переехал с семьёй в Россию, в г. Белгород. В 2020 году стал многократным призёром конкурса «Крылья Победы» как автор стихотворений на тему Великой Победы. Пишет стихотворения, басни, афоризмы, миниатюры и рассказы. Публиковался в белгородской периодической печати и в литературных журналах «Ротонда», «Земляки», «Север», «Молоко», «Пять стихий», «Парус», «Александръ», «Северо-Муйские огни», «Эдита», «Южная звезда», «Родная Кубань», «Приокские зори», «Дрон», «Традиции и авангард», «Кольцо А» и мн. др. Работает преподавателем в ОГАПОУ «Белгородский педагогический колледж».

ЛЁША И ПУШКИН

Понедельник. Настроение, как в понедельник. Я ехал домой после очередного собрания. Столько времени коту под хвост! Автобус, лениво отталкиваясь от остановок и покачиваясь с боку на бок, шёл своим ходом. Лучи вечернего солнца проникали сквозь пыльные стёкла автобуса, накладывая на пассажиров золотистые полосы света. Я попытался отвлечься, читая новости. На очередной остановке зашли люди и заняли свободные места.

В последнее мгновение перед закрывающимися дверьми в автобус запрыгнул мальчик лет тринадцати. Светло-русые волосы были прижаты джинсовой кепкой с длинным потёртым козырьком. Одет он был легко, не смотря на прохладный ветер. Оранжевая футболка была небрежно заправлена в тёмно – зелёные штаны. На ногах красовались огромные кроссовки с жёлтыми полосками и широкими шнурками, свисающими до пола. Суетливо пересчитав на ладони монеты и передав их водителю, он повернулся к пассажирам. Я увидел его озорные глаза и пылающие щёки. Автобус набирал скорость.

Листая полоску новостей, услышал звонкий голос:

-Александр Сергеевич Пушкин. «Сказка о царе Салтане».

Пассажиры устало подняли глаза на мальчика, который, шагнув чуть вперёд, начал читать сказку:

Три девицы под окном

Пряли поздно вечерком.

Он читал громко, с выражением, взмахивая руками. Это выглядело артистично и как-то неестественно. Автобус, скрипя тормозами и раскачивая людей, делал остановки. Мальчик продолжал читать сказку не останавливаясь. В руках у него не было ни

листочка, ни телефона. Он декламировал по памяти. Несколько раз он доставал из кармана бутылку с водой, делал глоток, аккуратно закручивал крышечку и продолжал читать.

В автобусе стало тесно. Заметив читающего мальчика, пассажиры с удивлением рассматривали его, освобождая вокруг него пространство.

Сказка плавно текла невидимой рекой над головами, окрашиваясь лучами заходящего солнца. Водитель стал аккуратнее вести автобус. Лица пассажиров стали выглядеть спокойнее. Кто-то повернулся к окну, прикрыв глаза, а кто-то смотрел на мальчика и шевелил губами, вспоминая текст.

Так мы проехали три остановки. Сказка закончилась. Впереди сидящие протянули мальчику деньги. Он улыбнулся, поклонился, взял деньги и тихо произнёс:

-Спасибо.

Пассажиры начали аплодировать. Он ещё раз поклонился, глотнул воды и продолжал:

- Пушкин. «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях»

Царь с царицею простился,

В путь-дорогу снарядился...

Мы снова погрузились в сказку. С задних мест стали передавать деньги. Я подумал: «Не может же подросток — вот так, один по своему желанию, разъезжать по городу на автобусах, читать сказки и зарабатывать на этом. Наверное, его ждёт кто-то на остановке. Или может быть сидит в этом автобусе и за всем наблюдает». Я привстал и оглянулся назад. Не заметив ничего особенного, сел и успокоился. Настроение моё улучшилось. Я слушал сказку и улыбался.

Пролетели ещё несколько остановок. Пассажиры продолжали передавать деньги. Ранее незнакомые друг с другом соседи начали общаться, одобрительно покачивая головами и кивая в сторону подростка. В салоне автобуса стало как будто теплее, хотя за окнами было прохладно.

Стало заметно, что юный чтец немного разгорячился. Он стал чувствовать себя в салоне автобуса как рыба в воде. Глотнув воды и расплывшись в белозубой улыбке, мальчик произнёс:

-И снова Пушкин. «Сказка о рыбаке и рыбке».

И тут он снял с головы кепку и изящно в лёгком поклоне протянул её в проход между рядами. Пассажиры в ответ начали улыбаться и доставать деньги в надежде снова окунуться в детство.

Я наощупь вытянул из кармана первую попавшуюся купюру и протянул мальчику. Это была пятисотка. В голове мелькнуло сожаление, но доставать что-то помельче было поздно. Мальчик схватил купюру и положил в кепку, а я как-то криво улыбнулся:

-Спасибо тебе, мальчик. И как же тебя зовут?

-Лёша, – прошептал он.

Он хотел ещё что-то добавить, но моя соседка опередила его:

-А ты все сказки Пушкина знаешь наизусть?

Мальчик, застенчиво улыбнувшись, ответил:

-Ну, в общем, да.

Тут автобус на повороте резко затормозил. Мальчик успел схватиться за поручень. Он резко изменился в лице. Повернувшись к водителю, он крикнул:

-Ты чё, дрова везёшь? Лошара!

Мы с соседкой, подняв брови, изумлённо переглянулись.

Автобус остановился. Мальчик скакнул к раскрывшейся двери, прокричал в салон: «Пушкин тоже был не лох! Мой улов совсем не плох!» и выскочил на улицу.

Этот выкрик сначала вжал пассажиров в кресла, а потом подбросил их в сторону окон. Все уставились на мальчика сквозь стёкла. Автобус тронулся. Полупривстав-полусогнувшись, мы в полной тишине наблюдали, как удаляющийся от нас Лёша доставал из карманов купюры, разглаживал их на ладони и пересчитывал. В последний момент мы увидели, как он сделал глубокий реверанс уходящему автобусу и помахал рукой. Пассажиры, тихо перешёптываясь, уселись на свои места, а я подумал: «Ай, да Пушкин! Ай, да Лёша!».

БЕСЕДКА

**ИНТЕРВЬЮ С УЧРЕДИТЕЛЕМ, ИЗДАТЕЛЕМ
И ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛОВ
«МЕТАМОРФОЗЫ», «МИР ЖИВОТНЫХ», «ЭКОЛОГ И Я»
НАТАЛЬЕЙ ЕВГЕНЬЕВНОЙ СЛЯДНЕВОЙ – БЕЛАРУСЬ**

Наталья Евгеньевна Сляднева – главный редактор известных журналов «Метаморфозы», «Мир животных», «Эколог и я». Член Белорусского союза журналистов и Союза журналистов России, член Союза писателей Беларуси и Союза писателей России.

С 1997 года инженер-экономист связи с 40-летним трудовым стажем является неутомимым издателем и открывателем авторов из

разных стран. За 10 лет существования литературно-художественного журнала «Метаморфозы», творческий старт в издании получили 1720 поэтов, 1900 прозаиков и публицистов. Обладатель Международного приза «Зелёное перо» в Коломбо; специального диплома Берлинского Международного конкурса в номинации «Лучший издатель»; медалей: «Родина. Мужество. Честь. Слава»; «Кірыла Тураўскі. Асветнік. За уклад у літаратуру»; медали «Кутузова за мужество», проявленное в сохранении исторической правды, мн. др.

В 2025 году «Заслуженный деятель культуры России» и Почетный академик Интернациональной академии

современной культуры Наталья Евгеньевна Сляднева отмечена дипломом и медалью «Акула пера» Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за многолетнюю и многогранную литературную и научно-просветительскую деятельность. А «Белорусский союз женщин» подвёл свои итоги года, согласно которым Сляднева Н. Е. стала обладателем титула «Сильная женщин-2025».

Не смотря на множество дипломов, титулов, других наград, Наталья Евгеньевна своим главным достижением считает дружный союз талантливых авторов и поклонников изданий, созидателей во благо общества. В арсенале Натальи Слядневой немало тем, посвящённых сохранению природы и мира, культурных и патриотических проектов. Под грамотным руководством главного редактора, авторы со всего мира продвигают народные традиции и литературное творчество

своих регионов, популяризируют печатное слово и истинные семейные ценности.

– Наталья Евгеньевна, расскажите, почему Вы выбрали стезю журналиста? Каково ваше кредо?

– Да, собственно, это сама стезя выбрала меня. Ничего в жизни, как я давно убедилась, просто так не бывает. Любые решения и действия влекут за собой последствия. Так и в нашей семье. После долгих уговоров купили дочке собаку. Конечно же, далматина. Пёс серьёзный, с характером. Нужно заниматься с ним постоянно. А куда отпустить 11-летнего ребёнка без присмотра? Вот и мне пришлось принимать участие в самых разных и самых непредсказуемых делишках этой неугомонной парочки. И спектакли ставили, и конкурсы проводили, и в детских домах выступали... Где-то в семейных архивах хранится даже диплом конкурса зрительских симпатий «Сожского карагода». Конечно, когда обратилась ко мне председатель общества защиты животных с просьбой помочь сверстать им газету, потому что на профессионала у них денег нет, я не смогла отказать. Так и состоялась моя первая проба пера.

Пришлось и верстать, и писать, и работать с материалом. Затянуло! Даже такая семейная поговорка сложилась: «Хочешь изменить свою жизнь — купи ребёнка собаку».

А кредо? Никогда не задумывалась. Просто живи — по совести. Не делай зла другому. Помоги, если тебя просят, если в твоих силах.

– Ваши издания определяют три темы: экология, животный мир и литература. Почему именно они?

– Так, ведь, именно в этих темах и проходит наша жизнь! В юном возрасте мы ещё не задумываемся, но своими действиями уже готовим себя к тому, что ждёт нас во взрослой жизни. Свои школьные годы

я практически все свободное время проводила в библиотеках. Читала много. Книга всегда была рядом со мной. Представьте, в домашней библиотеке насчитывалось более 3 тыс. томов. Во взрослую жизнь я и вступила со своим сформировавшимся внутренним миром. Любовь к природе, животному миру и литературе сделали своё дело. И чем бы я ни занималась, эти вопросы всегда были в приоритете.

– Знаю, у вас нет специального образования в этих областях. Не страшно было браться за них? Что помогло в начале пути?

– Если интересно, то никогда не страшно! И специальное образование не всегда делает из тебя специалиста. Увлекло именно общее дело. Думаю, не нужно рассказывать, что такое общественная организация, особенно зоозащитная. Рассчитываешь только на себя, семью и друзей. А ещё со школьных лет всегда в любом деле помогали слова отца: начала дело — доведи до конца: не позорь фамилию! А когда наступил момент, что «Мир животных» никому не стал нужен из-за финансовых проблем в организации, закрыла глаза, глубоко вдохнула — и переформировала газету на себя. Кто помнит, это было сложное время, когда шло массовое закрытие газет и журналов, но удалось не только сохранить издание, но и поднять на более высокий уровень. Вот как раз моя основная профессия экономиста и помогла сохранить журналы, довести их до такого уровня, что их оценка профессионалами — только положительная. И, как результат, наши белорусские журналы сейчас читают не только у нас на родине, но и в России, в странах ближнего и дальнего зарубежья. И авторы — от Новой Зеландии и Австралии, до США и Канады.

– Почему вы решили посвятить себя экологии именно через журналистику? Ведь есть множество других вариантов...

– А мне особенно и выбирать-то не пришлось: задали тон именно читатели! В те годы читательская почта была просто

огромной — свыше 300 писем от выпуска к выпуску! И вопросы задавались серьёзные, поэтому с первых же выпусков «Мира животных» начала работать рубрика «Кафедра экологии», которая в скором времени и переросла в отдельное издание «Эколог и Я». А идея возникла в кабинете председателя Гомельского областного комитета природных ресурсов О. Г. Акушко. Да, в те годы вопросы экологического просвещения были в приоритете, и инициативы энтузиастов в кабинетах только приветствовались.

— На Ваш взгляд, почему людям так важно знать, что происходит с экологией? Можем ли мы сегодня утверждать, что сохраним для будущих поколений благоприятную окружающую среду в нашей стране?

— Зачем знать?.. Все просто: «экология» — это не просто слово или набор где-то существующих проблем! Она рядом с каждым из нас. В квартире, на улице, в продуктах, которые мы едим, воздухе, которым мы дышим. В конце концов, человек должен, наконец, понять, что это его ЗДОРОВЬЕ! Да, где-то в мировом сообществе обсуждают и никак не решают глобальные вопросы — загрязнение озонового слоя, истощение запаса пресной воды, изменения климата и глобальное потепление, загрязнение мирового океана, истощение природных недр, разрушение флоры и фауны... Но мы-то должны понимать, что все эти проблемы, которые требуют немедленного решения, зависят от личного вклада каждого из нас. Чистая Планета подарит нам и здоровье, и долгую, интересную жизнь. И будущим поколениям ещё останется.

— Действительно ли СМИ могут помочь сдвинуть ситуацию с мёртвой точки?

— Прошло время, когда основной задачей СМИ было только информирование населения и привлечение его внимания к экологически неблагоприятным событиям у нас в стране и за рубежом. Сейчас на первый план выдвигается разъяснительная, направляющая роль в вопросах охраны окружающей среды и, конечно же, экообразования и просвещения, повышения экокультуры населения.

Согласитесь, экология стала частью нашей повседневной жизни. Все актуальнее культуuroобразующая, воспитательная функция журналистики, по мере того, как мир начинает осознавать важность и сложность экологических проблем. Время требует высокообразованного, гуманного поколения. Именно экологическое образование и просвещение способно заложить основу построения гражданского общества, стать важнейшим фактором его устойчивого развития, быть доступным каждому жителю

нашей страны, что, в конечном счёте, способно изменить стиль жизни людей и их отношение к природе, окружающей среде. Но вопрос: насколько СМИ готовы взять на себя и эти функции? Специализированных изданий, направленных на широкий круг читателя, по-моему, больше и нет. Разве что, корпоративный журнал Минприроды. Только отдельные рубрики в ведущих изданиях и разовые публикации по возникающим актуальным вопросам. Да и специалистов в экожурналистике можно по пальцам сосчитать. Экожурналистика не вписывается в традиционные рамки. Нередко журналисты допускают существенные неточности при освещении экологических тем. Да и сами экологи, организации, представители науки, занимающиеся экологическими проблемами, недооценивают средства массовой информации.

Очень важно, чтобы актуальные вопросы, экопроблемы освещались не только в научных сборниках конференций и семинаров, но и в СМИ, как наиболее доступных для населения источниках информации. И причём, не от случая к случаю, а в плановом порядке, и не просто журналистами, а специалистами, изучающими и понимающими всю глубину и суть проблемы. Важно не распылять информацию, а концентрировать в тематических изданиях, чтобы читатель знал, что именно здесь он всегда найдёт интересующий его материал.

И не только журналист должен идти к учёным. Уважаемые представители науки должны думать не только о своих научных разработках и достижениях, но и о том, чтобы эта информация могла быть доступна и журналистам, и студентам, и просто жителям нашей страны, собственно для которых разрабатываются и внедряются новые технологии.

Постоянное и грамотное воздействие СМИ формирует мировоззрение человека, постепенно меняет представление о мире и социальной реальности, становится источником знаний не только об окружающем нас мире, но и о роли человека в нем. Поэтому очень важно, чтобы подача информации осуществлялась в союзе со специалистами, учёными.

Может, тогда и пройдем эту «мёртвую точку».

—Какие экологические проекты Вы хотели бы отметить? А какие в планах?

Да у нас, что ни номер — или конкурсный, или тематический! Причём, международный. Например, к Году экокультуры в СНГ (2013) журнал «Метаморфозы» провёл международный литературный конкурс «Живое Слово — Живой Природе». Невероятное количество участников из многих стран мира! А сам конкурсный сборник включил в себя более ста авторов. Он же стал

Бронзовым Лауреатом Пятого Берлинского Международного литературного конкурса «Лучшая книга года 2014» в номинации «Литературные альманахи», а меня, как главного редактора отметили дипломом «Лучший издатель года».

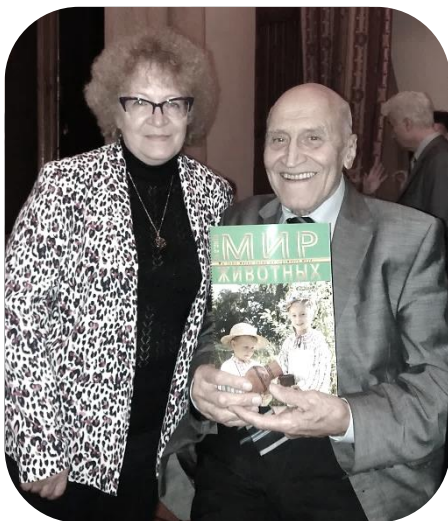
Особенно горжусь выпусками, посвящёнными историческим датам нашей страны, ветеранам Великой Отечественной войны. Именно эти проекты и отмечены различными дипломами и медалями престижных литературных конкурсов.

Например, ежегодно, с первого выпуска, июньский номер журнала традиционно посвящён подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны. Причём, эта тема проходит красной нитью через все номера журнала.

Вышли спецвыпуски, посвящённые 100-летию белорусской милиции, 100-летию угрозыска, 30-летию вывода советских войск из Афганистана, 30/35-летию аварии на ЧАЭС, 75/80 лет Победы, 80 лет скорби и памяти, 90-летию со дня рождения Ю. А. Гагарина, 100-летию «Беларусьфильма», «Мы из СССР» и мн. др.

Эти номера уже стали раритетом, многие находятся в музеях Беларуси и России.

И в планах — приоритетные темы, объединяющие на страницах наших журналов, как литераторов, так и всех желающих присоединиться к формированию позитивных взглядов на окружающую среду, укреплению духовных ценностей, приобщению читателей к ценностям литературы и искусства, воспитанию у подрастающего поколения гуманного отношения к природе, но и к самому человеку.

– Наталья Евгеньевна, по интернету «ходит» ваше совместное фото с известным российским телеведущим Николаем Дроздовым. Интересно, как он отзывается о Вашем журнале?

– О, да! Николая Николаевича обожаю! В школьные годы телепередача с Николаем Дроздовым «В мире животных» была самой любимой. Даже помыслить не могла, что кумир моей юности будет держать в руках мой журнал! Очень благодарна ему за добрые слова и бережное отношение к нашему труду. Впервые я с ним лично познакомилась в 2007 году, в Госдуме,

когда ему вручали почётное звание «Человек Года». С 2016 года каждый год встречались в Москве в ЦДЛ. И, представьте, каждый раз, когда он говорит перед аудиторией, его выступление заканчивается песней «Широка страна моя родная». И он настолько заразителен, что вместе с ним поёт весь зал! А это фото — с церемонии награждения победителей Международного литературного конкурса «Национальная литературная премия «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ». И именно в тот момент, когда Николай Николаевич говорит, что «такого журнала нет даже в России»! Очень дорожу его оценкой нашего труда! Кстати, профессиональным жюри единогласно было принято решение: все три журнала в номинации «Издания» стали обладателями Знака — «ЗОЛОТОЕ ПЕРО»!

– Воспитать экологически грамотного человека – в чём составляющие успеха?

– А все просто:

– только экологически образованный государственный деятель любого ранга сможет экологически грамотно управлять вверенной ему сферой;

– только экологически образованные родители воспитают экологически грамотных детей;

– только экологически грамотное общество сохранит благоприятную окружающую среду для будущих поколений.

И подтверждение этому есть! Посмотрите, какими выросли наши читатели! И с нами связь не теряют: получили образование, создают семьи. И вместе со своими детьми опять появляются на страницах наших журналов.

Лия Денисковец – 5 класс

– Какие рекомендации дадите читателям, которые хотели бы помочь сохранить экологию? А каков ваш личный вклад?

– Не обязательно ехать на край земли, чтобы помочь спасти Планету. Начните с себя! Пересмотрите свои привычки, свое отношение к простым вещам! Научитесь хотя бы не выбрасывать мусор из окна, плевать в лифте, вынимать зарядное устройство из розетки... Да много еще можно перечислять. Как видите, это элементарная культура поведения в сообществе и окружающей

среде. Приведу пример. Один из наших почётных авторов, Павел Болоянгов, за плечами которого победы не только в профессиональном спорте, но и в воспитании молодёжи, оказался запертым карантинном в индийском штате Гоа. Чемпион мира по боям без правил среди профессионалов и здесь решил провести время с пользой для окружающей среды. В День Победы он, собрав интернациональную команду из застрявших на курорте туристов, вывел их на субботник, в ходе которого пошла работа по расчистке окрестных пляжей от мусора. А на вопрос, зачем это ему нужно, он отвечает: «Я в Гоа организовал субботник, потому что считаю своим долгом убираться в своём доме, где бы я ни жил. А мой дом — это моя Планета, и борьба за её чистоту в любом месте, где бы я ни находился — это моя священная война с невежеством, глупостью и подлостью».

И таких примеров можно привести немало. Вот и решайте, какие ещё могут быть рекомендации. А что касается моего личного вклада, то уже одно то, что с нами выросло молодое поколение и вступило во взрослую жизнь с определёнными навыками и сформировавшимися взглядами на окружающую действительность, уже нашей природе будет легче дышать. Откройте любой номер наших изданий: каждый материал, статья, письмо — это и есть точка зрения личности.

– Как вы думаете, можно ли литературу считать своеобразной экологией души? Что необходимо делать для защиты такой литературы?

– Даже не сомневайтесь! У нас несколько лет даже такая рубрика была — «Экология души». Это и есть культура, нравственность, духовность личности (общества). Это и защита человека от саморазрушения. Ещё Гёте (в кои века!) говорил: «Растёт то, что мы выращиваем в душе, — таков вечный закон природы». Взрастим мы в себе доброту, сострадание, сохраним память предков, сделаем наши поступки чистыми, чистой будет и окружающая среда.

А что мы видим вокруг? Люди перестали читать книги, журналы. Спросите: что такое эпистолярный жанр? Уверена, многие не ответят! А перевести старушку через дорогу, или уступить место в троллейбусе? Увы, тимуровцы уже ушли в историю.

Что же делать? Знаю одно, что все исходит из семьи и школы. Какие могут здесь быть советы? Все в руках наших чиновников от образования и культуры.

– Наталья Евгеньевна, на страницах ваших изданий наравне с экологией затрагивается и тема здорового образа жизни. Что, на ваш взгляд, главное в этом тандеме?

– Да, разделить эти темы невозможно: настолько все переплелось в нашем образе жизни и окружающей среде. Каждый из нас своим несознательным образом жизни делает вклад в разрушение нашей Планеты. И важно нам это, наконец, понять! Здоровый образ жизни неотделим от экологии.

– А каково ваше отношение к здоровому образу жизни?

– К здоровому образу жизни никак не нужно относиться! Ему нужно следовать! По крайней мере, насколько позволяет наш сумасшедший темп жизни. Но вот, что печалит и выбивает иной раз из колеи: уже на автомате замечаешь, как сигареты или обёртки от конфет бросаются под ноги прохожим, как из окна тебе на голову летят пустые пакеты из-под дешёвого вина, как в подъезде свет почему-то выключаем только мы, как соседка по площадке выставляет свои мусорные протекающие пакеты, как в спину раздаётся шипение, когда идёшь с собаками на прогулку («людям есть нечего, а она двух собак держит!») и так далее...

Так и хочется спросить: «Люди, что с вами стало? Мы же все были другими!»

– В конце беседы традиционное пожелание читателям журнала.

– В нашем сложном мире любое явление или событие можно использовать как во благо, так и во вред. Держите свои помыслы чистыми и всегда делайте правильный выбор не только во благо себя, но и окружающих! Верните в свой дом КНИГУ! Вдумчиво и внимательно читайте, и пусть полученная информация окажется полезной для ваших мыслей и здоровья! А ваш здоровый образ жизни гармонично вольётся в окружающую среду!

Наши же журналы с нетерпением ждут новых друзей и читателей! А это — новые истории, новые авторы и новые возможности рассказать о себе миру!

Беседу провела Татьяна Денисковец, Гомель, Беларусь

ЦЕНА РУССКОГО СЛОВА

Коллеги-собеседники: заведующий отделом поэзии литературного журнала «Сура» (г. Пенза), поэт Валерий Сухов, лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами...» в номинации «Взыскующим взглядом» за 2010 год и главный редактор литературного журнала «Аргмак. Татарстан» (г. Набережные Челны), поэт Николай Алешков, лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами» за 2025 год, занявший первое место в номинации «Большая премия» за книгу избранных стихотворений и поэм «Единственный август».

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ВАЛЕРИЙ СУХОВ

В.С.: Что значит Есенин для Вас? Когда вы впервые познакомились с его поэзией?

Н.А.: Это как первая любовь. Она возникает внезапно и остаётся навсегда...

Память возвращает в 1961 год. К тому времени у меня уже есть тетрадка с собственными виршами, а ещё я хожу в районную библиотеку, где в журнале «Юность» нахожу стихи Евтушенко, Рождественского и Вознесенского, собираясь брать с них пример. Есенин случился в моей жизни чуть позже, но очень вовремя - для того, видимо, чтобы вернуть юношеское сознание к деревенскому детству, к собственным истокам, роднее которых ничего нет и быть не может...

Вот я, ученик девятого класса, на уроке астрономии читаю под партой заветный том с зеленоватой обложкой, изданный совсем недавно и попавший в мои руки из той же библиотеки. И вдруг слышу голос учителя – он уже стоит рядом с партой: «Что читаем?» Я готов расплакаться, полагая, что сейчас расстанусь с книгой навсегда, ведь в школе, насколько мне известно, эти стихи ещё под запретом. Да и нехорошо во время урока читать что-либо постороннее, когда учитель рассказывает о звёздах! Но реакция учителя оказалась неожиданной: «Есенин! Где взял? Дай почитать!»

Этим всё и закончилось. Книга ко мне вернулась – в библиотеку потом, к сожалению, тоже. А завуч школы Юрий Иванович Корнев обратил на меня особое внимание. Узнав, что я «балуясь» стихами, привлёк к выпуску стенгазеты. Встречались мы и после окончания школы, ибо я частенько приходил в спортзал поиграть в волейбол вместе с другими выпускниками, которых наш дорогой завуч продолжал «натаскивать» и в области этого вида спорта. А через год по его рекомендации я начал работать в редакции районной газеты «Знамя коммунизма», где ответственным секретарём была жена Юрия Ивановича Роза Гильмеевна. Она старалась не только учить семнадцатилетнего оболтуса азам журналистики, но и печатала в районке его стихи. По сей день считаю, что именно супруги Корневы привели меня в литературу. Я нередко бывал в их доме в качестве желанного гостя. Однако совсем недавно, к великому сожалению, пришлось провожать в последний путь – сначала её, через полтора месяца его. Оба ушли на 95-м году жизни, прожив вместе чуть более семи-десяти лет.

А вторым причащением к поэту могу даже гордиться – во время службы в армии рядовой Алешков за чтение стихов Есенина со сцены был поцелован в макушку Августой Леонидовной Миклашевской. Да, да, той самой, кому посвящены знаменитые строки: «Что же имя твоё звенит, // Словно августовская прохлада»... Или ещё: «Я б навеки пошёл за тобой // Хоть в свои, хоть в чужие дали...» Этот случай имел место в 1965 году, когда страна впервые после долгого забвения отмечала 70-летний юбилей Сергея Александровича. Поэт был наконец-то признан и разрешён советской властью...

Секрет в том, что вместе со мной служил москвич, рядовой Саша Будзинский, оказавшийся племянником Августы Леонидовны. Мы с ним участвовали в художественной самодеятельности. А располагалась наша воинская часть в местах памятных – между подмосковным Загорском (ныне Сергиевым Посадом) и городом Александровым – уже Владимирской области. И Августа Леонидовна, посетившая родственника-солдата, соизволила

оказать честь, побывав на нашем концерте, посвящённом памяти поэта. Звучала эстрадная музыка в исполнении офицерского вокально-инструментального ансамбля (ВИА только входили в моду), а я в перерывах между номерами декламировал Есенина. Говорят, у меня это неплохо получалось. Очень многие его стихи уже знал наизусть. И читал, конечно, те, что процитированы выше. Вот и был вознаграждён поцелуем в макушку...

В.С.: Какое влияние Есенин оказал на Ваше творчество? Какие его произведения произвели наиболее сильное впечатление?

Н.А.: Вот Вы сказали – творчество, а я предпочёл бы, обойтись определением «литературная работа» – так моя специальность обозначена в дипломе Литинститута. И дело тут не в скромности. Полагаю, что подлинность творчества определяют время, переходящее в Вечность, и пространство, уходящее в Небеса, а собрату-сочинителю уповать на то, что он занимается творчеством, по-моему, излишне, ибо далеко не всё, что написано в столбик и зарифмовано, может оказаться поэзией...

Сергей Александрович Есенин оказал потрясающее влияние на всю мою жизнь. Со всеми «за» и «против». Я «заболел» не только его деревенскими стихами, «Москвой кабацкой», «Персидскими мотивами», любовной лирикой и поэмами. Я «заболел» и его образом жизни, пытаясь в молодые годы подражать ему внешне. Ах, если бы это касалось только причёски да рубашки, распахнутой настежь! Увы, пристрастие к спиртному, как средство преодоления душевных переживаний, могло в определённый период жизни и к трагедии привести. Потом-то я «завязал». Но и сегодня не верится, что удалось дожить до 80-ти лет.

*Я твой срок земной. Есенин, прожил
Дважды. В третий раз хочу посметь
Ты один помазанником Божьим
За Христом с рожденья шёл на смерть,
Родине своей расцвет пророка
В горних синих высях, а не тут.
К Господу приходят в одиночку,
Толпами к убожеству идут...*

Легко ли было перешагнуть порог искушения – это особая тема. Останавливаться на ней не буду – довольно подробно она изложена в поэме «Горький нектар».

Главным в поэзии Есенина для меня всегда была, есть и будет искренность. Она очевидна во всём – от проявления любви к матери-родине и до честности перед самим собой, да и по отношению к читателю. Есенин – мужественный поэт. Готов спорить с любым, кто скажет, что это не так. Вдумайтесь в его «Исповедь хулигана»:

*Как хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зеленыя.
Они бы вилами пришли вас заколоть,
За каждый крик ваш, брошенный в меня.*

Эти строки для меня – одни из самых сокровенных. Потому что пришлось, видимо, пережить то, о чём в них написано, возвратившись с «московских изогнутых улиц» в родную Орловку. Оказалось, что только дома, на родине можно очухаться от всего, что с тобою произошло к тридцати годам «по чужой и по нашей вине». Именно тогда душе потребовались исповедь и покаяние, изначально русские качества, неприсущие Европе, но необходимые поэту ещё и потому, что «Не каждый умеет петь. Не каждому дано яблоком падать к чужим ногам»...

Правда, пришло понимание, что и в родных-то пенатах чрезмерная открытость не всеми почитаема: Пастернак – это вам не Цветаева при всей их дружеской переписке. Продолжать примеры можно сколько угодно, перепрыгнув, например, в ушедший двадцатый век: Иосиф Бродский и Николай Рубцов – едва ли не антиподы, хотя оба жили в Ленинграде в одно и то же время и, говорят, даже разговаривали друг с другом.

Да и с классиками не всё так просто. Разницу в среде обитания (в городе ты родился или в деревне?), и в социальном положении (дворянского ты звания или крестьянский сын?) тоже нельзя не учитывать. Приведу в пример стихотворение, известное всем по школьному учебнику:

*Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную.
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из её груди,
Лишь бич свистал, играя...
И музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»*

Сказано талантливо, образно, профессионально. Но при всём уважении к великому поэту-гражданину Николаю Алексеевичу Некрасову думается, что выходец из рязанского села Константинова Сергей Есенин не стал бы в подобной ситуации призывать в свидетели музу. Он, скорее всего, ввязался бы в драку, заступаясь за девушку, как за односельчанку, а стихи об этом вряд ли стал бы писать.

Есенин играл, но не заигрывался с властью, зная предел и цену русского слова. Помню похвальный отзыв в свой адрес от профессора Литературного института Михаила Павловича Ерёмкина: в одной из курсовых работ, сопоставляя признания-кредо Маяковского и Есенина, я сделал выбор в пользу Сергея Александровича. «Я всю свою звонкую силу поэта// тебе отдаю, атакующий класс» – декларировал первый. «Отдам всю душу октябрю и маю, // но только лиры милой не отдам. Я не отдам её в чужие руки, – ни матери, ни другу, ни жене. Лишь только мне она свои веряла звуки, и песни нежные лишь только пела мне».

Эта разница всегда имела для меня существенное значение. Я не был активным комсомольцем, никогда не состоял в КПСС, написав об этом следующие строки: «Человек, сугубо беспартийный, //я живу в загадочной стране,// где партийность – вексель гарантийный,// первым быть, шагая по струне»...Я и сегодня полагаю, что поэт призван быть...беспартийным.

*Боже, прости, что пишу я пока ещё
Эти стихи.
Был искушаемым, был искушающим –
Тяжки грехи.
В дни осиянные, в дни окаянные
Мерю судьбой
Эти листочки – мои покаяния
Перед Тобой.*

Каждый из наших классиков велик сам по себе. Один не похож на другого. Этим мы и богаты. Отличие Есенина от Державина, Пушкина, Лермонтова, Батюшкова, Жуковского, Тютчева, Бунина, Блока, Гумилёва, от Цветаевой и Ахматовой – в его происхождении. Он не из высшего сословия, не из зарождающейся в XIX веке интеллигенции. Он – деревенский самородок и умница, понимавший, что самообразование важнее любого «университета Шанявского» .

В.С.: Что такое, на Ваш взгляд, есенинская традиция? Какими именами продолжается она в наше время?

Н.А.: Эта тема огромна. Остановлюсь лишь на некоторых частностях. Рядом с Есениным довольно долго был Николай Клюев. У Клюева есть такие строки: «В хвойный ладан дохнул папиросой // И плевром забудку обжёг». Не на них ли откликнулся Сергей Александрович: «Мир таинственный, мир мой древний, // Ты, как ветер, затих и присел. Вот схватили за шею деревню// Каменные руки шоссе»? Не их ли (того и другого) услышал Николай Рубцов, написавший полвека спустя:

*Россия, Русь, храни себя, храни!
Смотри, опять в твои леса и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.*

Согласитесь – и сегодня это более чем актуально звучит?! Особенно, если мысленно заменить, перечитывая стихотворение, татар и монголов на «тевтонов» и «братьев-славян» с Украины. Впрочем, я говорю не о продолжающейся уже четыре года СВО (специальной военной операции), а о той беде, что матушка-Россия из века в век теряет былую патриархальность, стержневую в истории России и в истории её многочисленных народов. Только не надо воспринимать патриархальность, как некую эволюционную отсталость! Речь идёт об утрате укоренившегося уклада жизни, который у каждого народа – свой, единственный. «Нас нельзя пересадить в западный «цветочный горшок», мы в нём не только не уместимся, мы в нём задохнёмся» - так сказал недавно в одной из своих статей, опубликованной в журнале «Аргамак», его постоянный автор, учёный Владимир Милованов. Я не могу с ним не согласиться.

О возможной трагедии, связанной с утратой этого уклада и образа жизни, этой народной веры в единство человека с природой, этого Иисуса, как бы изначально присутствующего в сердцах наших родителей, и сказал миру по-русски звонко и неповторимо великий русский поэт Сергей Есенин. Эту есенинскую боль за Отечество я чувствую ныне у тех поэтов, которых люблю. К ним – немногим - не могу не добавить выдающегося поэта современности Юрия Кузнецова, ушедшего в мир иной в 2003 году. Светло поминаю своего однокурсника по Литературному институту, поэта Геннадия Морозова (г. Касимов). Продолжаю дру-

жить с теми, кого считаю единомышленниками. С удовольствием называю их имена: поэты Николай Рачков (Ленинградская область), Валерий Хатюшин (Москва), Анатолий Аврутин (далёкая, но родная Беларусь), Александр Нестругин (Воронеж), Евгений Семичев (Самара), мой одноклассник Владимир Скиф (Иркутск) и, конечно же, несравненная Диана Кан (Оренбург). Все они, слава Богу, живы-здоровы, помогают мне, являясь авторами литературного журнала «Аргмак. Татарстан», который я редактирую с августа 2009 года по сегодняшний день.

Радуется то, что я не один. От имени всех названных хочу повторить мысль,

Сказанную мною же в одной из недавних публикаций: «Мы недаром появились после Есенина и Рубцова. Не рядом, не наравне с ними, а именно после. Мы – их последователи».

В.С.: Николай Петрович, а что Вы могли бы процитировать из своей книги «Единственный август» в завершении интервью?

Н.А.: Думаю, вот это стихотворение подойдёт по теме:

* * *

*И пусть я не стал знаменитым –
Поэзия стала судьбой.
Есенин меня, как магнитом
По жизни тянул за собой.*

*Простишь ли, Сергей Александрович,
Что я слишком долго живу?..
Насытись дарами Массандры,
По Чёрному морю плыву.*

*Под чутким крестьянским приглядом
Качаюсь на зыбке морей.
Твоё Константиново рядом
С родною Орловкой моей...*

*В столицах меня не поймали.
Увидел, вернувшись едва –
Орловку под город сломали,
Но речка покуда жива.*

*Я дом возле речки поставил.
И встала на место душа.*

*И как бы чужак не картавил
По «ящичку» – жизнь хороша...*

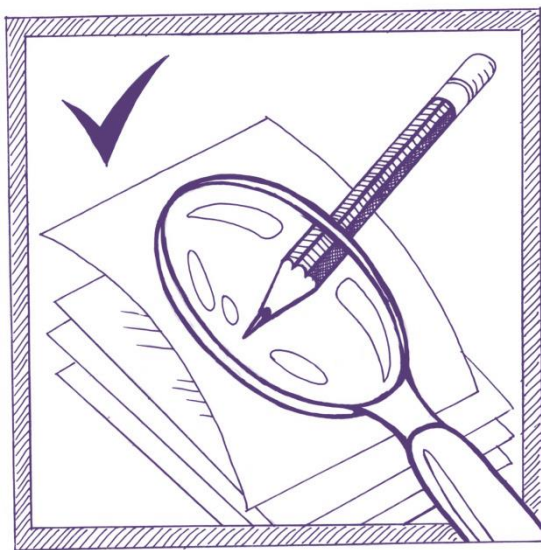
*По вере языческой, древней,
Которая трижды права,-
Россия вернётся в деревню
И будет навеки права.*

*А коль не вернётся – ну что же?
И нам пропадать не впервой –
Останется, Господи Боже,
Лишь песней твоей ножевой...*

В.С.: От души поздравляю Вас, дорогой Николай Петрович, с тем, что Ваша книга избранных стихотворений и поэм «Единственный август» была по достоинству отмечена жюри Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами» за 2025 год и заслуженно заняла первое место в номинация «Большая премия».

**Интервью взято со страниц интернет-журнала «ЛИterra»:
<https://littera.online/publications/authors/littera-zhurnal/cena-russkogo-slova-poety-o-poetah?ysclid=mrn2r96j13180210100>**

СТИХИЯ ПОЭТИКИ

НИНА ИЩЕНКО

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член совета Философского монтеневского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы», «Книжная полка Татьяна Лариной», «Город на передовой. Луганск-2014», «Борьба цивилизаций в "Отблесках Этерны"», «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс», «Псевдоморфозы сакральности в знаковых пространствах современности», «Путь читателя», «Александр Литвинов в Луганске: память, песни и сказки Вени

Д'ркина» (в соавторстве). Редактор-составитель девяти сборников Философского монтеневского общества Луганска.

ЛАВКРАФТИАНСКИЙ КРАСНОДОН НА КАРТЕ РОССИИ

В современной России происходят значительные социальные перемены после 2022 года, и способность культуры сохранять свои смыслы и находить новые жизненные стратегии в сложные моменты истории – залог успешного преодоления испытаний. Рассмотрим образ Родины, созданный в лавкрафтианской эстетике современным русским поэтом Александром Сигидой на примере одного из центральных стихотворений его новой книги «Уходящая раса» (2024) под названием «Я жду тебя в Красноданвике»

В названии обозначена центральная локация стихотворения – Красноданвич. Красноданвич – гибрид двух названий, Краснодона и Данвича.

Краснодон – реальный город в ЛНР, в котором во время Великой Отечественной войны действовала подпольная организация «Молодая гвардия», уничтоженная немецкими оккупантами: молодогвардейцы после пыток были сброшены в шурф шахты №5. В раскрытии «Молодой гвардии», в пытках и казни участников организации наряду с немецкими, итальянскими и румынскими спецслужбами на оккупированной территории Донбасса участвовала полиция Краснодона, где служили местные жители. В городе Краснодоне родился Александр Сигида, автор стихотворения. Таким образом, Краснодон – важное для поэта место на карте Донбасса, сохраняющее память о самой страшной войне XX века и актуализирующее эту память во время новой войны, идущей в Донбассе с 2014 года.

Вторая часть гибридного названия локации отсылает к одному из центральных произведений лавкрафтианского канона «Ужас в Данвиче» («The Dunwich Horror»). Рассказ написан в 1929 году, в пору творческой зрелости автора. Данвич – вымышленный Лавкрафтом город на восточном побережье США, основанный протестантами-квакерами, согнавшими индейцев с их

земель. Сравним с тем, как историю Красноданвича описывает Сигида:

*Когда-то давно, до прихода белых людей,
Здесь были кочевья индейцев-ногайцев,
Затем хутора казаков-колонистов,
Упрямых раскольников, староверов и квакеров.*

Кочевые татарские племена, заходившие в Дикое Поле, где стоит Краснодон, Сигида сравнивает с индейцами Данвича. Раскольники-староверы играют роль квакеров в американской истории: это преследуемое в метрополии меньшинство, бегущее с родины в поисках новой земли, где они могут исповедовать свою религию. За эту возможность и квакеры, и староверы готовы платить огромным риском жизни на фронтире, на окраине цивилизации, где нужно своими силами противостоять диким племенам. Проводя параллель между Краснодоном и Данвичем, автор показывает, на каком основании он соединил два имени в одно, – Красноданвич имеет одну историю и типологически является городом на фронтире.

Краснодон лежит в шахтёрском краю, где добывают уголь. Краснодонский пейзаж покрыт рукотворными горами – терриконам, отвалами пустой породы, выброшенной из шахт. Данвич у Лавкрафта также лежит в горах. Это горы естественные, но столь же черные и мрачные, как и горы-терриконы, окружающие Краснодон. В горах Данвича таятся старинные культы и следы страшных нечеловеческих богов, стремящихся проникнуть извне в мир людей. То же самое можно найти в Красноданвиче:

*Никто, ни ногайцы, ни белые, не говорили о тайнах
Тех стен-мегалитов, что полукольцом окружают рудник.
Этот рудник связан с кровавой жертвой:
Много угрюмых секретов хранит Красноданвич:
Тени сброшенных в шурфы юных сторонников Железной Гвардии.*

И далее в тексте Молодая гвардия называется Железной Гвардией, а город Молодогвардейск недалеко от Краснодона – Железногвардейском:

*Библиотека краснолицего отшельника из Железногвардейска
Состоит из потрёпанных советских изданий,
А уж никак не из оккультных фолиантов.*

Отшельник из Железногвардейска – это отец поэта Александр Иванович Сигида. Александр Сигида-старший – донбасский поэт

из Молодогвардейска, ЛНР, автор интерпретаций Вергилия. У Александра Сигиды-старшего есть стихотворение с такими строками:

*на лицо моё пасхальное,
с позолотой неземной,
говорили – «ну, нахальное», —
поливали всей честной...
утомлённое, что ряженка, —
загорело целиком;
замечательная крашенка
цвета крови с молоком.*

Таким образом, в стихотворении упоминается донбасский поэт, живущий в Молодогвардейске, воспитанный в советской культуре и ценящий историю Краснодона, в том числе военную.

Автор уверяет читателя, что Железнодорожск и Краснодонецк вовсе не мистические места, они хранят память всего лишь советского времени, не склонного к оккультизму. Однако в этих уверениях слишком много оккультных деталей, указывающих на связь с иным миром:

*Сталкеры астральных путей вздрагивают
При одном упоминании о нем.
Один мой приятель утверждает, что портал преисподней
Находится недалеко от Краснодонецка.
И что именно я открыл его.*

Итак, Краснодонецк – это город, лежащий за пределами реальности, открывающий портал преисподней. Ирония автора в этом стихотворении сродни иронии Сократа, который притворяется простаком, владея тайной мудростью.

Лирический герой отрицает потусторонний характер Краснодонецка, приводя детали жизни провинциального шахтёрского городка, лежащего на границе Украины и России, а также события советской истории, но они только подчёркивают сверхъестественный характер происходящего:

*Басни о том, что танки вновь и вновь оживают,
Чтобы пройти через Краснодонецк, лживы!*

*Краснодонецк – центр наркотрафика и контрабанды.
А также – оплот духовности и патриотизма;
Одно другому – не мешает.*

*Ещё до войны многие скрывали тот факт,
Что прописаны в Красноданвiche.
Ещё до войны многие гражданские активисты
Опасались посещать Красноданвич.*

Красноданвич хранит тайны советских времён, но эти тайны мистические, связанные со сверхъестественным ужасом: советские танки каждую ночь идут по площади, тени молодогвардейцев оживают на месте своей казни. Будни провинциального шахтёрского городка связаны не только с мистикой, но и с криминалом – это центр наркотраффика и контрабанды. Контрабанда соединяет две страны несуществующей официально, но реальной границей. Наркотрафик наряду с этим позволяет человеку попасть на другую сторону реальности.

Самым ужасным в этой категории мистического криминала является дело Оклей, упоминаемое рассказчиком в уже знакомой нам ироничной манере:

Преступления зловещей семьи Оклей ещё ничего не доказывают!

Светлана Оклей – мать-героиня из Краснодона, род деятельности – серийная убийца. Усыновила нескольких детей, создала семейный ансамбль «Оклея». В 2012 году арестована за убийство двоих детей, пытки и издевательства над детьми, похищение ребёнка. Эти события аналогичны человеческим жертвам, которые приносят в культе Йог-Сотота, демона извне, описанном Лавкрафтом в его рассказе «Ужас в Данвиче». Красноданвич связывает вымышленный мир Лавкрафта и реальный мир Краснодона, где происходят такие же события. Так сверхъестественный ужас Лавкрафта выходит из портала в Краснодоне.

Зловеще звучат последние строки стихотворения:

Так что нечего опасаться.

Ужин готов, и я жду.

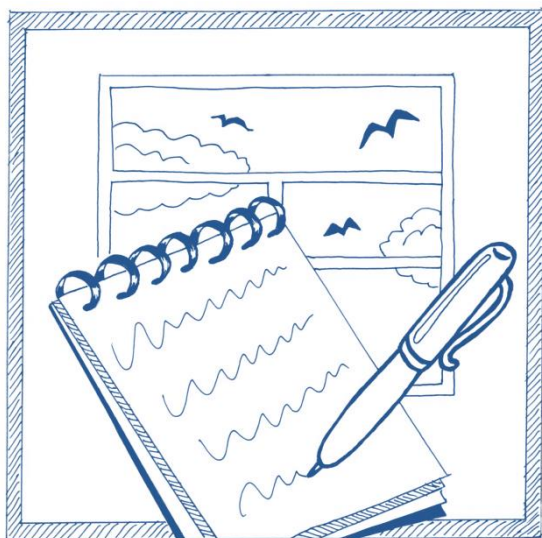
Мы ждём тебя в Красноданвиче.

Лирический герой ждёт читателя в городе, который стоит на границе миров потустороннего и человеческого, криминального и провинциального, шахтёрского и наркотического. Этот город хранит память о войнах староверов с ногайцами и железногвардейцев с немцами. Время освоения Дикого Поля, светская эпоха, украинский период и странная война, идущая в Донбассе с 2014 года, сплавливаются в единый образ Красноданвича/Краснодона, открывающего портал в преисподнюю.

Итак, образ Родины в стихотворении Александра Сигиды, поэта-воина, однозначен. Земля Донбасса – это пространства соединения разных культурных пространств: мистического мира сверхъестественного ужаса, созданного Лавкрафтом, и реальной истории Краснодона. В военное время актуализируются все слои реальности, связанные с ужасом и кровавыми жертвами: битвы с ногайцами, пытки и казнь молодогвардейцев, преступления Оклея.

Сигида тем самым показывает, что война проявляет конфликтность, скрытую в человеческой экзистенции и онтологии социального. Во время войны выходит наружу скрытая тёмная сторона человеческого бытия, откуда кровавый конфликт черпает свою энергию. Никакая география и государственность не может защитить человека от этой скрытой части его собственной сущности. Но первый шаг к изменению ситуации – это принять её. Тёмная сторона Красноданвича не мешает ему быть центром духовности и патриотизма. Для опытных сталкеров астральных путей Красноданвич – место силы, позволяющее выстоять в новой войне.

СТИХИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ

СВЕТЛАНА ШЕМЯКИНА

Родилась в г. Дзержинск Донецкой области. Окончила Краматорский индустриальный институт и Донецкий НТУ. Работала в городском финансовом управлении Дзержинска. Член городского литобъединения «Муза». Публиковалась в коллективных сборниках, альманахах и журналах России, Украины, Белоруссии, Австралии. Автор нескольких поэтических сборников и книг. Член Межрегионального союза писателей (Луганск). Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Ныне проживает в Подмоскowie.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

*Хроника лета 2024 года**

Вступление

Я хочу рассказать о событиях новейшей истории, которые произошли в Донецкой области на территории моего родного города Дзержинска – города трудовой и шахтёрской славы. В результате украинской декоммунизации в 2016 году он был переименован в Торецк, но для жителей по-прежнему оставался Дзержинском.

Город расположен между железнодорожными станциями Фенольная (пгт Новгородское) и Магдалиновка (пгт Кирово). Границы как таковой между Дзержинском и Горловкой не было. Улица Стахановская посёлка Новгородское (переименованного в Нью-Йорк) выходила непосредственно к Горловке. А шахты «Южная» г. Дзержинска и «Глубокая» г. Горловки разделяла всего лишь небольшой спуск и подъём по пересечённой местности.

В 2014 году численность населения с прилегающими посёлками и деревнями насчитывала около 72,8 тыс. человек.

Шёл девятый год чудовищной войны на Донбассе, которую развязали в 2014 году украинские неонацисты против собственного народа только за то, что те не захотели подчиняться правительству, которое незаконно пришло к власти в результате вооружённого переворота; за то, что тяготели к России и всегда голосовали на выборах за пророссийских кандидатов; за то, что свято чтит Русскую православную веру и в большинстве своём ходили в Украинскую православную церковь Московского патриархата.

Это – не выдуманные истории, это то, что приключилось в действительности с моей семьёй и моими близкими друзьями, это то, чему мы все были очевидцами. Я хочу, чтобы как можно больше людей узнали об этом. Это – наша Правда! И мы за неё будем отвечать на страшном суде перед Богом.

1

Стояло невыносимо жаркое, всё испепеляющее лето 2024 года. Донецкие степи нещадно сжигались не только непрерывным потоком падающих снарядов и реактивных ракет, но и разъярённым солнцем. С мая месяца не было ни одного дождя. Казалось, что природа таким образом мстит людям за чудовищную по всем меркам и характеристикам, войну, которую развязали неонацисты между славянами при поддержке и кураторстве англосаксов.

В этих широтах последние десять лет дождь был большою редкостью. Его всегда ждали с особым благоговением и надеждой. А в этом году тем более, т.к. при отсутствии водоснабжения, во время дождя можно было бы собрать хоть немного воды на технические нужды.

С началом резкой активизации фронта, а это началось со стороны Украины 16 февраля – за 6 дней до начала Специальной военной операции, – в городе совсем не стало воды. Газ отключили с мая месяца. Электроэнергия подавалась с перебоями.

Люди изнывали не только от жары, но и от безысходности, в которой оказались. К этому времени в городе их оставалось совсем немного. Это были в основном старики и малообеспеченные жители, у которых не было средств на проживание в чужом краю. Работоспособное население выехало, потому что все предприятия города к этому времени были разрушены. И разрушены они были «доблестными» украинскими военными по принципу: «Так не доставайся же ты никому!».

Многие скажут: «Не верим. Неправда». А вы спросите у тех, кто жил там в это время, кто видел всё своими глазами и слышал своими ушами! Да и сами украинские военные этого не скрывали, они так и говорили местным жителям: «Если мы вынуждены будем уйти из города, то после себя оставим выжженную землю». И держали своё слово крепко.

Правда, следует отметить, что многие жители, выехавшие вглубь Украины за период с 2014 по 2022 год, вернулись обратно в родные пенаты, потому что за это время их денежные сбережения закончились – нечем было платить за аренду жилья, которую «сердобольные» граждане Украины взвинтили до небес, за продукты питания и средства первой необходимости. Государ-

ственные социальные выплаты сокращались или вообще отменялись, а за гуманитарной помощью нужно было ещё поохотиться. Одним из значимых факторов возвращения было и то, что жителей Донецкой области не очень-то приветствовали в Западной и в Центральной частях Украины. Но были и такие люди, которые не хотели покидать родной город при имеющейся возможности выехать из него. Они готовы были умереть, но остаться на родной земле.

Осталась в городе и семья Петровых – очень близких нам с мужем людей: глава семьи – Андрей, его жена Елена, младший сын Славик – наш крестник и старший сын Фёдор с женой Асей и детками: Дмитрием – 5-ти лет и Евгенией – 2-х лет.

У наших друзей был свой – семейный – бизнес. Они занимались автоперевозками: как пассажирскими, так и грузовыми. Подвозили людям дрова, уголь, воду. Благо, у них был свой собственный колодец, который они расчистили и за незначительную оплату, едва позволяющую покрыть расходы по бензину, развозили жителям питьевую воду, которая была на вес золота. Когда начали массово уезжать бизнесмены, снабжавшие город продуктами питания, наши кумовья под учащающимися обстрелами начали завозить продукты, тем более, что жили они в частном секторе одного из посёлков городского типа, примыкающего к городу, где обстановка накалялась с каждым днём всё сильнее и сильнее.

Петровы с самого начала решили, что ни при каких обстоятельствах не уедут, и будут находиться в родном городе до победного конца, так как и глава семьи, и старший сын были призывного возраста. Да и крестнику нашему шёл шестнадцатый год. Никакой маломальской возможности легально выехать за пределы Украины у них не было, а оставаться на территории государства, которое с 2014 года целенаправленно уничтожает свой народ, они не желали, к тому же на территории ДНР и в России у них находились близкие друзья и родственники.

Андрей до описываемых событий был довольно плотным мужчиной 48-ми лет среднего роста с вьющимися темно-русыми волосами, с открытым взглядом светло-зелёных глаз, излучающих тепло и свет при разговоре с собеседником, и всегда приветливой улыбкой. Его жена Елена – смуглолицая женщина 40-45 лет с чёрными волосами, подстриженными в стиле «каре», была стройной и очень привлекательной женщиной, чем-то напоминающей креолку. Она выглядела намного моложе, так как постоянно уделяла внимание своей внешности, посещала фитнес-

клуб и СПА-салон. Несмотря на то, что сама занималась и бизнесом, и домашним хозяйством, руки её были в безупречном состоянии и всегда со свежим модным маникюром. Тёмно-зелёные глаза с золотистым отливом на смуглом лице, стройная фигура, подчёркнутая довольно высокими каблуками, постоянно привлекали к себе взгляды мужчин, на которые она никогда не реагировала, так как очень любила своего мужа и всегда была ему верна.

Младший сын Славик – наш крестник – пятнадцатилетний стройный юноша был похожий и на мать, и на отца. С детства у него были проблемы со зрением, поэтому он постоянно носил очки, которые его совсем не портили, а придавали образу определённую интеллигентность.

Старший сын Петровых Фёдор – стройный молодой человек 27-и лет, чуть выше среднего роста, со светло-карими, я бы сказала коньячного цвета, глазами и вьющимися тёмно-русыми, как у отца, волосами, более походил на отца и был его надеждой и опорой не только в семейном бизнесе, но и в сложившейся непростой ситуации, тем более что рядом с ним находилась жена Ася и малолетние дети. Ася не захотела оставить мужа и уехать с детьми вглубь Украины, подальше от линии соприкосновения. Она решила все тяготы жизни разделить с мужем, хоть это было непросто и очень опасно. Это была худенькая небольшого роста белокожая двадцатипятилетняя женщина с тёмно-русыми до плеч волосами и выразительными карими глазами.

Именно на хрупкие плечи Аси и Елены легла вся основная забота о детях, которые не понимали, что происходит вокруг, и, как все дети, требовали к себе большего внимания со стороны взрослых. Им хотелось играть и развлекаться.

С первых дней июля с семьёй Петровых прекратилась связь. Оказывается, как мы узнали позже, к ним прилетела ракета и упала недалеко от дома, рядом с гаражом, где находился автотранспорт, запасы питьевой воды и продуктов питания. А всего в эту ночь прилетело пять ракет. Стены в гараже сложились, как карточный домик, и обнажилось всё, что там хранилось.

Одна из ракет попала к соседям в дом. Благо, они ночевали в подвале сарая, где вместе с родителями находились двое ребят: Санька и Лёвка, 10-ти и 11-ти лет. Андрей с Фёдором быстро выскочили и начали вытаскивать соседей из-под завала. Мальчики были целы, родители ранены: отца всего посекло осколками, а у матери оторвало пальцы и пробило грудь. Они вынуждены были покинуть своё убежище и идти в город. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Но на этом приключения злополучного дня не закончились.

После обеда по улицам посёлка начали ходить военные, разыскивая гражданское население. Кто-то, по-видимому, их проинформировал о том, что здесь такие могут быть.

Принудительная эвакуация была в разгаре. Тщательнейшим образом разыскивали семьи с несовершеннолетними детьми. Если родители отказывались выезжать, детей забирали насильно. Невозможно словами передать весь ужас происходящего!

Естественно, военные наведались и в дом к нашим кумовьям.

— Кто тут е? — на украинском языке громко спросили они, собираясь осмотреть полуразрушенное помещение.

А там, в это время, в подвале, вход которого прикрывал обвалившийся шифер, находилась вся семья Петровых — все семь человек.

Елена быстро вышла на поверхность и направилась к выходу, чтобы «укры» не успели обнаружить вход в подвал. Встретившись с Еленой лицом к лицу, военные приставили к её груди автомат и приказали:

— Негайно виходь!

Вышли на улицу. Грубо, несдержанно, держа женщину под прицелом, начали задавать вопросы:

— Чому не евокуювались? Дити е?

— Нет, детей нету, — отвечала бедная женщина, в то время как в подвале находилась двухлетняя внучка — Евгения, которая могла в любой момент заплакать и всех выдать.

Следом за Еленой вышел и Андрей.

Военные передали по рации, что нашли мирных жителей, и получили тут же команду связать их и забрать телефоны. Как только Лена ни умоляла военных не связывать их, говорила, что они никуда не убегут, что они просто мирные жители:

— А если начнётся обстрел, как же мы сможем, связанные, спрятаться? — аргументировала она.

— Ничого нэ знаемо, у нас наказ, — отвечали фашисты. — Дайтэ свои тэлэфоны для пэрэвиркы! — приказали, взведя курок. — Мы пэрэвиремо ваши тэлэфоны. Якццо вы нормальни люди, мы вас вивэземо звидсы, а якццо ни... Ха-ха-ха! — засмеялись, — Кацапив ми ненавидимо, — и многозначительно на них посмотрели. Ребята сразу поняли, что их ожидает.

Связав Андрея и Елену скотчем по рукам и ногам, украинские солдаты отошли в сторону, так как для проверки телефонов им необходим был планшет и связь, а она в этом районе посёлка не везде и не всегда пробивалась, приходилось долго и нудно искать. В результате, в поисках связи, военные завернули за угол дома, оставив узников на какое-то время без присмотра.

А в телефонах — российских контакты и недавние переговоры и переписка с родственниками из России, в том числе из Москвы

и из Горловки. Судьба наших друзей, казалось, была предрешена. Их ждал расстрел. К этому времени в городе уже не одна семья по счёту была расстреляна фашистами.

Елене удалось невероятным образом доползти до ступенек подвала и самым тихим голосом, почти шёпотом, позвать детей и приказать им быстро бежать в подвал двухэтажного здания, которое находилось на расстоянии ста пятидесяти метров от их дома, где пряталась крёстная мать Андрея, Ольга Ильинична со своей подругой, Ларисой Ивановной Цукановой.

Славик и Фёдор с Асей, схватив малолетних детей в охапку, рискуя быть замеченными, быстро выскочили из подвала и через заднюю калитку двора побежали прятаться в указанное место. Спасая пятилетнего Дмитрия и двухлетнюю Евгению, они в тот момент не задумывались о том, а что же будет с родителями? Да и как в данной ситуации можно было о чём-то другом думать, как ни о детях?! Они – наше продолжение! Они – наше будущее!

А в это время Андрей с Еленой думали, как им выбраться из сложившейся ситуации и остаться живыми. На всё про всё у них была всего лишь минута – две, не более. Недолго думая, Андрей зубами перегрыз скотч, которым были обмотаны руки жены. Освободив руки, Елена смогла полностью освободиться сама и освободить Андрея. Они мигом спустились в подвал, забрали только одни документы и, как дети, через заднюю калитку побежали в двухэтажный дом – к своим. Не оглядываясь, что было силы, они бежали по обломкам разбитых домов и гаражей, наступая на торчащие гвозди и осколки разбитого шифера. Острый кусок шифера вонзился в ногу Елены и оставил грубый, кровавый рубец на всю оставшуюся жизнь.

В доме было два подъезда, и в каждом из них находился подвал, заполненный людьми, в одном из которых и обосновались наши друзья со своими родными и близкими.

2

Вернувшиеся вскоре украинские «вояки», обнаружив пропажу пленников, пришли в ярость. Какое-то время они рыскали вокруг дома и подвала со злостью бешеных псов, а после зажигательными снарядами стали уничтожать всё в округе. Ребята сидели в доме напротив и из окон первого этажа осторожно наблюдали, как «укропы» беспощадно сжигали всё, что наживалось трудом не одним десятком лет. Огнём были охвачены газели для

перевозки людей, грузовые машины, в том числе КамАЗ, и любимая «восьмёрка». Горел склад с продуктами и внушительным запасом питьевой воды, морозильные камеры с мясом, генераторы, личные вещи и всё нажитое имущество, которое находилось в доме. У Андрея на глазах выступили слёзы. Столько сил и средств было потрачено на развитие бизнеса, благоустройство дома! И теперь всё это превращалось в прах... пепел...

Елена же поймала себя на мысли, что никаких чувств не испытывает при этом. Её охватило какое-то тупое равнодушие. Казалось, она начинала терять смысл во всём, что вокруг неё происходило, и даже в самой жизни. Однако очень хотелось выжить! Выжить всем смертям назло! А ещё она боялась за детей и внуков. Их нужно было сберечь любой ценой. Страх смертельной опасности за детей придавал ей силы. В эти минуты она была похожа на волчицу, уводящую охотников от логова, где прятались беспомощные щенки.

Дня через три-четыре, после того, как наши беглецы обосновались в двухэтажке, начала заканчиваться вода. В этом убежище запас воды не был рассчитан на четырнадцать душ людей, т.к. помимо семьи Петровых в подвале скрывались ещё семь человек. Это были: родная тётя Елены – пожилая женщина 80 лет – Валентина Степановна; крестная мать Андрея – Ольга Ильинична – женщина 63-х лет; её подруга 65-ти лет – Лариса Ивановна; местный мастер-парикмахер Татьяна, а также семья Зубовых: Таисия – 63-х лет, с двумя сыновьями призывного возраста: Александром – 45-ти лет и Игорем в возрасте 40-а лет.

Здесь были все свои люди – родные и близкие. Услугами Татьяны постоянно пользовались и Валентина Степановна, и Елена. Она была, так сказать, семейным парикмахером. С Таисией Лена работала на шахте в узле связи, а её сын Игорь был непосредственным начальником Елены. Бывало, они часто ссорились по работе, но это было в мирное время, сейчас же об этом никто не вспоминал. Вся энергия направлялась на то, чтобы выжить в сложившейся чрезвычайно сложной обстановке.

Вода была на исходе. Нужно что-то предпринимать. И тогда все решили, что за водой в сгоревший дом пойдут мужчины: Андрей с Фёдором и Александр с Игорем.

Петровы надеялись, что подвал, из которого они вышли, и вход в который был прикрыт обвалившимся шифером, уцелел при пожаре и там могли остаться кое-какие запасы воды и продукты питания.

Недалеко от двухэтажного дома, в подвале которого спрятались наши друзья, находилось недостроенное пятиэтажное здание. В нём разместились украинские военные. А поскольку многоэтажек рядом больше не было, то «укропам» было очень удобно наблюдать за прилегающей местностью, на которой располагались частные одноэтажные владения и которые к тому же в большинстве своём были уже разрушены.

Ребята не знали, что их ждёт. Они потихоньку вышли. Женщины при этом оставались в подвале и, стоя на коленях, молили Пресвятой Богородице.

Мужчины добрались до полуразрушенного здания без происшествий. Как они и предполагали, благодаря мощным – в полтора-два метра – бетонным перекрытиям, подвал был цел, только задымлён немного. Вход в него оставался закрытым от постороннего взгляда упавшим от разрыва снарядов металлошфером. А завалившуюся в результате обстрелов стену гаража, приняла на себя грузовая «Газель» и держала её, также прикрывая и сам подвал, и вход в него.

Взяв по баклажке питьевой воды и кое-что из продуктовых запасов, они начали продвигаться обратно к своему убежищу, но вскоре путешественники были замечены. Нацисты из автоматов открыли огонь на поражение. Мужчины все как один тут же упали на землю, только Андрей успел перед этим заскочить за угол дома, Фёдора же ранили в левое плечо. Кое-как ползком ему удалось спрятаться за ствол старой липы. Пули ложились рядом: то над головой, вонзаясь в дерево, то у ног, поднимая пыль и комья земли. Они ложились непрерывно в течение двадцати – двадцати пяти минут, а может, и получаса. В такие моменты трудно определить продолжительность времени. Фёдору они показались вечностью. А кровь из прострелянного плеча продолжала всё это время течь, окрашивая землю из багряный цвет. Вместе с кровью уходили и силы. «Ещё немного и меня или убьют, или я сам умру из-за потери крови», – думал Фёдор.

Воспользовавшись несколькими секундами на перезарядку автоматов, он встал и в горячке, лавируя между пулями, быстро добежал до двухэтажки и на входе в подвал закричал:

— Я – трёхсотый! Их всех положили! Они лежат под орехом. – Упал и заплакал...

Елена не сразу поняла, что случилось. Она оцепенела от ужаса, увидев перед собой истекающего кровью сына, ещё не зная, что пуля прошла навылет чуть выше сердца через спину над самой лопаткой, не задев лёгкое.

После тщательного осмотра раны и её обработки, а также постоянного измерения давления, мать поняла, что Фёдору пока

ничего страшного не угрожает. Кровь остановили, перевязав простынёй. Часа полтора Елена руками закрывала дыру от пули на спине сына. Давление было в норме, даже чуть завышено. «Это от боли, – подумала она, – значит, нет внутреннего кровотечения». И только после этого до неё стало доходить, что, возможно, она потеряла навсегда любимого мужа. «Укры» меняли рожки один за другим и без перерыва продолжали стрелять в сторону убежища. Все это слышали. Но, через какое-то время к Елене вдруг вернулось самообладание и спокойствие. Её интуиция подсказывала ей, что с мужем и с братьями: Александром и Игорем всё будет хорошо, хотя было сказано: «Всех положили под орехом». И, тем не менее, не теряя надежды, она продолжала молиться.

Да, Бог милостив! Слава Богу за всё!

Неизвестно, сколько прошло: час – два, а может быть, три или четыре, но через какой-то промежуток времени – очень тяжёлый и мучительно долгий, как показалось женщинам – мужчины по одному начали с разных сторон пробираться к дому под постоянным непрекращающимся огнём. Двоим: Андрею и Игорю, удалось зайти в подвал, третий – Александр, оставался на улице. В это время нацисты подогнали небольшой дрон (по-видимому – самодельный), который начал настоящую охоту на человека – не военного, а мирного гражданина.

Александра спасало то, что он упал и лежал под густыми раскидистыми ветками деревьев фруктового сада. Ветви мешали дрону подлететь к мужчине и точно в цель сбросить гранату. Сколько времени продолжалась охота, неизвестно. Все думали, что он погиб. И лишь, когда стемнело, мужчине удалось пробраться к своим. Он был ранен, но живой – осколками гранат посекло ноги.

Тайно наблюдая за всем происходящим из окна первого этажа, Елена с женщинами видели, как в результате нацистской охоты загорелся соседский дом, как хозяин выбежал его тушить, и тут же был убит прицельным выстрелом. Наповал. Женщины слышали отчёт, который ВСУшник передавал по радиации:

— Минус один гражданский.

А дня через два, наши друзья окончательно поняли, что их убежище становится небезопасным.

Воспользовавшись телефоном, который остался у Славика, Петровы попытались при отсутствии электричества с помощью модема, который установили в двухэтажном здании как можно выше, связаться с родными. Необходимо было срочно предупредить всех о том, что их телефоны в руках у «укропов» и чтобы

никто из родственников ни на какие звонки и СМСки не отвечал, а сами номера заблокировали. Не успел Славик отправить сообщение дедушке с бабушкой, как вскоре на то место, где он только что находился, прилетела мина. Благо, он успел уйти вовремя. К тому же, когда раненый Фёдор бежал к двухэтажному зданию, «укропы» видели, что он скрылся в одном из подъездов дома, да и трупы оставшихся на улице мужчин вояки не обнаружили. После этого началось настоящее сафари. Дом обстреливали со всех сторон в течение двух суток, забрасывая минами и гранатами.

3

На третий день украинские военные подошли ближе и подожгли дом, продолжая стрелять по окнам, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь не вышел и не начал тушить. Хотели всех обитателей подвалов, а их в доме было два (под каждым подъездом), сжечь заживо. Из-за сильной жары и отсутствия дождей, вокруг дома всё вспыхнуло и запылало, как факел: трава, кусты, деревья.

Из соседнего подвала выбежал пожилой мужчина тушить огонь. Его в один момент прошли очередью из автомата, и он с криком замертво упал на землю.

После случившегося стало понятно, что всем угрожает смертельная опасность. Надо уходить. Но, не тут-то было. За всеми жителями двухэтажного дома продолжалась звериная охота.

Дым постепенно заполнял подвальные помещения, выедал глаза его обитателям, становилось нечем дышать, дети начинали кашлять от удушья. Что делать? Нужно было срочно принимать какое-то решение. Елена хотела уже выйти из подвала вместе с раненым Фёдором, Асей и внуками:

— Мы попросим нас вывезти. Не могут же они нам не помочь, — говорила она Андрею, — у нас маленькие дети.

Но тот быстро опустил её с облаков на землю:

— Ты что, ещё не поняла, что нас всех убьют? Какая помощь? Какое милосердие? Это — нелюди! Фашисты — одним словом! Ты разве не видела, что они сделали с соседом? Быстро мочите тряпки и затыкайте все щели в потолке, — закричал Андрей. — Нужно выкопать в полу яму и залечь на дно, чтобы не обгореть.

Елена не верила в то, что это сможет им помочь. Она боялась, что все угорят от дыма или, чтобы не угореть, им придётся вылезать из горящего дома прямо под пули автоматчиков. Тогда она просто встала вместе с крёстной Андрея и её подругой Ларисой на колени и начала молиться. Никогда в жизни они ещё так не молились Господу нашему Иисусу Христу и Божьей Матери! Казалось, время остановилось. Как будто ничего вокруг больше

не происходит, только стоят три женщины на коленях в задымлённом подвале и поют: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением... Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится... Богородице, Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою, Благословенна Ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших...»

И вдруг, среди ясного неба, на котором вот уже три месяца не было ни одной тучи, грянул гром! Он загремел так, как не гремели тысячи вражеских орудий! И в ту же минуту хлынул ливень да такой силы, что огонь начал постепенно угасать. Укропы из-за дождя убрали свои дроны и спрятались в пятиэтажке, не переставая наблюдать за дымящимися развалинами, ожидая, что мирные жители начнут выходить из подвалов.

Да, в живых никого не оставят – ещё раз к такому убеждению пришли все обитатели нашего подвала и решили срочно покинуть данное убежище.

Но как это сделать? С пятиэтажки за ними продолжали наблюдать снайперы. Валентине Степановне после инсульта нельзя было передвигаться. Фёдор – тяжело ранен, рана сочилась. А время шло. Нужно было успеть, пока шёл дождь. И тогда решили вылезти из подвала в подъезд и через окно первого этажа с обратной стороны выбраться на свободу. Так и сделали! Валентину Степановну мужчины выносили через окно на простынях.

К счастью, до заветного места добрались без потерь. К тому же, при осмотре помещений выяснилось, что не все продукты сгорели. Осталось даже несколько баклажек с водой.

Кое-как наши путники разместились. Спальных мест было всего три: на одном топчане устроили Асю с двумя детьми, на втором – Валентину Степановну, а на третий топчан уложили Фёдора. Все остальные обитатели подвала спали по очереди, сидя, облокотившись на стены.

Фёдора начало морозить. Рана быстро дала о себе знать. После перехода открылось кровотечение. От потери крови лицо стало белым, как снег, он совершенно ослаб и принялся со всеми прощаться. Все молчали и не знали, что делать. Мать с женой попробовали его потуже перевязать, и как только слегка повернули на бок, он вскрикнул от дикой боли и сразу потерял сознание. Жизнь его висела на волоске. А Елена стояла на коленях перед сыном, держа его окровавленную руку в своих руках, и снова молилась: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится

имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» И опять никто не считал ни часы, ни минуты. Спусти какое-то время сын пришёл в себя, но ничего не мог вспомнить: где он и что с ним. Он не понимал, что происходит вокруг. Стал обо всём расспрашивать жену. Ася рассказала мужу, как они пошли за водой, как попали под обстрел, как его ранили. «Ах, вот оно что... А я думал, что мне всё это просто приснилось», — произнёс он слабым голосом.

Удивительно, но после этого Фёдор пошёл на поправку и о смерти больше не думал.

А двухэтажный дом после дождя был сожжён дотла. Подвалы забросали гранатами и зажигательными снарядами. Все, кто находился в подвале соседнего подъезда — погибли. В городе думали, что погибли и все наши. Так нам передали.

В августе (перед самым походом в Горловку) в поисках воды ребята набрали на подвал сожжённой двухэтажки. Их опасения подтвердились, если бы они не ушли, то все погибли бы. «Захысныкы» зашли в подвал, открыли газовые баллоны и подожгли их. Всё выгорело дотла. Здесь же лежали не только обгоревшие люди, но и задохнувшиеся от дыма домашние животные: кошки и собаки. Я не говорю уже о разорванных минами и снарядами лежащих во дворе свиньях и маленьких поросятах, которых держали хозяева, о домашней птице, которая была убита осколками и давно разложилась, поедаемая червями.

Позже, будучи уже в Горловке, когда Фёдор в больнице рассказал военным обо всём, что с ними приключилось, те диву дались, так как были непосредственными свидетелями всего происходящего. С беспилотных летательных аппаратов российские операторы видели, как за Фёдором и его спутниками охотились «укропы», когда они вышли из убежища в поисках воды и продуктов, но думали, что это разборки между «своими». Русские военные наблюдали так же, как через несколько дней группа людей вышла из двухэтажного дома и, пройдя перекрёсток, испарилась.

Оказывается, все: и россияне, и «укропы» — ломали голову, куда исчезли беглецы?

— Это Господь закрыл нас от всех, — говорила Елена, когда рассказывала мне всю историю до мельчайших подробностей. И я с нею согласна. Да, это Господь укрыл их на долгие 46 суток и сохранил жизни, оберегая от посторонних глаз...

Ещё несколько раз наши друзья с помощью модема, установив его недалеко от убежища на высоком шесте, пытались связаться со своими родными. Но как только вставляли сим-карту, тут же начинался миномётный обстрел. Укропы пытались зачистить место, откуда шёл сигнал. И снова спасала массивная плита над головой.

Беспрерывно летающие дроны с лёгкостью могли определить по звонку место нахождения наших затворников. Никто не захотел больше испытывать судьбу. Вход в подвал забаррикадировали разным хламом, создав видимость мусорной свалки. Из модема и телефонов вынули сим-карты, чтобы невозможно было их вычислить. И стали ждать...

Описывая связь своих друзей с внешним миром, да и не только связь, я вспоминала старые советские фильмы о Великой Отечественной войне. Мало что изменилось. История повторяется, только на новом витке с учётом более прогрессивных методов ведения войн. Ничего не поделаешь – XXI век на дворе – век информационно-цифровых технологий...

4

Июль месяц давно перевалил за середину. Приближался август. Всё вокруг громыhalo. Боевые действия велись уже в самом посёлке.

А мы с мужем в это время пытались выяснить, что с нашими друзьями, живы ли. С первого июля с ними не было уже никакой связи. Больше месяца я о них ничего не знала, на все мои СМСки они отвечали молчанием.

В неведении находиться было невыносимо, и тогда я решила сделать запрос в одну из местных групп соцсети интернета, связанную с поиском родных: может быть, кто-нибудь что-то знает о них. А вдруг кто-то их видел? И сразу же, без замедления, прилетела чёрная весть:

— Они все погибли! Вся семья! Попали под ракетный обстрел, — сообщили мне.

— Не верю! Этого не может быть! Я не хочу в это верить! — закричала я и заплакала. Это известие прозвучало, как взрыв снаряда, оглушив меня на какое-то мгновение. Внутри всё похолодело.

Страшные новости продолжали поступать и из других источников. Но, несмотря ни на что, я отвечала, что никому не верю, и плакала. Говорили, что кто-то видел, как их арестовали и увезли. Кто-то сообщил, что якобы их опознали мёртвыми, и это

подтвердили в полиции. А я все равно не хотела верить, плакала и молилась. Я рыдала, а внутри меня происходило что-то непонятное: с одной стороны, утверждали, что вся семья погибла и есть на то множество свидетельств и подтверждений, а с другой стороны, мой Ангел-Хранитель мне говорил: «Не верь! Они не могли погибнуть, ты же постоянно молишься за них! Всё во власти Божьей». И я продолжала молиться, ходить в церковь и подавать записочки в алтарь за живых. Связалась с братом Андрея и сестрой Елены. Они тоже не верили в смерть своих родных. И тогда мы все вместе, хоть и находились друг от друга далеко, продолжали молиться и уповать на Божью милость и заступничество Пресвятой Богородицы. И оказались правы! Вопреки всем и всему, наши родственники были живы.

Укрытие, в котором находились наши герои долгие сорок шесть суток, представляло собой довольно глубокое и крепкое подвальное помещение длиной в пять и шириной в два метра. Сверху была уложена массивная бетонная плита, благодаря которой, подвал не был уничтожен огнём. Даже деревянные полы над подвалом остались целыми. К тому же, завалившиеся стены гаража и обгоревшая «Газель» прикрывали не только подвал, но и его вход. Для проветривания в подвале имелись вентиляционные отверстия.

Замкнутое пространство в 10 квадратных метров на 14 человек, один из которых был парализован, и двое раненых, в том числе «тяжёлый»; отсутствие санитарной комнаты; отсутствие какой-либо информации о том, что в действительности происходит, и непрекращающаяся охота «укропов» усугубляли и без того тяжёлое положение спрятавшихся от нацистов людей.

Это во время формирования космических экипажей при выборе космонавтов работает не один ряд психологов, проверяя кадры на совместимость характеров для их продолжительной работы в замкнутом пространстве.

А в нашем случае, о каком подборе могла идти речь? Все спасались, как могли.

В течение 60 суток подвальной жизни, 46 из которых – в полнейшем затворничестве, очень остро вставали извечные проблемы отцов и детей, свекрови и невестки, молодого и старшего поколения. Да, были споры, ссоры, выяснения отношений, но каждый раз все инциденты в скором времени заканчивались – мгновенно обрывались! – перед страхом смерти.

Несколько раз Елена с Асей готовы были всё оставить и выйти с малолетними детьми на поверхность, в надежде, что их пощадят. Но они глубоко ошибались. Наверху их подстерегала

смерть. Все отчётливо слышали, как дом, в котором они находились, забрасывали минами, в том числе и 120 мм. На ломанном русском языке совсем рядом кричали:

— Русский солдат, сдавайся! Русский, выходи! Вам ничего не быть! — И тут же через некоторое время раздавались пулемётные и автоматные очереди.

Тщетность поисков привела к тому, что «укропы» привлекли на помощь тяжёлый беспилотный летательный аппарат — «Бабу-Ягу». И с этого момента с завидной регулярностью — каждый божий день! — в течение двух недель на остатки дома и гаража, в подвале которого находились наши затворники, и вокруг него падали тяжёлые снаряды.

Терпение людей доходило до точки кипения. Безысходность замкнутого пространства, бессонные ночи, нехватка воды и еды, отсутствие дневного света и неизвестность происходящего на поверхности доводили людей до отчаяния, провоцируя нервные срывы. Благо, не у всех сразу, а поочерёдно.

Каждый раз, когда кто-нибудь готов был выйти, всегда находился кто-то, кто останавливал бунтовщика. Потому что, если бы хоть один человек вышел из подвала, его бы обязательно заметили, и тогда погибли бы все, в том числе и дети. В живых никого бы не оставили. Поэтому старались, несмотря ни на что, вспоминать только положительные моменты из прошлой жизни и даже комичные случаи, рисуя с осторожным оптимизмом безоблачное будущее.

Продуктов оставалось совсем немного. Воду давно уже делили по глоткам. Маленькие дети постоянно просили кушать, а дать им было нечего. Мать с бабушкой от безысходности, казалось, сходили с ума. Из одной банки тушёнки готовили на всех горячую похлёбку.

Пока проводилась пересмена у операторов БПЛА, мужчины под страхом смерти по очереди преимущественно ночью выходили из подвала на несколько минут, чтобы на засаженном весной огороде, выкопать куст-два картофеля и сорвать пучок уцелевшей зелени.

Вы спросите, а как они готовили еду? На чём? Где? Как и куда ходили в туалет?

Готовили на ступеньках подвала, не выходя из него, при помощи газовой горелки, которая не давала задымления и поэтому не могла выдать присутствующих. Небольшие туристические газовые баллоны были заготовлены заранее предусмотрительным хозяином.

А вот с нечистотами было непросто. Специально отхожего места не было. Да и откуда ему там было взяться на площадке в 10 кв.м? Все ходили на одно ведро, которое потом, выбрав момент, выносили на улицу. Но так было до тех пор, пока не начала летать над домом «Баба-Яга». А с её появлением, ведро, наполненное отходами и фекалиями, выливали в обыкновенный молочный бак. По мере заполнения, выбирая опять-таки удобный момент, выкатывали его наверх и опорожняли. Как правило, это было перед рассветом во время пересмены операторов дронов и перезарядки самих летательных аппаратов.

И ещё, при недостатке пищи и дефиците воды, не очень-то захочешь по нужде. Это факт.

5

Сорок шесть дней наши кумовья всей семьёй со своими родными и близкими провели в подвале, начиная с 7 июля.

С каждым днём стрелковое оружие раздавалось всё ближе и ближе. Две противоборствующие силы сражались не на жизнь, а на смерть. И вот уже бои проходили в считанных метрах от подвала. Через отдушины отчётливо было слышно грязную, матерную, украинскую брань. Маленькую Евгению развлекали, как могли, лишь бы она не начала плакать и всех не выдала, а Елена в это время с особым усердием продолжала молиться Богу: «Господь просвещение моё и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого утрашусь?.. На Него аз уповаю...»

Она молилась не только за своих родных и близких, она молилась и за врагов: «Ненавидящих и обидящих нас, рабов Твоих, прости, Господи Человеколюбче, не ведут бо, что творят, и согрей их сердца на любовь к нам недостойным».

Благодарила Господа за все испытания, которые приходится им переживать.

Ситуация оставалась по-прежнему неясной. Незнание доводило до иступления. Совершенно случайно в одном из захламлённых углов подвала мужчины нашли поломанный небольшой радиоприёмник. Кое-как, с помощью отвёртки, смогли его настроить на единственную волну «Радио Республика» (Донецк), постоянно работающую в режиме онлайн. Сигнал был очень слабым, а потому и тихим, но – слава Богу! – он доходил. Новости «Республики» были глотком свежего воздуха для наших затворников.

К 14 августа почти полностью закончилась вода. У детей поднялась температура и началась диарея. У Фёдора рана на плече

затянулась, но рука оставалась неподвижной. Надо выходить и пробираться к своим – в Горловку. Но как связаться с той стороной? Как только включали модем, тут же начинали кружить дроны-камикадзе и ложиться мины. От сотрясения земли осыпалась штукатурка со стен и потолка. Подвал заполнялся пылью, становилось нечем дышать. А если снаряды ложились совсем близко над головой, то, казалось, лопались перепонки. Многие получили контузию. И опять-таки спасала железобетонная плита, перекрывающая подвальное помещение.

По новостям они следили за каждым метром освобождения города армией ДНР от фашистов. Как радовались они новому, пусть и незначительному, продвижению вперёд! В конце концов, был освобождён и их «пятачок».

К 17 августа наступила относительная тишина. Дом, в котором находилось убежище, и окрестности вокруг него дня два уже никто не бомбил. Ребята решились подключить модем и наладить связь. Они позвонили друзьям, которые намного раньше вышли из города, и теперь находились в Горловке. От них узнали, что «укропов» отогнали к террикону шахты «Северная». Значит, никого рядом нет. Решение было принято.

На понедельник – 19 августа – в Праздник Преображения Господа нашего Иисуса Христа был назначен выход на поверхность в половине пятого утра. Рано утром дроны летали очень редко.

В эту ночь почти никто не спал. Всех переполняли противоречивые чувства: с одной стороны – чувства предстоящей свободы и возможного спасения, с другой стороны – подстерегающая опасность, угрожающая их жизни со стороны летающих вражеских дронов. Но на всё – воля Божья! Кто-кто, а они теперь это точно знали!

Светало. Вокруг стояла тревожная, волнующая тишина. Фронт откатился к западу – ближе к окраинам самого города Дзержинска. Где-то были слышны редкие автоматные очереди. Нужно было торопиться, пока не поднялись в небо беспилотные летательные аппараты. Все вещи, а их и не так уж много, были уложены с вечера. Да и много ли можно было уместить в сумках и рюкзаках ручной клади? К тому же на руках ещё двое ослабленных болезнями малолетних детей, парализованная тётя и раненый сын. Детей решено было нести по очереди на руках, а для тётки смастерили из садовой тачки коляску.

Поднявшись на поверхность, наши затворники не узнали окружающего их ландшафта.

Во-первых, прямо у входа в подвал торчали две неразорвавшиеся мины 120-мм калибра. Их снова охватил ужас! Оказывается, всё это время они висели на волоске от смерти!

Во-вторых, вокруг были одни обгоревшие сады, обуглившиеся развалины домов, сараев и гаражей, кое-где ещё дымившиеся от пожарниц. Со скорбным видом, без какой-либо надежды, смотрели в небо чёрные остовы печей и их дымоходные трубы.

Первого павшего воина наши друзья увидели сразу же возле своего двора. И дальше поступила команда от Андрея и Фёдора:

— Не смотреть по сторонам! Смотреть под ноги! — закричал Фёдор.

— Смотреть только под ноги и больше никуда! Никуда! Все слышали? — громко приказал Андрей.

Они шли толпой друг за другом, расчищая ногами дорогу, чтобы провезти тачку, на которой полулежала парализованная женщина.

В воздухе, не успевшем за ночь остыть, стоял едкий запах разлагающихся трупов как гражданских, так и военных лиц. Опознать кого-либо не представлялось уже возможным.

И везде: воронки, воронки, воронки и подбитая техника. А между кирпичами и досками разрушенных домов – самое страшное! – торчали неразорвавшиеся снаряды. Шли молча. И только Ольга Ильинична – крёстная Андрея, с подругой – Ларисой Ивановной, читали молитвы...

Четырнадцать человек, измученные голодом и жаждой, истерзанные обстрелами украинских боевиков, измождённые бессонницей, торопились в Горловку. Там, только там их ожидало спасение! Им нужно было пройти всего 5 км, но в сложившейся ситуации эти 5 км приравнялись к целым 50-ти.

На полпути над идущими путниками навис беспилотный летательный аппарат. Что делать? Куда бежать? Вокруг – ни одного укрытия, а дорога сплошь усеяна воронками от мин и снарядов. Особенно не разгонишься с больными и детьми на руках. Все остановились и стали, как вкопанные – от судьбы не уйдёшь. А дрон покружил слегка над ними и полетел дальше. Это был российский разведчик. Выдохнув из груди воздух, двинулись дальше, пытаясь ускорить шаг.

Где-то, не доходя 1,5 километра до шахты им. Гагарина, их настиг УАЗ-«дуэт» с кузовом, закрытый тентом. Несмотря на то, что машина была с людьми (в ней находились шесть молодёжных российских военных – штурмовиков), всю группу быстро загрузили в машину и повезли в Горловку. Ехать нужно было очень быстро, так как солнце уже поднялось, и в воздухе начинали кружиться украинские «бабки-ёжки».

Маневрируя между воронками, водитель УАЗика, словно участник автородео, ставил машину то на два правых колеса, то

на два левых. Зрелище, по истине, было театрализованным. Однако женщинам, находящимся в кузове, было не до представлений. Им было очень страшно. А вдруг они сейчас перевернутся и свалятся в воронку? — а в кабине сидели раненный Фёдор и Ася с детьми. Чтобы побороть страх и вымолить благополучный исход из ада, женщины начали петь «Богородице, Дево, радуйся!». Они так громко пели, что не слышали рёв мотора, захлёбывавшегося от скорости. Молоденькие штурмовики молчали и улыбались. Им было очень жаль этих измученных войной людей, несмотря на то, что сами каждый день смотрели смерти в лицо.

Очень скоро машина остановилась рядом с комендатурой.

— Зачем им в комендатуру? — спросил водителя один из штурмовиков. — Ты видишь, они с малолетними детками. Вези их сразу в распределительный центр, — сказал он и тут же забежал в рядом стоящий магазин, купил сок и сладости для детей, а взрослым сунул деньги в руки:

— Возьмите, купите продуктов, — улыбнулся солнечною улыбкой и убежал по своим мужским — военным — делам.

А 20 августа мы уже смогли по телефону поздравить нашего крестника с днём рождения. Ему в этот день исполнилось 16 лет.

Я вслушивалась в родные голоса Андрея, Елены, Фёдора, нашего Славика и плакала. Я плакала от счастья! Они все были живы! Измученные, раненные, но живые!

А ещё спустя две недели мы смогли пообщаться с друзьями по видеосвязи через Телеграм-канал. Андрей с Еленой очень сильно изменились. Перед нами сидели сильно похудевшие и измождённые переживаниями люди. Они казались намного старше своего возраста. Друзья улыбались нам, радуясь встрече и общению, но их глаза... в глазах навсегда остались следы того ужаса, который им пришлось пережить. И всё-таки, несмотря ни на что, Петровы теперь надеялись только на лучшее.

Слава Богу за всё!

Как сложилась их дальнейшая судьба — это уже другая история. Может быть, и о ней я как-нибудь расскажу...

** Все имена и фамилии в рассказе — изменены.*

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ

Стихия памяти

ЛЮДМИЛА ДОВГАЛЕНКО

(1957-2022)

Родилась, проживала и работала в Донецке. Художник-график, керамист. Преподавала в «Центре детского творчества» лепку из глины. Писала на русском и украинском языках прозу, лирику, юмор, сказки. Публикации в литературных журналах Донбасса и России, альманахах и коллективных сборниках. Неоднократно была отмечена дипломами всеукраинских и международных конкурсов и фестивалей. Член Межрегионального союза писателей и СП ДНР. Умерла 26 февраля 2022 года.

НА ОРБИТАХ ИЮНЕЙ

Не взыщи...

Это всё вот такие мои «зималетты»,
это: окна из прошлого (в стёклах витрин).
Приходи, будем кофе остывший пить Леты,
помянуть всех Алён, Игорьков да Ирин...

Взгляд включи:

светит в окна девица-черешня,
птичьим клювам на радость пирушка...
А мне в ...надцатый выжить бы, грешной,
передай, что война не игрушка.

Посмотри:

в этом доме все окна-бойницы,
в этом смотрят не окна, а лики-иконы,
и чужие есть окна – в больницах,
и есть окна в умах – «не для нас и закона».

Раз-два-три:

в моём доме все окна на вырост,
носят лета их, зимы, нет им износа,
в плечи птичий устроился клирос,
и в уме, притаившейся глоссой,

(в корень зри)

тонкорунный судеб волосок...
Пришивает Близнец, брат Изок,
яркий космос соцветий трескучий,
словно вечность, ко древу-кресту

(Бог гласит:

постоянство и окон, и дум)...
И язык мой, слову когда-то обучен,
набухает молчаньем во рту,

словно рыбой беременный трюм.

Аметист,
сердолик, агат и рубины – на выбор
нерестятся во флоре у бога июня,
в небе звёзды роятся, роятся как рыбы,
а в пространстве орбит (окололунном)
Трисмегист,
в ожидании нас крутится глыбой.

Мне, видать, от прабабки досталось: удачу носить такую,
Словно ветошь, в заплатках, грусть-попынь качать вековую,
И хранить эти чёрные горы – наследство далёкое пращуров,
Притаилось в них тихое горе злой добычею древних ящеров.
Гладь ладонью тело першавое половецкой царицы степей,
Не откроется рот её ржавый, тайны не выдаст эпохи вождей.
Уместилось всё царство её в хомутовский из ситца лоскут,
Рвут глухие ветра вервиё, лихо круглое катят из кута в кут.
Не шелохнётся камень-баба, сверлит взглядом бездонную ночь,
Зло щекочутся змеи-травы, наливаются ягодой-волчь.
Может завтра, дай Бог, чтоб сегодня, разомкнёт эта баба уста...
Но успеть бы – поймать её слово, в нём себя разгадать до конца.

РОНДО

Он почти, что настиг меня,
Ворон мрака, ворон печали,
В глуби глаз его нет огня,
Только холод и немость начала...
А хотелось офорты марта
В шумно-пёстрый апрель Камю
Солнцем выкрасить «от Монмартра»,
Дни словами зачать на «лю»...

Здесь театры иного рода,
Не гадальные рвутся карты,
Трупоедами труп обглодан
Ухмыляется маской Сартра
В тёмный Список Свет-Богородицы –
Заслонить бы Её рукой.
Пьёт апрельское солнце звонница,
Да не ворон её изгой,

Вездесущий и чёрнокрылый –
Мега века, войны и дня –
В полусфере небной берилла
Он почти, что... настиг меня.

«Пять стихий» литературно-художественное издание
Журнал не является коммерческим проектом
Издание безгонорарное

Корректурa – <https://ultratext.ru>

Художник – Г. Н. Иванова

Адрес редакции журнала: 284646
Донецкая Народная Республика,
г. Горловка-46, ул. Пушкинская – 57/48

12+ *В соответствии с законом «О средствах массовой информации»*
Донецкой Народной Республики от 29 июня 2015 года.

Материалы принимаются после положительного решения редакционной коллегии. Редакция имеет право отказать автору без указания причин, и не вступая в переписку.

Редакция допускает самостоятельное изготовление бумажного варианта журнала по макету, предоставленного авторам в PDF формате, при условии, что самостоятельно изготовленные экземпляры будут соответствующего качества.

Подписано к выпуску 17.07.2026 г.
Гарнитура: SchoolBook, Prosto, Traktir.
Номер выпущен в формате PDF

Учредитель: Нечипорук Иван Иванович (Горловка).

